

история/география/этнография

Тамерлан — покоритель Азии

Т амерлан — покоритель Азии

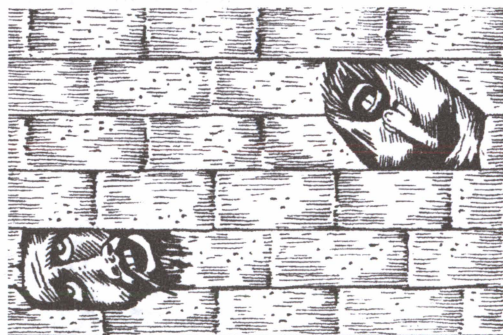

Ломоносовъ
издательство

Т

амерлан —
покоритель Азии

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94(575.1)
ББК 63.3(5)
Т17

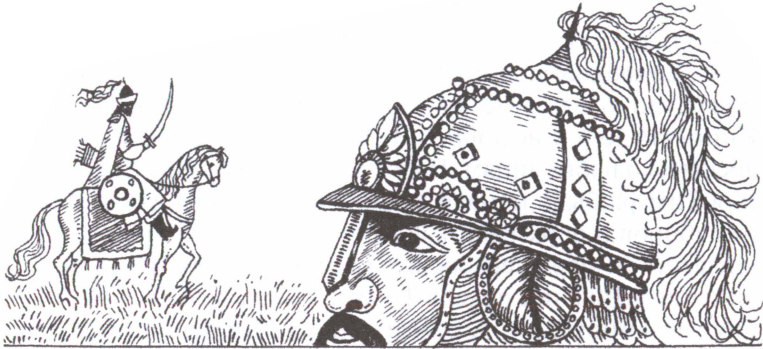
*Славянская
Витавка & Кати*

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

Александр Якубовский*
Тимур

Жизнь и деятельность Тимура хорошо освещены источниками письменными и вещественными. Письменные источники по преимуществу носят повествовательный характер и представляют, с одной стороны, сочинения о деятельности Тимура, составленные при его жизни или вскоре после его смерти, с другой — сочинения мемуарного характера, написанные людьми, лично его видевшими. Немалое значение среди источников имеют эпиграфические памятники — надписи на постройках и произведениях искусства, так или иначе связанные с именем Тимура. Большая часть повествовательных источников о Тимуре носит характер официозный, апологетический и отличается присущими подобной литературе чертами: пристрастием и склонностью излагать события в пользу лица, которому посвящено сочинение.

* Александр Юрьевич Якубовский (1886—1953) — востоковед, член-корреспондент Академии наук СССР (1943). Специалист по истории Средней Азии, Кавказа, Золотой Орды, стран Передней Азии. С 1945 года руководил Согдийско-Таджикской археологической экспедицией. Ученик академика В. В. Бартольда.

Внимательное изучение официозной историографии о Тимуре показывает, что он во время своих походов держал при себе «дабиран-и хас» (личные секретари) и «фадилан-и аср» (образованные люди эпохи) как из числа уйгурских, так и из числа персидских ученых, которым поручал описание того или иного из своих походов. Так, один из ученых, Омар, с пышным титулом «Насир ал-хакк ва шарият ва дин», сопровождавший Тимура в его походе в Индию, написал, по его поручению, «Дневник индийского похода». Книга эта до нас не дошла. Иногда описание похода поручалось нескольким лицам. Надо думать, что в конце царствования Тимура было немало сочинений, вышедших из-под пера дабиров и образованных людей. Одним из них является в известной мере переросшее рамки простого дневника сочинение «Дневник похода Тимура в Индию», составленное Гияс ад-дином Али. К сожалению, в «Дневнике» не сохранилось указаний на то, сопровождал ли Гияс ад-дин Али Тимура в его походе в Индию, или он только обработал чужие записи. В сочинении имеется лишь рассказ об обстоятельствах написания труда. К автору, жившему в Иезде (Западный Иран), явился один из приближенных Тимура и предложил ему составить на простом и понятном языке подробный дневник индийского похода, предпослав ему краткое изложение предшествующих войн Тимура.

Сочинение Гияс ад-дина Али было написано, как выяснил В. В. Бартольд, до 12 марта 1403 года, так как в нем упоминается о внуке Тимура Мухаммед-Султане как о живом еще лице и говорится о возможности завоевания Тимуром в ближайшее время Египта и Сирии.

Сочинения, подобные дневнику Гияс ад-дина Али, и легли в основу той официозной историографии, которая дает нам главный свод фактических сведений о жизни и деятельности Тимура и представляет собой полное обозрение его политической биографии. Первое из этих сочинений, дошедших до нашего времени, — «Зафар-Наме» («Книга побед») Низам ад-дина Шами. Из биографии Тимура, приведенной в «Зафар-Наме», мы узнаём, что он, будучи неграмотным человеком (не умел читать ни по-персидски, ни по-турецки), являлся человеком для своего време-

ни весьма образованным и хорошо знал историю стран мусульманского переднеазиатского мира. Тимур держал при себе личных чтецов, которые в часы досуга, дома или в походе, читали ему сочинения по интересующим его вопросам. Тимур одинаково хорошо знал турецкий и персидский, точнее, таджикский языки и любил книги, написанные простым и понятным слогом.

Сочинение Нияз ад-дина Шами является первым по времени лишь из числа дошедших до нас. В предисловии к «Зафар-Наме» Низам ад-дин Шами вспоминает, что в то время, когда Тимур поручил ему в 804 году (1401—1402) ¹ описать свои походы, история завоеваний Тимура была уже написана, однако последнего она не удовлетворяла.

Значение Низам ад-дина Шами в историографии Тимура выяснено уже с полной убедительностью. Низам ад-дин Шами был родом из Шама, пригорода Тебриза, почему и назывался Шами. С Тимуром он встретился в Багдаде вскоре после завоевания города в 795 году (1392—1393) и тогда же поступил к Тимуру на службу. Низам ад-дин Шами написал «Зафар-Наме» простым и ясным слогом и в этом отношении вполне удовлетворял требованиям и вкусам Тимура. Коренное отличие «Зафар-Наме» Низам ад-дина от сочинения Гияс ад-дина Али в том, что первое охватывает всю политическую деятельность Тимура. Низам ад-дин предпослал своей книге введение, рисующее состояние Средней Азии до появления на исторической арене Тимура в 1360 году. С этого года он начинает подробный рассказ. Закончил свое сочинение Низам ад-дин Шами до смерти Тимура, то есть до 1405 года. Последняя глава «Зафар-Наме» посвящена описанию празднеств в Карабаге Аранском весной 1404 года. «Зафар-Наме» написано на материале дневников отдельных походов, которые велись вышеупомянутыми секретарями и историографами Тимура. Издатель сочинения Гияс ад-дина Али Л. А. Зимин доказал, «что описание индийского похода у Низам ад-дина сделано целиком путем извлечения и сокращений рассказа Гияс ад-дина Али». Тем не менее значение «Зафар-Наме» Низам ад-дина Шами как источника для изучения Тимура и его времени исключительно велико. Собранный в нем свод фактического материала лег

в основу всех последующих сочинений, посвященных жизни и деятельности Тимура. Несмотря на апологетический характер изложения, историку легко разобраться в том, что в его рассказе достойно доверия и что требует к себе критического отношения.

Вторым по времени крупным сочинением о Тимуре, также носящим официальный характер, является большой труд Шереф ад-дина Али Иезди под таким же названием — «Зафар-Наме» — «Книга побед». Как показывает имя автора, он был родом из города Иезда. Жил Шереф ад-дин сначала при дворе Шахруха (1405—1447), а потом при дворе его сына Ибрахим-султана, бывшего правителем Фарса. Последние годы своей жизни Шереф ад-дин Али Иезди провел в местечке Тафт, вблизи Иезда, где и умер в 1454 году.

Сочинение Шереф ад-дина Али Иезди, написанное уже после смерти Тимура, было закончено в 828 году (1424—1425). Шереф ад-дин указывает, что начало этой работы положено было внуком Тимура Ибрахим-султаном с помощью его секретарей в городе Ширазе. Шереф ад-дин лишь литературно обработал это произведение. По-видимому, Шереф ад-дин Али Иезди сильно преувеличил роль своего покровителя в написании «Зафар-Наме», что в известной мере объясняется характером отношений между царевичем-правителем и зависящим от него придворным писателем-историком. Кто бы ни был автором второго по времени «Зафар-Наме», в основу его он положил текст сочинения Низам ад-дина Шами, что легко проверить путем сравнения основных частей обеих книг. Однако у Шереф ад-дина Али Иезди приведено больше фактического материала, чем у его предшественника; объясняется это тем, что у него были дополнительные источники. Шереф ад-дин обращался не только к труду Низам ад-дина Шами, но к тем же дневникам походов, что и последний, причем извлек оттуда больше фактов, чем его предшественник.

В распоряжении Шереф ад-дина был источник, которым Низам ад-дин Шами не пользовался совсем: хроника «Тарихи-Хани», составленная в стихотворной форме уйгурскими секретарями, на уйгурском языке, уйгурским письмом. К сожалению, этот источник, не раз упоминаемый в восточной

историографии, до нас не дошел. Черпал сведения Шереф ад-дин Али Иезди также у отдельных участников походов Тимура, в рассказах которых было немало деталей, совершенно отсутствующих в упомянутых выше дневниках.

Труд Шереф ад-дина, включающий много новых по сравнению с трудом Низам ад-дина фактов из жизни Тимура, имеет и больше недочетов. Мы имеем в виду прежде всего стиль его труда: «Зафар-Наме» написано языком пышным и витиеватым, так насыщено фразеологией, что часто страницу рассказа можно свести к нескольким строчкам. Прозаическое изложение пересыпано стихами, в подавляющем большинстве принадлежащими самому Шереф ад-дину. В еще большей мере, чем его предшественник, Шереф ад-дин является апологетом Тимура. Автор везде, где только возможно, восторгается Тимуром, старается показать, что поступки его вызывались благородством побуждений и являлись плодом глубокой мысли. В тех случаях, когда Тимур терпел неудачу (как во время «грязевой битвы» в 1365 году на берегу реки Чирчик), Шереф ад-дин целиком перелагает вину на его сподвижников. Даже такие жестокие поступки Тимура, как истребление по его приказанию населения в восставшем Исфахане в 1387 году или убийство 100 тысяч пленных перед сражением в Индии с делийским султаном Махмудом, находит у Шереф ад-дина полное оправдание. Впрочем, так же высказывается по этим вопросам и другой историограф Тимура — Низам ад-дин Шами.

Как образец хвалебного тона изложения позволим себе привести несколько строк из сочинения Шереф ад-дина Али Иезди. Описывая свое впечатление от соборной мечети Тимура, выстроенной последним в годы 1399—1404 на средства, награбленные во время индийского похода, автор восклицает: «Если ты ищешь сравнения для арки и купола ее максуры², ничего нельзя сказать, кроме как — Млечный Путь и небесный свод. Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением, и единственной была бы арка, если бы Млечный Путь не оказался ей парой».

В этих строках восхваление Тимура переходит всякие границы. Трудно себе представить, как мог правоверный мусульманин сказать: «Купол был бы единственным, если бы

небо не было его повторением» вместо «Купол был бы единственным, если бы не был повторением неба».

В апологетике Шереф ад-дина Али Иезди разобраться трудно, и историку легко критиковать «Зафар-Наме» как источник. К «Зафар-Наме» написано обширное предисловие — «Мукад-даме», однако до сих пор нет уверенности, что автором его является Шереф ад-дин Али Иезди. Характерно, что наиболее старые рукописи «Зафар-Наме» не содержат этого введения. В предисловии дается, главным образом по Рашид ад-дину, изложение событий, начиная от Чингисхана до Тимура.

Совершенно в стороне от линии сложения двух «Зафар-Наме» — Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди — находится такой ценный источник, как «Аноним Искендера». Долгое время не знали, кто был автором этого сочинения, но в конце своей жизни В. В. Бартольд смог наконец определить, что автором «Анонима» является некий Муин ад-дин Натанзи, служивший при дворе внука Тимура Искендера (сына Омар-шейха), бывшего наместником в Фарсе и Исфахане между 1409—1414 годами. По его поручению и составил Муин ад-дин Натанзи свое сочинение.

Последнее не является историей только правления Тимура. Изложение событий, связанных с именем Тимура, занимает лишь одну главу. Внимательное чтение раздела о Тимуре убеждает, что источники его иные, чем у Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди. В тексте Муин ад-дина Натанзи встречается много тюркских и монгольских слов; это обстоятельство дало возможность предположить, что основной источник «Анонима Искендера» был написан на тюркском языке и не был известен двум вышеупомянутым историкам. Ввиду несовпадения данных этого источника с данными уйгурской хроники «Тарих-и-Хани» исключается возможность их отождествления.

Сочинение Муин ад-дина Натанзи составлено в 1413—1414 годах, то есть на одиннадцать-двенадцать лет раньше сочинения Шереф ад-дина. Как дополнительный источник по истории Тимура, оно чрезвычайно важно, так как включает в себе факты, совершенно отсутствующие в других источниках.

Указанными выше авторами источники о Тимуре не исчерпываются. О жизни Тимура много написано у Хафиз-и Абру, Абд ар-Реззака Самарканди и Мирхонда, знаменитых историков XV века, составивших сочинения по всеобщей истории. Хафиз-и Абру при написании своего труда использовал, с одной стороны, сочинение Низам ад-дина, с другой — упомянутый выше безымянный источник на тюркском языке, на данных которого построена глава о Тимуре у Муин ад-дина Натанзи. Однако Хафиз-и Абру извлек из тюркского источника немало таких сведений, которых совсем нет у Муин ад-дина Натанзи. В этом большая ценность главы о Тимуре у Хафиз-и Абру. Что касается Абд ар-Реззака Самарканди, как и писавшего вскоре после него Мирхонда (умер в 1498 году), то оба они использовали (непосредственно или опосредованно) Низам ад-дина Шами, Шереф ад-дина Али Иезди и более всего — Хафиз-и Абру.

Таковы сочинения по истории Тимура, вышедшие из среды придворной тимуровской и тимуридской историографии и носящие официальный и апологетический характер.

Наряду с ними имеются письменные источники, авторы которых происходили из среды, никак не связанной с придворной жизнью Тимура и его преемников, и имели полную возможность высказываться свободно.

Среди этих источников необходимо прежде всего отметить большой труд по истории Тимура, составленный на арабском языке Ибн Арабшахом, «Аджиб ал-макдур фи навайб ал-Тимур» («Чудеса предопределения в событиях (жизни) Тимура»).

Несколько слов из биографии Ибн Арабшаха сделают понятным характер его книги о Тимуре. Ибн Арабшах — араб по происхождению, родом из Дамаска, родился в 1388 году. Двенадцатилетним мальчиком он был взят в плен Тимуром и увезен в Самарканд. Все виденное и пережитое в детские и отроческие годы предопределило его отношение к Тимур, которого он ненавидел со всей страстностью своей незаурядной натуры. К походам Тимура и его грабительской и захватнической политике он относился глубоко отрицательно, что сказалось на всей его книге, хотя Ибн Арабшах нигде не отказывает Тимур ни в уме, ни в организаторском

таланте, ни в военном гении. Книга Ибн Арабшаха в качестве своего основного источника имеет как личные наблюдения и воспоминания автора, так и рассказы современников Тимура, участников его походов, участников и свидетелей многих его дел и событий его царствования. Особенно интересно и ценно у Ибн Арабшаха описание тех фактов и событий из жизни Тимура, которые изложены и освещены у Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди. Сравнение описания событий в официозной историографии с критическим освещением Ибн Арабшаха часто помогает разобраться в том, как протекали они на самом деле и какое они произвели впечатление на современников. Такая сравнительная работа полезна, между прочим, и в том отношении, что дает нам право считать хотя бы формально достоверными факты, сообщаемые официозной историографией, — место, время, масштабы происшедших событий и фактов. Ибн Арабшах был образованным человеком; будучи в плену, он много путешествовал, побывал в Хорезме, Астрахани, Сараях, Крыму, изучил языки персидский, монгольский, а в Адрианополе, уже при возвращении на родину, — турецкий.

Огромное значение для истории Тимура имеет известное посольство Рюи Гонзалеса де Клавихо, отправленное ко двору Тимура в Самарканд кастильским королем Генрихом III. Посольство выехало из Испании в 1403 году и вернулось на родину в 1406 году. В Самарканде посольство провело значительную часть 1404 года. Клавихо виделся с Тимуром несколько раз, говорил с ним, много слышал рассказов о нем, лично побывал в Самарканде и других городах в государстве Тимура. Все виденное и слышанное он записал в форме дневника. Рюи Гонзалес де Клавихо — наблюдатель тонкий и умный. Его положение независимо, и его отношение к Тимурю могло быть беспристрастно. Так же, как Ибн Арабшах, он записывал не только им виденное, но и то, что ему приходилось слышать. Если Ибн Арабшаха можно еще упрекнуть в пристрастном, отрицательном отношении к Тимурю, то Клавихо этого нигде не проявляет.

Сочинения обоих этих авторов, представляющие группу частных свидетельств о Тимуре, являются ценнейшими источниками о его юности и молодых годах. Известно, что дан-

ные о молодых годах Тимура в официозной историографии отсутствуют; подробные данные о жизни Тимура начинаются лишь с похода Туглук-Тимура³ на Мавераннахр в 1360 году. Молчание это, конечно, объясняется тем обстоятельством, что годы юности и ранней молодости Тимура были полны событиями, которые компрометировали его. Извращать факты официозная историография не хотела, почему и предпочитала первые 25 лет жизни Тимура вычеркнуть из его биографии.

В качестве весьма заслуживающего внимания источника о молодых годах Тимура нужно отметить и русскую летопись. Русская летописная историография XV—XVI веков хорошо была осведомлена о событиях в Золотой Орде XIV—XV веков и политической жизни Средней Азии, связанной с деяниями царя Темир Аксака в XIV—XV веках. Небезынтересно, что восточная историография XV века, хорошо осведомленная в географии и истории мусульманских стран, не имеет даже самых элементарных сведений о Руси. Ниже мы будем иметь возможность убедиться, насколько ценен рассказ Никоновской (или Патриаршей) летописи о ранней молодости Тимура.

Огромную роль для политической и культурной истории времен Тимура играют в качестве первоисточника памятники материальной культуры, особенно знаменитой тимуровской архитектуры.

Первоклассные постройки и их остатки, относящиеся ко времени Тимура — мечети, мавзолеи, ханаки⁴, дворцы (городские и загородные) в Самарканде, Шахрисабзе, Туркестане и других местах, — дают возможность судить о технических приемах возведения построек, о технике и художественных приемах орнаментации зданий поливными изразцами (резные, расписные и мозаичные наборы), о мотивах и темах этой орнаментации, наконец, о связи всех этих приемов орнаментации с культурным наследием Мавераннахра и стран, покоренных Тимуром, откуда он вывез в Среднюю Азию, особенно в Самарканд, так много различных мастеров, художников и ученых. Исключительное место на этих постройках занимают надписи — коранические и светские. Среди последних мы находим даты построек, имена строивших их зодчих, имена мастеров, выкладывавших замечатель-

ные изразцовые композиции. В надписях можно, наконец, встретить выражения, характеризующие представления Тимура о значении его власти, титулатуру, которую он применял к себе, и т. д.

Тимуровское время сохранило, наконец, и немало отдельных памятников искусства, связанных по большей части с архитектурой, например резные деревянные двери, бронзовые подсвечники из мечети, росписи внутренних стен в мечетях, мавзолеях и т. д.

Все эти произведения искусства (изделия из бронзы, дерева, керамика) дают возможность судить о местных традициях, с одной стороны, и о культурных и политических связях с соседними странами — с другой. Большое значение имеют и надписи на этих предметах, особенно на изделиях из бронзы (подсвечники, котлы). Достаточно просмотреть имена мастеров с их нисбами⁵, которые упомянуты на зданиях и отдельных памятниках, чтобы судить о той роли, которую сыграли мастера, вывезенные Тимуром из покоренных им стран.

Широко распространено мнение, что эпиграфический материал (надписи) являет собой надежный документальный источник. В основном это, конечно, так, однако и к надписям нужно относиться критически и проверять достоверность сообщаемых ими сведений. Как это важно, видно на таком примере. Известно, что Тимур был сыном барласского эмира Тарагая и никакого отношения ни прямо, ни косвенно к Чингисидам не имел. Об этом ясно говорят все вышеотмеченные источники (официозные и неофициозные), а между тем именно в надписи на знаменитом нефритовом надгробном камне, находящемся в Гур-Эмире, приводится подложная генеалогия Тимура, сближающая генеалогические линии Чингисхана и Тимура в происхождении от общего предка. То, на что не решилась пойти официозная историография (Низам ад-дин Шами и Шереф ад-дин Али Иезди), сделала посмертная надпись, возведя Тимура если не в ряды Чингисидов, то, во всяком случае, найдя ему с Чингисханом общий генеалогический корень, что в известном смысле могло рассматриваться как более ценная черта в генеалогии могущественного эмира.

I. Средняя Азия
во второй половине XIII века
и первой половине XIV века

В 1251 году земли Средней Азии, составлявшие тогда Чагатайский улус, вышли на короткое время из повиновения дому Чагатая⁶. Золотоордынский хан Батый заключил с сыном Тулуя⁷ Мунке союз против потомков Угедея⁸ и Чагатая. На курултае в Каракоруме в 1251 году Мунке при содействии Батыя захватил власть каана (кагана) над Монгольской империей в свои руки. Рашид ад-дин подробно рассказывает о событиях, при которых произошел этот переворот.

Когда появились первые признаки неповиновения власти Мунке-каана, последний начал преследовать своих действительных и мнимых противников. Большинство членов домов Чагатая и Угедея, а также их эмиров было истреблено. Последствием этого переворота была передача Мавераннахра под власть Золотой Орды, сначала Батыя, а потом Берке-хана (1256—1266). При Мунке, ставшем великим монгольским ханом (1251—1259), произошло крупнейшее политическое событие — поход его брата Хулагу⁹ в Иран. В сентябре 1254 года, согласно рассказу Рашид ад-дина, Хулагу-хан разбил свою ставку на равнине Кан-и-Гиль, у самого Самарканда. Откупщик Масудбек расставил здесь для него тканый чистым золотом шатер. В течение сорока дней самаркандская знать устраивала монгольскому завоевателю пиры, охоты и другие увеселения. Поход Хулагу имел последствием полное завоевание Ирана. В 1258 году Хулагу-хан захватил Багдад и уничтожил аббасидский халифат. Вскоре в Иране с центром в Тебризе было положено начало монгольскому Хулагуидскому государству.

В 60-х годах внуку Чагатая Алгую удалось выгнать из Мавераннахра золотоордынских чиновников и восстановить Чагатайский улус. Опираясь на 15-тысячное войско, Алгуй в Чагатайском улусе мог чувствовать себя прочно. В Самарканде, Бухаре и других местах Мавераннахра люди Алгуя сводили счеты со всеми, кто служил Джучидам¹⁰ в годы изгнания Чагатаидов. Среди пострадавших за связи с Берке-ханом был

и сын знаменитого бухарского шейха Сейф ад-дина Бахарзи. В связи с арестами и казнями была проведена конфискация личного имущества казненных. Было восстановлено в Чагатайском улусе правление откупщика Масудбека. Согласно описаниям Рашид ад-дина, Масудбек, по приказу Мункекаана, кроме Мавераннахра, управлял еще городами уйгуров, Ферганой и Хорезмом. Таким образом, Масудбек был откупщиком в Чагатайском улусе с небольшим перерывом со времени отъезда его отца Махмуда Ялавача¹¹ в 1248 году к великому хану Угедею и до своей смерти в 1289 году. Чагатайские ханы мало вмешивались в дела управления Мавераннахром и интересовались главным образом доходами с него, которые аккуратно поступали от Масудбека как откупщика налогов и податей. Рашид ад-дин рассказывает, что когда Алгуй-хан взял себе в жены ханшу Эргене-хатун, то, зная ее хорошее, полное доверия, отношение к Масудбеку, предоставил последнему Мавераннахр в бесконтрольное управление. Масудбек старался всячески угодить Алгую и беспощадно обирал земледельческое и ремесленное население городов. Благодаря таким поборам дела Алгуя улучшились настолько, что он мог содержать большое и хорошо вооруженное войско.

В 60-х годах XIII века, вскоре после смерти Алгуя, внутри Чагатайского дома начались расхождения по вопросу о Мавераннахре. Чагатай и его ближайшее монгольское окружение были отрицательно настроены к исламу и исламской культуре. Однако чагатайские ханы — Мубарек-шах и Боракхан — приняли ислам. Более того: церемония возведения Мубарек-шаха на чагатайский престол в 1266 году происходила не в долине реки Или, а в Мавераннахре, в долине реки Ангрена, что говорит о перемене взглядов на Мавераннахр и о желании хана быть вблизи этой богатой страны, если не в ней самой. Тогда же вместе с Мубарек-шахом в Мавераннахр перебрались и некоторые монгольские роды, в том числе джелаиры и барласы. Первые избрали местом своих кочевий долину Ангрена, вторые — долину Кашкадарьи. Эти роды пришли из Семиречья уже в какой-то мере в отношении языка отюреченными. Процесс отюречивания на новых местах ускорился; не прошло и столетия, как джелаиры и барласы вошли в состав тюркских племен.

Политика усиления внимания к Мавераннахру в некоторых кругах Чагатайского дома, особенно среди кочевий монгольской аристократии, встречала резкую оппозицию. Под влиянием последней чагатайский хан Кайду в 1269 году собрал в Таласской долине курултай монгольских царевичей и нойонов. На курултае победили противники ориентации на Мавераннахр, и участники курултая заключили, по словам Рашид ад-дина, между собой договор, «что они впредь будут жить в горах и степях, не будут держаться вокруг городов, не будут пускать скот на засеянные поля и делать необоснованные взыскания с подданных».

Постановление курултая 1269 года не могло, однако, затушевать глубокого противоречия внутри Чагатайского улуса по вопросу о Мавераннахре. Ханы все больше сочувствовали переходу к городской жизни и стремились взять непосредственно в свои руки власть над богатой, культурной страной — Мавераннахром. Более того: все больше углублялись различия между монголами Семиречья и джелаирами и барласами, осевшими в Мавераннахре. Оставшиеся в Семиречье чагатаи смотрели с презрением на чагатаев, переехавших в Мавераннахр и утративших тем самым чистоту кочевнических традиций, и презрительно именовали их «караунасами», то есть метисами. В свою очередь последние рассматривали чагатаев в Семиречье как отсталых и грубых варваров и называли их «джете», то есть разбойниками¹². Чагатайский улус постепенно распался на две части: Мавераннахр и Моголистан, включающий в себя, кроме Семиречья, Кашгар. Однако это произошло только в XIV веке.

В XIV веке противоречия между чагатайскими ханами, стремившимися к установлению прочных связей с культурными районами, и военной кочевой аристократией, желавшей продолжать кочевнические традиции, обострились до крайности. Ярким выразителем первого направления был чагатайский хан Кебек (1318—1326), выстроивший себе в двух фарсангах (12—14 километров) от Несефа дворец (карши). Впоследствии около этого дворца вырос целый город, перенявший имя Карши и перетянувший к себе жизнь из пришедшего в упадок Несефа. Ко времени Кебек-хана откупная система взимания налогов и податей, а также система управ-

ления Мавераннахром совершенно изжили себя. Сельское и городское население, недовольное откупными порядками, готово было энергично поддержать попытку чагатайских ханов взять в свои руки управление страной. Это обстоятельство и учитывал Кебек-хан, когда приступил к проведению в жизнь двух важных реформ: денежной и административной — так как Мавераннахр в это время очень страдал из-за отсутствия единой денежной системы с соседними мусульманскими странами. Этот недостаток и решил восполнить Кебек-хан. За образец он принял денежную систему, введенную Газан-ханом¹³ в Иране.

Отсутствие единого монетного образца, а также единой и обязательной для всех пробы золота и серебра во владениях Хулагуидов до Газан-хана привело к большой денежной пестроте и к многочисленным злоупотреблениям, подрывавшим народное благосостояние. Согласно описаниям Рашид ад-дина, купцы в большей мере были заинтересованы скупкой и спекуляцией золотыми и серебряными монетами, чем продажей своих товаров. Они скупали монету в областях, где она была более высокого качества, и спекулировали ею в районах, где монета была низкопробной.

Чтобы изжить все эти злоупотребления, Газан-хан издал, по словам Рашид ад-дина, указ, согласно которому на территории всего государства серебро в чеканной монете должно было равняться по весу трем мискалям¹⁴ в одном динаре.

На основании этих слов Рашид ад-дина В. В. Бартольд в своей классической работе «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче» и высказал положение, что при Хулагуидах основной монетой государства был серебряный динар в три мискаля весом и что золотые монеты «при Хулагуидах, как и его преемниках — Джалаиридах¹⁵, чеканились только в ограниченном количестве, для торжественных случаев». В. В. Бартольд, несомненно, прав в этом своем положении, однако для точности следует внести оговорку. В том же указе предписывается чеканить и золотые монеты весом в 100 мискалей. По-видимому, золота было не так уж мало, если при Джалаиридах, во время похода Тохтамыша в 1385—1386 годах на Тебриз, жители города должны были внести и внесли в качестве оплаты за обещание снять оса-

ду 250 туманов золотом. В указанной работе В. В. Бартольд исчерпывающе выяснил, что серебряный динар содержал шесть дирхемов, каждый весом в полмискаля.

В начале XIV века в Мавераннахре наблюдалась такая же беспорядочность в денежном обращении, такие же злоупотребления чиновников и спекулянтов, как и в Иране при Хулагуидах. Кебек решил прекратить анархию денежного обращения введением единой монетной системы по образцу Газан-хана. Таким образом, и в Мавераннахре, как в Иране и Золотой Орде, стали ходить серебряные динары и дирхемы, однако с некоторой разницей в весе: динар весил 2 мискаля, а дирхем соответственно этому — $1/3$ мискаля.

Впрочем, в конце хулагуидского периода, при хане Абу Сейиде (1316—1335), та же картина наблюдалась и у Хулагуидов.

Кроме монетной реформы Газан-хан провел и унификацию весовых единиц. По словам Рашид ад-дина, он пригласил двух устатов (мастеров) — Фахр ад-дина и Беха ад-дина — из Хорасана и поручил им изготовить образцы единой для всего государства системы гирь. Для гирь была избрана восьмигранная форма, снабженная определенным штампом. Всего гирь было установлено 11, весом от 10 манов (ман равен 260 дирхемам) до 1 дирхема: 10; 5; 2; 1; 0,5; 0,25; 0,125 мана, 10; 5; 2; 1 дирхем.

Однако в источниках нет указаний на то, что Кебек по образцу монетной реформы провел реформу унификации весовых единиц, в чем также нуждалась страна.

Огромное значение в жизни Мавераннахры имела административная реформа, проведенная, по-видимому, также Кебеком, хотя об этом нет прямых указаний в первоисточниках.

Из описаний Ибн Арабшаха мы видим, что в начале политической карьеры Тимура Самарканд со всеми рустаками¹⁶ образовывал семь туменов, а Фергана — девять туменов. Под туменом, продолжает Ибн Арабшах, нужно понимать термин, обозначающий такое количество населения, из которого можно было призвать тумен, то есть 10 тысяч войска (ополчения). Таким образом, еще до Тимура Мавераннахр был разбит на военно-административные округа. До Кебекхана (1318—1326) деления на тумены не было, после него до

Тимура также никто не мог бы провести этой реформы. Исходя из этого и принимая во внимание реформаторский характер деятельности Кебек-хана, можно со значительной уверенностью приписать административную реформу ему.

До Кебек-хана, особенно если взять вторую половину XIII века, управление Мавераннахром шло как бы в двойном направлении. С одной стороны, в городах имелись уцелевшие местные династии. В Шаше, Ходженте, Отраре, Таразе сидели местные мелики. В некоторых городах сохранились представители духовной феодальной власти (садры¹⁷ в Бухаре). В Термезе в начале XIV века сложилась власть наследственных сеидов¹⁸, известных под титулом худаvand-заде, особенно влиятельных в 30–60-х годах XIV века. С другой стороны, в стране у власти был откупщик Масудбек с подчиненными ему даругами¹⁹, баскаками и военными монгольскими отрядами. Вспомним, какое огромное количество злоупотреблений порождала эта система при отце Масудбека — Махмуде Ялаваче. Злоупотребления если и уменьшились после ярлыка Мунке-хана (1251—1259), но не настолько, чтобы можно было говорить о коренных переменах. Возрождение в хозяйственной области шло медленно; города, особенно Бухара и Самарканд, хранили еще следы разрушений нашествия Чингисхана.

Масудбек был очень богатым человеком, любил Бухару и обстраивал ее хорошими зданиями, из которых нужно отметить медресе «Масудийе», где обучалось около тысячи студентов. В Бухаре было еще одно прекрасное медресе — «Ханийе», — выстроенное матерью великого хана Мунке. Но обе эти постройки нельзя, однако, рассматривать как показатели хозяйственного подъема: они лишь исключение из общего правила — экономического и культурного упадка страны.

Кебек-хану, задумавшему прибрать к рукам управление страной, предстояло провести ряд мероприятий чисто административного порядка, да еще в обстановке сложных феодальных отношений. В самом факте членения Кебек-ханом Мавераннахра на тумены сказалось монгольское влияние. Монголы имели обыкновение территорию улуса (например, улус Джучи) делить в военно-административном отношении на «левое крыло» и «правое крыло», каждое из которых,

в свою очередь, распалось на тумены. Фактически с тумена как административной единицы почти никогда не собирали полного тумена, то есть 10 тысяч воинов.

Чтобы правильно представить эти тумены, нужно помнить, что они выкраивались в сугубо феодальной обстановке. Мавераннахр в это время представлял собой большое число мелких феодальных владений — светских и духовных, оседлых и кочевых. Так, Хутталян, область между Вахшем и Пянджем, был отдельным феодальным владением; Бухара и ее вилайет были духовным владением во главе с садром. Джелаиры, жившие в бассейне Ангрена, составляли также феодальное кочевое или полукочевое владение. Во главе его стоял бек (эмир).

Административная реформа Кебека не уничтожила феодальных княжеств с их владельцами, а приспособилась к ним: владения стали административными единицами — туменами, а владельцы сделались наместниками. В условиях феодального общества наместничества были наследственными. Административная система, введенная Кебеком, не могла преодолеть центробежных феодальных тенденций, в чем заключается ее самое слабое место. Однако сколько бы ни имела эта реформа недостатков, ее нужно признать шагом весьма прогрессивным, сыгравшим положительную роль в деле развития государственности в Мавераннахре.

Реформы Кебека встречали в оседлом населении Мавераннахра самый сочувственный отклик. Иначе к ним относилась кочевая военная аристократия. После смерти Кебека она все мобилизовала, чтобы вернуть последующих ханов ко времени и политике Кайду и решениям Таласского курултая 1269 года. Началась вновь борьба между ханами и беками кочевых племен. На этой почве и был убит брат Кебек-хана хан Тармаширин (1326—1334). Одно время ставка чагатайского хана перенесена была даже в Семиречье. Ханскую ставку вернул в Мавераннахр хан Казан, последний Чингисид в мавераннахрской части Чагатайского улуса.

Казан-хан весьма настойчиво и умело продолжал политику Кебека. Главы чагатайских родов за это его остро ненавидели. Борьба возобновилась. Во главе недовольных стал бек Казаган. В сражении между Казан-ханом и Казаганом пер-

вый был убит. Власть в Мавераннахре попала в руки Казагана.

Казаган не именовал себя ханом, а ограничился титулом эмира. Для придания законности своим действиям он завел подставного хана из Чингисова дома. Вначале подставным ханом был Данишмендча, потом — Баян Кули-хан. От имени второго чеканились монеты. Правление Казагана (1346—1358) было ярким выражением воззрений и интересов кочевой военной аристократии, которая более всего заинтересована была в организации набегов и грабительских походов на соседние страны.

Зиму Казаган проводил в Сали-Сарае, лето — в Хутталяне, в городе Мунк (ныне развалины вблизи Ховалинга в Таджикистане) и его окрестностях. Для набегов Казаган избрал Герат и Гератскую область, находившиеся под властью династии Куртов. Казаган произвел большие опустошения в окрестностях Герата, забрал большую добычу, но Герат захватить не смог. В 1358 году на охоте Казаган был убит по прямому наущению монгольского хана Тимур-Кутлуга одним из его нойонов. Между прочим, в убийстве Казагана принял участие владетель Хутталяна — Кейхосрау.

После смерти эмира Казагана в Мавераннахре не было сильного правителя. Страна находилась в состоянии полной феодальной раздробленности. По словам Низам ад-дин Шами, в Мавераннахре в 50-х годах XIV века было несколько более или менее крупных владений, которые никому не подчинялись и враждовали друг с другом.

Шахрисабз (Кеш) с областью подчинялся Хаджи Барласу. Ходжентом и его вилайетом владел Баязид, глава джелаиров. Балх и часть вилайета находились в руках эмира Хусейна, внука Казагана. Родство с Казаганом давало Хусейну надежду поднять свой политический авторитет. Другой частью Балхского вилайета владел Илчи-Буга, по-видимому глава племени сульдуз. Шипурган захватил Мухаммед Ходжа Аперди. В горах Бадахшана своевольничали шахи Бадахшана. Хутталяном владел вышеупомянутый Кейхосрау и т. д.

Низам ад-дин Шами, перечисляющий все эти владения, замечает, что каждый из владетелей, даже обладавший небольшой военной силой, держал себя по отношению к дру-

гим владетелям высокомерно, вследствие чего в стране не прекращались раздоры и смуты, а дела государства пришли в полное расстройство. Более всего от этих смут страдали райаты (крестьяне).

С каждым годом положение Мавераннахра ухудшалось. Отсутствие сильного правителя в Мавераннахре хорошо было известно за пределами страны, и это обстоятельство прежде всего учел хан Моголистана Туглук-Тимур, который решил напасть на Мавераннахр, ограбить его и подчинить себе. В связи с этим Туглук-Тимур и провел два похода — 1360 и 1361 годов.

II. Молодые годы Тимура

Как уже было отмечено в официозных источниках, о детстве и молодости Тимура сведений не имеется. Подробные данные о его жизни начинаются лишь с похода Туглук-Тимура (1360). Однако у Ибн Арабшаха, в русской летописи и у Ори Гонзалеса де Клавихо имеются некоторые детали, проливающие свет на биографию Тимура до 1360 года.

Тимур родился в селении Ходжа Ильгар, недалеко от города Шахрисабза, был сыном Тарагая, барласского бека, не очень, по-видимому, богатого, но достаточно влиятельного. С юности Тимур любил лошадей, был хорошим наездником, прекрасно стрелял из лука. Среди сверстников он всегда пользовался авторитетом и даже любовью, рано проявив качества вожака. Вот почему в дни молодости Тимура к нему тянулись такие же, как он, молодые барласы, охотно становясь его нукерами (в данном случае конными слугами). У Тимура, так же как и у его отца в молодые годы, было не более трех-четырёх нукеров. «Говорят, — пишет Клавихо, — что он с помощью своих четырех или пяти слуг начал отнимать у соседей один день барана, другой день корову». Постепенно молодой Тимур собрал небольшой отряд конных, хорошо вооруженных людей, которых он в обстановке феодальной анархии направлял в набеги за добычей на земли своих соседей и на караваны проезжавших купцов. По словам Клави-

хо, который слышал немало рассказов о молодости Тимура, когда набег Тимуру удавался, «он пировал со своими людьми; частью за это, частью за то, что он был человек храбрый и доброго сердца и хорошо делился тем, что у него было, собирались к нему другие люди, так что наконец у него было 300 всадников. Когда их набралось столько, он начал ходить по землям и грабить и воровать все, что мог, для себя и для них; также выходил на дорогу и грабил купцов». По-видимому, личная храбрость, щедрость, умение разбираться в людях и выбирать себе помощников, а также ярко выраженные качества вожака, главаря создали Тимуру в долине Кашкадарьи среди барласов, особенно в кругу военной кочевой молодежи, широкую популярность.

Клавихо писал о молодости Тимура со слов лиц, которые были в курсе всего, что рассказывалось тогда в обществе о могущественном эмире Средней Азии. Рассказывая о дальнейшей биографии Тимура, Клавихо приводит эпизод, происшедший в Сеистане. Как-то ночью Тимур «напал на стадо баранов, и в это время пришли сеистанцы, бросились на него и на его людей, многих убили, а его свалили с лошади, ранили в правую ногу, от чего он стал хромым, также в правую руку, от чего он лишился двух маленьких пальцев». С этого времени Тимур и получил прозвище Тимурленг, то есть Тимур-хромец, в европейском произношении — Тамерлан.

Биографы не приводят в качестве источника сведений о молодых годах Тимура данных, имеющих в русской летописи. Насколько они соответствуют действительности, мы еще будем иметь возможность убедиться. Летопись именует Тимура Темир Аксак (турецкий перевод имени Тимурленг — Тамерлан). Родина Темир Аксака — «Междуречье», область между Амударьей и Сырдарьей.

«Об этом же Темир Аксаке рассказывали, что по происхождению не царского был он рода: ни сын царский, ни племяни царского, ни княжеского, ни боярского, всего лишь низший из самых захудалых людей из числа заяицких татар, из Самаркандской земли, из Синей Орды, что за Железными Воротами. По ремеслу он кузнец был черный, по нраву же и поведению — безжалостен, и разбойник, и насильник, и грабитель. Когда раньше работал у одного хозяина, тот, видя его

злонравие, от него отказался и, избив, изгнал от себя; он же, не имея пропитания, разбоем кормился.

Однажды, когда он был еще молод и с голоду крадя кормился, украл он у кого-то овцу, но люди тотчас выследили его. Он же пытался убежать, но быстро многими был окружен, схвачен и связан крепко и всего его избили нещадно, и решили убить его до смерти; и перебили ему ногу в бедре пополам, и тут же бросили как мертвого, недвижимым и бездыханным; ибо решили, что умер, и оставили псам на съедение. Лишь только зажила у него эта смертельная рана, поднялся, оковал себе железом ногу свою перебитую — по этой причине и хромал; потому прозван был Темир Аксаком, ибо Темир означает железо, а Аксак — хромец; так в переводе с половецкого языка объясняется имя Темир Аксак, которое значит Железный Хромец, ибо, от вещи и дел имя получив, делами своими прозвище себе добыл.

Так и потом, исцелившись от ран, после страшного того избиения, не изменил прежнего злобного нрава, не смирился, не укротился, но только больше испортился; сильнее прошлого и пуще прежнего стал он лютым разбойником. А потом к нему пристали молодцы лихие, мужи свирепые, всякие злые люди, похожие на него, такие же разбойники и грабители — и стало их очень много. И когда стало их числом доста, назвали его своим атаманом; а когда стало их числом до тысячи, тогда уже князем его звали; а когда они сильно умножились, больше числом стали, многие земли попленили, многие города и царства захватили, тогда и царем его своим нарекли».

В рассказе летописи лежат те же данные о юности и молодых годах Тимура, что и в сообщении Клавихо. Новым является лишь упоминание о том, что Тимур «по ремеслу он кузнец был черный». Интересно, что и этот факт не является простым изолированным осмыслением летописца самого прозвища Тимура «Темир Аксак» («Железный Хромец»), а одной из версий происхождения Тимура в рассказе Ибн Арабшаха, автора упомянутой книги о могущественном среднеазиатском эмире. Вообще рассказ Ибн Арабшаха ближе к летописным сведениям о молодости Тимура, чем рассказ Клавихо. Ибн Арабшах говорит не только о том, что

отец Тимура был бедный кузнец; так же, как и летопись, он приводит рассказ об украденной Тимуром овце и о пастухе, который вместе со своими товарищами рассек Тимуру стрелой бедро и плечо. У Ибн Арабшаха также имеется рассказ о постепенном увеличении числа нукеров в дружине Тимура, шедших охотно за ним на любой грабительский набег. Размеры и характер набегов определялись наличностью людей, лошадей и вооружения.

Сравнивая описания молодых лет Тимура у Клавихо, Ибн Арабшаха и в летописи, мы имеем все основания сказать, что сходственные и независимые от официозной версии данные о ранней биографии Тимура черпались во всех трех случаях из широко распространенных о нем в народе рассказов. Где летописец мог услышать эти рассказы? Нам представляется, что от купцов и других московских людей, которые бывали в городах Золотой Орды, Сараях, Астрахани, Сарайчике. Сношения же Золотой Орды со Средней Азией, мирные и военные, хорошо известны, особенно после походов Тимура против Тохтамыша в 1391 и 1395 годах.

Исключительное сходство летописного рассказа с версией Ибн Арабшаха невольно заставляет нас сблизить эти никак не связанные между собой источники.

Из биографии самого Ибн Арабшаха мы узнаём, что он бывал в Хорезме, Сарайчике, Астрахани, Сараях и в Крыму и, следовательно, мог сам быть распространителем сведений о Тимуре, тем более что эта тема его всегда волновала.

Возвратимся, однако, к Тимуру. Владая с детства тюркским и таджикским языками, Тимур хорошо знал не только кочевую, скотоводческую, но и оседлую, земледельческую среду. Более того: он хорошо знал и городскую жизнь благодаря частым посещениям Шахрисабза, власть над которым тогда была в руках барласского бека Хаджи Барласа. В те годы в духовной жизни людей из среды мусульман большую роль играли мусульманские шейхи. В Шахрисабзе большой популярностью пользовался шейх Шемс ад-дин Кулаль, или, как его именует другой источник (Ибн Арабшах), Шемс ад-дин Фахури. Шемс ад-дин был духовником отца Тимура — Тарагая, и последний сумел внушить сыну свои симпатии к шейху. Хотя Тимур никогда не отличался особой рели-

гиозностью, многие свои успехи он приписывал молитвам шейха Шемс ад-дина Кулала.

Когда монгольский хан Туглук-Тимур появился со своим войском в 1360 году в Мавераннахре, там не нашлось правителя, который для борьбы с Тимуром мог бы сплотить вокруг себя враждующих между собой владетелей. Поодиночке же они были бессильны бороться. Туглук-Тимур дошел до Кашкадарьи, не встретив серьезного сопротивления. Не оказал сопротивления и Хаджи Барлас на Кашкадарье.

В 1361 году Туглук-Тимур возобновил набеги на Мавераннахр, имея намерение окончательно подчинить себе эту богатую страну. И на этот раз Туглук-Тимур не встретил на Кашкадарье отпора. Более того: Хаджи Барлас испугался столкновения с монголами и бежал в Хорасан.

В эти дни и выдвинулся Тимур. Он решил, что целесообразнее сейчас не ссориться с Туглук-Тимуром, а поступить к нему на службу. Туглук-Тимур охотно принял его предложение и, отправляясь домой, передал Тимуру управление Кашкадарьинским вилайетом. Так Тимур в 25 лет стал владетелем небольшого, но богатого тумена вместо бежавшего Хаджи Барласа.

В 1361 же году произошло сближение Тимура с эмиром Хусейном, внуком Казагана. Однако Тимур недолго был на службе у монгольского хана. Когда последний направил своего сына Ильяса Ходжу правителем в Мавераннахр, Тимур не пожелал служить последнему, порвал с ним и стал самостоятельным владетелем. Не исключена возможность, что этот разрыв произошел благодаря поддержке Хусейна.

Годы 1361—1365 — это время наибольшей близости между двумя эмирами. Их союз был скреплен установлением родственных отношений: сестра Хусейна Улджай Туркан-ага стала любимой женой Тимура. В эти годы оба эмира были наиболее крупной силой в Мавераннахре. Союз свой они использовали главным образом в личных интересах, совершая набеги для захвата большой добычи. Не всегда в эти годы им улыбалась судьба. Так, в 1362 году они провели 62 дня в плену у туркмена Али-бека в селении Махан (ныне город Мары). Через некоторое время мы видим их в Сеистане. Хусейн и Тимур чуть не погибли здесь. В разыгравшемся сра-

жени Тимур был тяжело ранен в правую руку и правую ногу. Рука эта у него почти высохла, а на правую ногу он всю жизнь хромал.

Изгнанный из Мавераннахра после смерти Туглук-Тимура Ильяс Ходжа не хотел мириться со своим положением и в 1365 году с большим войском отправился в Мавераннахр. Хусейн и Тимур, зная, что Ильяс Ходжа особенно настроен против них, со своей стороны собрали войско. Битва, вошедшая в историю под названием «грязевой битвы», произошла между Чиназом и Ташкентом. В момент сражения начался сильный ливень. Образовалась липкая, скользкая грязь, лошади теряли устойчивость и падали. Тимур и Хусейн проиграли сражение.

Оба эмира покинули место боя с остатками войска и ушли сначала в сторону Самарканда, а потом, признав дальнейшее сопротивление бессмысленным, спустились на юг к Амударье, которую и перешли, скрывшись в Балхской области.

Такое поведение обоих правителей открывало врагу свободную дорогу на Самарканд. Самарканд в то время не имел ни укрепленных стен, ни цитадели, где можно было бы укрыться на случай осады города. Более того: Хусейн не оставил в нем ни гарнизона, ни военачальников. Таким образом, население древнего города было оставлено на произвол судьбы, на волю победителя — Ильяса Ходжи. К счастью для Самарканда и его многочисленных жителей, в городе в это время находилась значительная группа сербедаров²⁰. В ту эпоху сербедарство широко было распространено в Северо-Восточном Иране, главным образом в Хорасане и Мавераннахре. Это течение ставило своей основной задачей освобождение родной страны от монгольского ига. Сербедарство широко поддерживалось демократическими слоями городов, прежде всего ремесленниками, лавочниками, за пределами городов — крестьянством и средними землевладельцами. Сербедар значит «висельник». Лучше погибнуть на виселице, говорили сербедары, чем гнуть спину перед монголами.

Когда весть о приближении монголов Ильяса Ходжи дошла до жителей Самарканда, началось большое возбуждение. Сербедары призывали народ оказать сопротивление монгольскому войску. Среди самаркандских сербедаров особенно

выделились: Маулана Заде — учащийся самаркандского медресе, Абу Бекр, согласно Низам ад-дину Шами, трепальщик хлопка, а согласно другим авторам, даже староста квартала трепальщиков хлопка, и Хурдек-и-Бухари, хороший стрелок из лука. Они начали энергичную подготовку к обороне родного города. Маулана Заде составил списки годных к военной службе людей и привлек к работам по укреплению города самые широкие слои населения. На узких улицах были возведены баррикады. Свободной была оставлена, по-видимому, только главная магистраль. В наиболее важных пунктах были расставлены лучники. Всё было рассчитано на то, чтобы впустить конных монголов в свободный проход, а с флангов, со стороны забаррикадированных узких улиц, нанести им тяжелый удар. Монголы не подозревали, что их ожидает в Самарканде, и рассчитывали легко овладеть городом. Но когда передовые отряды их вошли в город, Маулана Заде дал сигнал и на врага посыпались стрелы, камни и палки. Монголам пришлось поспешно уходить; по одним данным, они потеряли тысячу, по другим — две тысячи человек.

Вскоре монголам пришлось пережить еще одну неудачу: среди лошадей начался мор. Ильяс Ходжа вынужден был поспешно покинуть сначала окрестности Самарканда, а потом и Мавераннахр.

Источники скупо говорят об участии сербедаров во внутренней жизни Самарканда. У историков XV века имеется лишь несколько замечаний на этот счет. Шереф ад-дин приводит стих: «О Боже, да не будет того, чтобы нищий стал почтенным человеком!» Этих слов мы не встречаем у Низам ад-дина Шами, предшественника Шереф ад-дина Али Иезди. Однако Низам ад-дин Шами говорит о насилиях, которые творили сербедары в отношении населения Самарканда.

Весть о победе сербедаров над Ильясом Ходжи дошла до эмира Хусейна и Тимура. Зиму Тимур проводил в Шахрисабзе, а Хусейн — на берегу Амударьи. Весной они сошлись и направились к Самарканду. Остановились они у самого города, в местности Кан-и-Гиль. Оба эмира дали знать сербедарам, что одобряют их поведение и хотят их видеть. Сербедары поверили «добрым» намерениям эмиров, и действительно, на приеме им было оказано много знаков внимания. Однако

когда на следующий день они вновь появились в ставке Хусейна и Тимура, их вероломно схватили, связали и казнили — всех, за исключением Маулана Заде, которого своим заступничеством перед Хусейном спас Тимур. После этого движение сербедаров в Самарканде было подавлено, и эмиры вновь подчинили себе Самарканд. Произошло это в конце весны 1366 года.

Совместное пребывание в лагере в Кан-и-Гиль было в известной мере испытанием «дружбы» Хусейна и Тимура. Между эмирами начались недоразумения. Разногласия между ними в отношении к сербедарам осложнились жадностью Хусейна, который хотел заставить некоторых сподвижников Тимура уплатить ему большие денежные суммы, которые они были должны. Потеряв много имущества во время «грязевой битвы», эти эмиры сильно обеднели и не имели возможности отдать долги. Тимур не хотел ставить своих сподвижников в трудное положение и лично пришел им на помощь. Актом щедрости он приобрел в среде своих военных помощников большую популярность. Хусейн же, напротив, нажил немало недругов среди влиятельных людей.

В лагере под Самаркандом оба эмира почувствовали, что каждый из них является помехой для другого. Расхождения между ними с каждым годом усиливались, и бывали периоды, когда они втягивали в круг своих интересов, взаимных схождений и расхождений других мавераннахрских владетелей. Феодалная анархия в стране не могла продолжаться до бесконечности. Объединения хотели купцы, ремесленники и мусульманское духовенство, а также массы земледельческого населения. Хотя между Тимуром и Хусейном не было таких резких противоречий, какие в свое время имелись между Кебек-ханом и чагатайскими кочевыми беками, однако Тимур лучше, чем Хусейн, понимал требования времени и не покладая рук подготовлял в среде духовенства и городского населения сочувствующие ему группы.

В конце 60-х годов Хусейн взял курс на укрепление принадлежавшего ему города Балха. Он перестроил в нем цитадель — Хиндуван — и возобновил ее стены. В балхскую цитадель он свез свое большое имущество и много оружия. Тимур прекрасно понимал, что все эти мероприятия направлены

главным образом против него. Не раз он уговаривал Хусейна не строить в Балхе новых укреплений, однако тот его не слушал. Тогда Тимур решил напасть на Хусейна. В 1370 году, собрав хорошо вооруженное войско, Тимур осадил Балх и после значительных усилий и больших потерь пробил брешь в стене и овладел городом. Испуганный и растерявшийся Хусейн спрятался в цитадели.

Видя полную безнадежность своего положения, Хусейн запросил Тимура, какие гарантии тот сможет ему дать в случае, если он сдастся. Тимур просил передать, что обещает сохранить ему жизнь и ничего больше. После этого Хусейн в сопровождении нескольких нукеров вечером вышел из ворот балхской цитадели. Подходя к ставке Тимура, он вдруг струсил, повернул назад и скрылся в первом попавшемся минарете. Случайно забрел туда какой-то человек, узнал Хусейна и, несмотря на обещание молчать, выдал его людям Тимура. Слова, данного Хусейну, Тимур не сдержал: хотя сам он ничего не предпринимал, он не помешал одному из своих союзников — Кейхосрау, владельцу Хутталаяна, — убить Хусейна по праву кровной мести.

III. Единодержавие Тимура (1370—1405)

Взятие Балха и смерть Хусейна в 1370 году были в жизни Тимура решающими событиями. Еще до взятия балхской цитадели к Тимурю явился шейх Береке, родом из Мекки, ставший впоследствии его главным духовником, и вручил ему символы власти — барабан и знамя, — предсказав великое будущее. Тогда же Тимур, чувствуя себя фактически хозяином большей части Мавераннахра, провозгласил Суюргатмыша из чагатайской ветви Чингисидов ханом — точнее, подставным ханом. Но после падения Балха, на собравшемся курултае командиров туменов и тысяч, единым государем Мавераннахра был провозглашен сам Тимур.

У Тимура в то время не было соперников ни по личным качествам, ни по тому влиянию, которым он пользовался среди остальных феодальных владетелей страны. Это прекрас-

но сознавали и представители мусульманского духовенства. В Балх к Тимуру пришли из Термеза известные шейхи братья Абу-л-Маали и Али Акбар с титулом Худаванд-заде. Свидание их послужило началом прочных связей с представителями мусульманского духовенства, которые продолжались у Тимура в течение всего его долгого правления.

Одним из первых приказов Тимура было разрушение балхской цитадели и предоставление города на разграбление войнам в наказание жителям за поддержку Хусейна. В цитадели Балха Тимур захватил огромную казну, часть которой он в качестве добычи и как награду роздал своему войску. Из Балха он направился в свой родной Шахрисабз, где вновь роздал награды войску. Здесь ему пришлось прежде всего заняться внутренними делами. Тимур прекрасно понимал, что главная задача, которая стоит перед ним, заключается в преодолении раздробленности и объединении отдельных владений в прочное и сильное государство. Еще в Шахрисабзе он назначил одного из близких своих сподвижников — эмира Давуда — эмиром дивана, то есть сделал его своим визирем. Опираясь на проведенное в жизнь Кебек-ханом (1318—1326) административное деление Мавераннахра на тумены, Тимур провел ряд назначений на должности начальников туменов и тысячников, дабы обеспечить себе поддержку достаточно количества войск.

Из Шахрисабза Тимур в том же 1370 году переехал в Самарканд, где прежде всего начал строить крепкие стены и цитадель, а также дворец. Хорошо укрепленный Самарканд был необходим Тимуру как надежный оплот против возможных выступлений со стороны тех из владетелей, которые могли бы сговориться и выступить против.

Уже в 1370 году перед Тимуром встал вопрос, чьи традиции ему продолжать — Кебек-хана или эмира Казагана. Тимур понимал, что стране нужна твердая власть, которая могла бы прибрать к рукам непокорных и беспокойных владетелей, особенно кочевых монгольско-тюркских эмиров из среды джелаиров, барласов, сульдусов и др. В этом направлении его поддерживали жители городов и крестьянство, а также представители влиятельного мусульманского духовенства. Вместе с тем Тимур хорошо разбирался в настроениях боль-

шинства владельцев Мавераннахра. Свою среду он знал хорошо с ранней юности. Он не только прекрасно учитывал, как крепко проникнуты мавераннахрские владельцы желанием добычи, но и сам имел к этому вкус. Большой государственный ум сочетался у Тимура с привычками феодала-владельца, который не упустит случая захватить у соседа добро, если для этого у него есть достаточная военная сила.

Уже первые годы власти Тимура показали, что он стал сочетать государственную деятельность по объединению Мавераннахра в единое, прочное государство с организацией походов, часто совершенно не связанных с его объединительной работой и носивших чисто грабительский характер.

Объединить и подчинить земли между Амударьей и Сырдарьей, а также Фергану и Шашскую область Тимуру не составило особого труда. Здесь не было такого владельца, который мог бы противопоставить Тимуру свою волю. Другое дело — древняя и культурная область Хорезм, которая истари, еще в домонгольскую эпоху, была тесно экономически, политически и культурно связана с Мавераннахром. При монголах Хорезм был разделен на две части: Северный, с городом Ургенчем, вошел в состав Золотой Орды, а Южный, с городом Кятом, — в Чагатайский улус. В самом начале 60-х годов Хорезм, пользуясь смутами, которые наступили в Золотой Орде после смерти хана Бердибека (1359), образовал самостоятельную кунградскую²¹ династию Суфи, наиболее ранняя монета которой относится к 1361 году. Государь из этой династии Хусейн Суфи начал объединение Хорезма, Северного и Южного, и захватил два города: Кят (тогда крепость) и Хиву. Тимур, претендующий на всё наследие Чагатайского улуса, считал этот акт незаконным и решил вернуть Южный Хорезм в состав организуемого им государства.

В 1372 году Тимур отправил к Хусейну Суфи посла с требованием вернуть захваченное. Хусейн, как и следовало ожидать, в требовании отказал. Тимур немедленно после этого двинул свое войско. Путь к Ургенчу лежал через Кят, который после недолгого сопротивления был взят. Потеря Кята произвела на Хусейна Суфи сильное впечатление, и он готов был пойти на мир и выполнить требования Тимура. Однако один из военачальников войска Тимура, владелец Хутта-

ляна — Кейхосрау, недовольный быстрым возвышением Тимура, уговорил Хусейна не покоряться, обещав перейти на его сторону. Хусейн поверил Кейхосрау и выступил против Тимура, но был в сражении разбит. После этого он скрылся в цитадели Ургенча, где вскоре умер. Место Хусейна занял его брат Юсуф Суфи. Тимур предложил ему мир, причем одним из условий выставил требование выдать дочку Хусейна, внучку Узбек-хана — Хан-Заде, — замуж за своего сына Джехангира. Юсуф Суфи дал на это согласие. Тогда же Тимур арестовал мятежного Кейхосрау и предал его казни.

Юсуф Суфи не выполнил, однако, условий мира: более того, после ухода Тимура он вновь захватил Кят, открыв этим враждебные действия против правителя Мавераннахра. Этим Юсуф вызвал второй поход Тимура в Хорезм (1373—1374). Дело до военного столкновения не дошло, так как Юсуф принес повинную, обещав срочно выполнить все условия мира. В результате этих двух походов Южный Хорезм вошел в состав государства Тимура. Это был большой успех молодого государя.

После 1374 года Тимур проделал еще три похода на Хорезм. Последний из них был связан с борьбой Тимура с Тохтамышем и политикой Золотой Орды. Тимур понимал, что сильная Золотая Орда, так же как и Белая Орда, представляет большую опасность для государства в Мавераннахре. Вот почему с первых лет своего правления он зорко следил за тем, что происходило в Улусе Джучи. В состав последнего входили Золотая Орда и Белая Орда как его две части. Деление это было тесно связано с организацией войска. Золотая Орда поставляла из числа своего населения правое крыло (онкол) войска, а Ак-Орда — левое крыло (солкол). Постепенно Ак-Орда обособилась и завела отдельных ханов. После смерти Бердибека и феодальных смут в Золотой Орде некоторые эмиры (начальники туменов и тысяч), они же наместники отдельных городов и областей, держали себя как самостоятельные правители, выступали против ханов, ссорились друг с другом, чем ослабляли силу Орды.

Особенно тяжелыми в жизни Золотой Орды были годы с 1360 по 1380. В течение двадцати лет здесь сменилось около 25 ханов, не считая временщика эмира Мамаю, владевше-

го все это время правобережной частью Золотой Орды. Характерно, что большая часть левобережных ханов, сидевших на престоле в Сарае иногда менее года, являлась выходцами из Ак-Орды, из присырдарьинских областей, из левого крыла улус-джучиева войска.

Тут следует вспомнить ханов Хызра, Темир-Ходжу, Мурида (Амурат в русской летописи) и Кильдибека. Вмешательство Белой Орды в золотоордынские дела шло параллельно с ростом экономического и политического могущества этой прежде отсталой части Улуса Джучи. Особенно решительные шаги в этом отношении предпринял Урус-хан, правивший в Ак-Орде до 1377 года. Урус-хан задумал стать не только саранским ханом, он решил объединить обе части Улуса Джучи под своей властью. Тимур знал обо всем, что происходило в той и другой Орде, боялся объединения и тем самым усиления опасного соседа и искал случая помешать ему. Случай этот представился. Один из белоордынских узбекских эмиров, правитель Мангышлака Туй ходжа-оглан, на курултае выступил против Урус-хана, за что и был казнен. Сын Туй ходжи-оглана Тохтамыш бежал из Ак-Орды и явился к Тимуру, предлагая ему свои услуги. Произошло это в 1376 году. Тимур сразу понял выгоду иметь в своих руках царевича, противника Урус-хана.

Вот почему Тимур проявил к Тохтамышу много внимания и одарил его. Более того: он предложил ему свою поддержку, прежде всего военную. Не откладывая дела, Тимур снарядил войско и отправил Тохтамыша в Ак-Орду отвоевывать у Урус-хана ак-ордынский престол. Тимуру казалось чрезвычайно выгодным иметь в Ак-Орде своего ставленника. В 1376 году Тимур дважды направлял Тохтамыша в Ак-Орду, и оба раза Тохтамыш был разбит. Тогда сам Тимур с войском направился против Урус-хана. Поход пришлось прервать из-за сильных морозов. Весной 1377 года Тимур вернулся на Сырдарью, однако сражение с Урус-ханом не состоялось — тот к этому времени умер. И в конце концов в 1379 году Тохтамышу удалось овладеть ак-ордынским престолом.

Тимур был доволен таким оборотом дела, он думал сделать Тохтамыша верным вассалом и проводником своей политики в Улусе Джучи. Тохтамыш, однако, не оправдал надежд Ти-

мура и, став белоордынским ханом, пошел по стопам Урус-хана, то есть начал борьбу за объединение и создание сильной Золотой Орды. Воспользовавшись полным ослаблением Мамаю, которого Дмитрий Донской разбил на Куликовом поле в 1380 году, Тохтамыш в том же году двинулся на Мамаю и на реке Калке нанес ему сокрушительное поражение.

Победа эта дала возможность Тохтамышу захватить власть в Золотой Орде и объединить вновь обе части Улуса Джучи. С каждым годом росли и усиливались противоречия между Тимуром и его коварным, но энергичным ставленником. Тохтамыш делал как раз то, против чего готовил его Тимур. Стремясь вернуть Золотую Орду к лучшим дням времени Узбек-хана (1312—1340), Тохтамыш совершил ряд походов ради расширения золотоордынской территории, в том числе в Закавказье и Азербайджане, послав в 1385 году большое войско для захвата Тебриза.

Политика Тохтамыша была неприемлема для растущего тимуровского государства в Мавераннахре. Тохтамыш не только был помехой деятельности Тимура, но вместе с тем представлял интересы государства, которое в сущности своей было полной противоположностью государству Тимура в Мавераннахре. Золотая Орда была искусственным государственным объединением. Она держала власть над культурным населением Крыма, Поволжья, Хорезма средствами грубейшего насилия. Ведь власть была в руках тюрко-монгольской кочевой знати, точнее, монгольской династии из дома Джучидов, которая, опираясь на военную силу, эксплуатировала богатые земледельческие области и культурные города Поволжья, Крыма и Северного Кавказа. Население этих мест мечтало о падении власти монголов и полном своем освобождении. Иное, как мы видели выше, наблюдалось в Мавераннахре. Здесь население земледельческих областей и городов жаждало объединения в единое, большое государство, так как это объединение могло вывести страну из разрухи.

Тохтамыш в конце 80-х годов явно искал случая для столкновения с Тимуром. В 1387—1388 годах он, используя отсутствие Тимура, совершил нападение на Мавераннахр и начал подстрекать Хорезм к восстанию против Тимура. Хорезмшах Сулейман Суфи легко пошел на это, чем вызвал гнев Тиму-

ра. В 1388 году Тимур совершил последний поход на Хорезм. Заняв Ургенч, Тимур ликвидировал династию Суфи и приказал переселить жителей Ургенча в Самарканд, а самую столицу сровнять с землей и посеять на ее месте ячмень. Десять дней воины Тимура грабили богатый город. Много жителей Ургенча, особенно ремесленников, было переселено в Мавераннахр, однако город все-таки сохранил несколько прекрасных зданий. В 1391 году, во время похода против Тохтамыша, Тимур отдал распоряжение восстановить Ургенч. Так прекратило самостоятельное существование небольшое, но богатое Хорезмское княжество. Хорезм вошел в состав сначала государства Тимура, а потом — государства среднеазиатских Тимуридов. Таким образом, все земли Средней Азии, за исключением Семиречья и низовий Сырдарьи, были объединены в руках Тимура.

Войны Тимура с Тохтамышем не преследовали захвата земель, за исключением небольшой группы сырдарьинских городов, лежавших ниже Саурана. Тимур стремился лишь к полному ослаблению Улуса Джучи, так как видел в могущественной Золотой Орде постоянную угрозу создаваемому в Средней Азии государству. Против Тохтамыша, после 1380 года ставшего могущественным ханом, Тимур провел три крупных похода — в 1389, в 1391 и 1394–1395 годах. Походы эти, так же как и походы на Хорезм, перемежались с походами в Иран, на Кавказ и к южным границам Руси.

Из упомянутых походов против Тохтамыша два последние должны остановить наше внимание. В 1391 году Тимур выступил из Самарканда, зиму провел в Ташкенте и направился с 200-тысячным войском в степи теперешнего Казахстана. В апреле у горы Улуг-таг Тимур приказал высечь на камне надпись, в которой говорится, что султан Турана Тимур с двумястами тысяч пошел по кровь Тохтамыша-хана. Надпись эта ныне хранится в Эрмитаже. После долгих переходов огромное войско Тимура встретилось с войсками Тохтамыша в местности Кундузча, между Самарой и Чистополем. Здесь произошла 18 июня 1391 года жаркая битва, закончившаяся полным поражением Тохтамыша.

Однако ресурсы Золотой Орды были еще велики, и Тимур, выиграв сражение и захватив огромную добычу, не сломил

самого золотоордынского государства. Борьба между ними продолжалась. В 1395 году произошло новое сражение между Тимуром и Тохтамышем на Северном Кавказе, в долине Терека. Тохтамыш опять потерпел поражение. На этот раз силы Тохтамыша были настолько ослаблены, что Тимур была открыта свободная дорога в Поволжье, к самому сердцу Золотой Орды — ее столице Сарай-Берке. Большой и богатый город был захвачен, предан грабежу и сожжен, причем из него была вывезена огромная добыча, в состав которой, кроме разнообразных ценностей, входило большое количество пленных — мужчин, женщин и детей, обращенных в рабство. Пострадало не только Нижнее Поволжье с его главными городами — Сарай-Берке и Хаджи-Тарханом (Астрахань), — но и Крым с его приморскими городами, например Кафа (Феодосия), а также Азак (Азов) и Северный Кавказ. Если же принять во внимание, что за семь лет до этого был опустошен Ургенч, то станет ясным, что Тимур следовал плану, в который входило подорвать хозяйственную, особенно торговую, жизнь наиболее развитых областей Золотой Орды.

Разгром на Тереке и опустошение Сарай-Берке в 1395 году нанесли Золотой Орде непоправимый удар. Хребет государства был переломлен. Золотая Орда после 1395 года явно стала клониться к упадку. Разгром Мамаю в 1380 году на Куликовом поле был первым и главным клином, вбитым в Золотую Орду; поражение на Тереке в 1395 году и разгром Сарая были вторым ударом. Тимур вел борьбу с Золотой Ордой ради среднеазиатских интересов и без контакта с московским князем, о котором не имел ясного представления; однако объективно он сделал полезное дело не только для Средней Азии, но и для Руси. Тимур не понимал, какое значение для русской истории имел его удар по Золотой Орде, да и о Руси не имел сколько-нибудь серьезных знаний. Русская же летопись сохранила о Тимуре очень плохое воспоминание, так как в том же 1395 году он поджег и ограбил несколько южнорусских городов.

Походы Тимура в Иран также носили завоевательный характер. В 1381 году Гератом владел Гияс ад-дин Пир Али из династии Куртов. Это был человек добрый, к людям весьма благорасположенный, храбрый, но характера не очень твер-

дого. Несмотря на прекрасные укрепления Герата и неприступность знаменитой цитадели Ихтияр ад-дин, Гияс ад-дин, когда Тимур подошел к городу, не сумел воодушевить гератцев на борьбу. Они поверили обещаниям Тимура, что им сохранят неприкосновенность и гарантируют жизнь, если они откажутся защищать город.

Но, завладев Гератом, Тимур наложил на жителей огромную дань и приказал наиболее именитым из них покинуть город и отправиться в Шахрисабз, который в то время он всячески старался возвеличить и украсить. Тогда же в Шахрисабз отправлены были известные гератские ворота (точнее, двери ворот), украшенные железными резными полосами, покрытые надписями. Двери эти в момент составления сочинения Шереф ад-дина Али Иезди, то есть в 1425 году, еще находились в Шахрисабзе.

Боясь возможного восстания жителей, разочарованных тяжелой данью, Тимур приказал скрыть городские стены с башнями. Не тронута была только цитадель Ихтияр ад-дин. Правда, в 1383 году, через два года после этого, гератцы восстали, однако восстание было жестоко подавлено. На этот раз жители города заплатили значительно бóльшую дань. В том же 1383 году династия Куртов была низложена, а через шесть лет, в 1389 году, Мираншах, сын Тимура, на пиру коварно убил последних представителей династии.

Почти одновременно с падением Герата, в 1381 году, прекратило самостоятельное существование и Государство сербедаров. Последний сербедарский государь Али Муайад по собственной инициативе передал земли и власть Тимуру. Два года спустя Тимур захватил силой Сеистан, также включив его в состав своего государства. К середине 80-х годов XIV века Тимуру уже принадлежала огромная часть Восточного Ирана. Но на этом его движение в глубь Ирана не остановилось. Сначала был «трехлетний» поход — с 1386 года, затем «пятiletний» — с 1392 года, наконец, «семилетний» — с 1399 года. Походы эти были успешны и завершились покорением всего Ирана. Целью этих походов было завоевание чужих территорий и получение богатой добычи. Военачальники Тимура и простые воины его были жестоки и безжалостны к населению, терявшему не только имущество, но

и свободу, а часто и жизнь. Всякий раз из длительного похода Тимур возвращался в Шахрисабз или Самарканд, отягченный большой и богатой добычей.

Сколь жестоко действовал иногда Тимур, можно видеть на примере его похода 789 (1387) года на области Фарса и Исфахана, которыми владели Музаффариды²². Когда Тимур взял богатый Исфахан, он приказал жителям выкупить свою жизнь и право на собственность, точнее — на какой-то остаток их бывшей собственности. Исфаханцы не пожелали платить дани. Больше того: народ поднялся против небольшого гарнизона Тимура и перебил почти всех.

Когда Тимур, находившийся в лагере недалеко от Исфахана, узнал об этом, он пришел в страшный гнев и отправил в город войска. Каждый из воинов Тимура, участвовавший в карательной экспедиции, должен был поставить определенное количество голов. В результате побоища было собрано 70 тысяч голов, из которых потом, по приказу Тимура, в «назидание» всем прочим бунтовщикам сложили высокие башни.

Есть старое выражение: «Война порождает войну». Это целиком применимо к Тимуру. Победоносно закончив один поход, Тимур, опираясь на добытые средства, начинал готовить следующий. Никакая политическая нужда не толкала в 1398 году его к организации далекого Индийского похода. Разбив войско султана, Тимур захватил Дели и вывез из него, а также из близлежащих областей несметную добычу.

В 1400 году войска Тимура выступают на удаленном от Средней Азии западе и ведут борьбу с турецким султаном Баязидом и египетским султаном Фараджем. Тогда Тимуром были захвачены многие города в Малой Азии и Сирии. В 1402 году Тимур имел второе, на этот раз решающее, столкновение с Баязидом при Анкаре. Это было, быть может, самое крупное сражение того времени. С обеих сторон действовали армии, численность каждой из которых значительно превышала 200 тысяч воинов. Могущественный Баязид был наголову разбит и взят в плен. Значение этой битвы огромно не только в истории Азии. Сам того не подозревая, Тимур вторично оказал услугу европейским народам. Его победа при Анкаре в 1402 году и пленение Баязида почти на

пятьдесят лет отсрочили завоевание турками-османами Константинополя.

Последний, незавершенный, поход Тимура был в Китай; он был начат с 200-тысячным войском в конце 1404 года и остановился со смертью Тимура, 18 февраля 1405 года.

IV. Внутренняя жизнь в государстве Тимура

Собирая владения в единое государство, Тимур вместе с тем сам порождает новые владения, раздавая в суюргал, то есть в лён или феодал, округа, области, даже целые страны. Суюргал, как восточная форма лёна, получил при Тимуре широкое распространение. Под суюргалом подразумевали передачу в наследственное владение и управление определенной земли с правом взимания с ее жителей (сельских и городских) государственных налогов и податей целиком или частично в пользу взимавшего. Тимур раздавал в управление отдельные части своего государства прежним владельцам, членам своей семьи (сыновьям и внукам), а иногда и выдающимся своим эмирам.

Приведем ряд примеров: завоевав крепость — владение Ахлат, — Тимур вернул его на основе суюргального пожалования прежнему владельцу Адилю Джузу. Крепость Айдан он передал в суюргал ее бывшему хакиму Баязиду. Крепость Каркул была передана эмиру Али, владевшему ею и ранее. Когда Тимур после подавления восстания гератцев в 1383 году ликвидировал династию Куртов, он образовал гератское владение, в которое включил земли Балха, Кундуза, Балкана, Бадахшана, Хутталяна, Хисара и передал их в суюргал своему третьему сыну, Мираншаху. На той же суюргальной основе Мираншаху в 1393 году был передан «престол Хулагу-хана» — бывшие владения Хулагуидов. В 1393–1394 годах второму своему сыну, Омар-шейху, Тимур передал на основе суюргального пожалования Фарс. За год до этого, в 1392 году, Пир-Мухаммеду (сыну Джехангира) Тимур передал «престол Газневидов» — земли, когда-то составлявшие Газневидское государство²³.

После Мираншаха «престол Хулагу-хана» был передан сначала Мухаммед-Султану (сыну Омар-шейха), а после смерти Мухаммед-Султана, в 1403 году, земли эти перешли к Омару (сыну Мираншаха). На таком же основании Рустем (сын Омар-шейха) владел Исфаханом, а Абу Бекр (сын Мираншаха) — Багдадом. Список этот можно было бы значительно расширить.

Государство Тимура, если его взять в среднеазиатской и иранской частях, представляло совокупность феодальных владений, объединенных в единое целое. Характерно, что Мавераннахр, за исключением Ферганы, Тимур не дробил, никому не передавал и крепко держал в своих руках. Система раздачи отдельных частей государства на суюргальных началах содействовала накоплению в стране скрытых феодализирующих сил, которые могли в критический момент разрушить целостность государства, что и произошло тотчас после смерти Тимура.

Но Тимур, обладая твердой рукой, умел подчинять своей воле вассалов. Горе было тому, кто не подчинился его приказаниям и противопоставлял свою волю воле государя. Когда глава племени джелаиров не подчинился ему в 1376 году, он его казнил, а всех джелаиров распределил по разным округам, уничтожив таким образом целое кочевое владение в районе Ходжента. Когда в Самарканде Тимур обнаружил, согласно рассказу Ибн Арабшаха, непокорность со стороны некоторых эмиров, он их всех перебил. Когда сын Омар-шейха Пир-Мухаммед не выполнил приказа и не выступил в поход, Тимур отнял у него Фарс с городом Ширазом, которым он управлял после смерти отца. Близких же ему людей он казнил. Впрочем, в 1403 году он сменил гнев на милость и вернул Пир-Мухаммеду суюргал.

Сохранял ли Тимур введенную Кебек-ханом административную систему — деление на тумены? К сожалению, в источниках мы имеем об этом мало фактического материала. Однако и то малое, что имеется, указывает на то, что в Мавераннахре, который в большей части находился в руках Тимура, тумены сохранялись до самого конца его правления.

Всё вышеизложенное показывает, сколь огромную роль в управлении этим сложным феодальным миром играла лич-

ность Тимура. Он зажал все феодализирующие силы обширного государства в твердой руке и, направляя своих вассалов на непрерывные, большей частью грабительские походы, создал военный режим с самой суровой дисциплиной.

Для монгольской эпохи характерно резкое ухудшение положения крестьян и ремесленников, что ярче всего отразилось в монгольском Хулагуидском государстве в ярлыке 1303 года, изданном Газан-ханом. С крестьян взимали земельный налог (под разными названиями — харадж, мал), подушную подать (джизью), которая до монголов, согласно мусульманскому праву, взималась только с неверных, подводную повинность (улаг), барщинные работы (бегар) и чрезвычайные налоги (аваризат).

Если принять во внимание, что все эти налоги взимались в Мавераннахре при Тимуридах Абу Сейиде (1451—1469) и Султане Ахмеде (1469—1494), то можно быть уверенным, что они взимались и при Тимуре, тем более что упоминания о них в разбросанном виде встречаются в источниках.

Едва ли только в Мавераннахре имело место прикрепление крестьян к земле. Источники об этом совершенно молчат.

Ухудшение положения ремесленников при монголах характеризуется внедрением в их среду полурабских отношений. Это в 1264 году особо ярко отметил в своих записках Плато Карпини²⁴. Ко времени Тимура и при нем в положении ремесленников в самом Мавераннахре наступило значительное улучшение, однако в отношении к пленным ремесленникам, перевезенным в Самарканд и Шахрисабз, Тимур продолжал практиковать полурабские формы эксплуатации.

Клавихо, рассказывая о замке Тимура в самаркандской цитадели, говорит: «В этом же замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы и круглый год работали на него». Здесь определенно говорится о типичной корхане (большая эмирская или султанская мастерская), которая весьма характерна для монгольской эпохи и в которой царили полурабские формы эксплуатации. Вместе с тем основная масса ремесленников в Мавераннахре лично была свободна и несла лишь обычные феодальные повинности.

Военная история причисляет Тимура к числу крупнейших полководцев средневековой Азии. Его военное дарование раскрылось в двух направлениях: как организатора войска и как полководца.

Тимуровское войско по своей организационной структуре продолжало традиции Чингисхана. Во-первых, оно было ополчением, во-вторых, строилось по десятичной системе, то есть делилось на тумены, тысячи, сотни, десятки. Различие состояло в том, что при Чингисхане основу войска составляли кочевники и значительно меньшую роль играло оседлое население завоеванных стран, привлекаемое в принудительном порядке. При Тимуре же оседлая часть войска хотя и не составляла основы, однако была весьма существенной, а быть может, и равной с кочевниками частью. Оседлые области поставляли пехоту, а также отряды артиллерии того времени — воинов, обслуживающих камнеметные, стенобитные, огнестрельные (радандоз) машины, самострелы и др. Когда Тимуру нужно было призвать определенные контингенты конницы и пехоты, он направлял тавачиев, или туваджи-ев (лица, выполнявшие особо важные поручения государя), в ту или иную область своего государства с предписанием собрать, согласно переданному числовому списку (сан), нужное количество туменов. Тавачии собирали воинов пеших и конных, оседлых и кочевников, тюрков и таджиков. Согласно описаниям Абд ар-Резака Самарканди, каждый воин ополчения должен был взять с собой провиант на год, четыре вида оружия, лук, 30 стрел, колчан, налучье и шит. У каждого двух воинов-конников должна была быть третья, запасная лошадь, на каждые десять человек — одна палатка, два заступа, одна мотыга, один серп, один топор, одно шило, сто иголок, полмана амбарного веса веревок, одна крепкая шкура, один котел. Каждая область (она же суюргальное владение) поставляла основной контингент (асль) и дополнительный (изафе). В десятичном членении войска особо важную роль играли кошуны, составлявшие, как правило, отряд в несколько сот человек. Вообще в то время под старым названием — тумен, тысяча, сотня — числились отряды, имевшие фактически иное число воинов. Тумены имели меньше 10 тысяч, а кошуны — больше 100 человек.

В походе всегда соблюдался строгий порядок (мурчил). Эмир каждого подразделения — тумена, тысячи, кошуна — хорошо знал свое место и строго его придерживался.

Впереди главных сил в походе шел авангард (манкыла), состоявший иногда даже из нескольких туменов. От манкыла нужно отличать караул (сторожевое охранение), который шел впереди авангарда. Особое место занимала разведка (хабаргири), направлявшаяся любой значительной частью войска. Для разведки отбирались исключительно храбрые воины. В походе особо важную роль играли «проводники» (качарчи). Тимур сам обыкновенно распределял между отдельными частями войска проводников.

Во время походов приходилось делать остановки. Если стан устраивали вблизи врага, то окапывали его рвом, ставили защитные орудия — туры (по-видимому, передвижные башни), большие окопные щиты (чапары). Хотя в нашу задачу совершенно не входит вопрос о вооружении войска Тимура, однако считаем необходимым отметить, что именно в его эпоху на Ближнем Востоке впервые появилось огнестрельное оружие.

Так, при описании войска султана Махмуда Делийского перед битвой с Тимуром у Дели в 1399 году Низам ад-дин Шами упоминает на вооружении у индийского войска радандоз — особые огнестрельные «громобросающие» орудия, нечто вроде примитивных пушек. Тот же автор упоминает о наличии того же оружия у воинов осажденного Тимуром Дамаска в 1400—1401 годах.

Большой интерес представляет порядок, в котором войска располагались перед сражением. Низам ад-дин Шами, Шериф ад-дин Али Иезди приписывают Тимуру новаторство в этом отношении. Чтобы понять, что нового внес Тимур в военное искусство, необходимо представить себе, каково было расположение войска в начале военной деятельности Тимура. С этой точки зрения большой интерес представляет порядок войска во время «грязевой битвы» 1365 года. Боевой строй войска Тимура состоял из центра, правого и левого крыльев, каждое из которых имело дополнительное войсковое соединение — фланговое охранение, так называемый канбул, и авангард (караул). Боевой порядок, так образом,

состоял из семи частей, из которых три имели более или менее самостоятельное значение, а четыре (два авангарда и два канбула) — подчиненное. Характерной чертой такого боевого строя являлась слабость его центра по сравнению с крыльями: центр не имел ни авангарда, ни резерва.

В 1391 году в знаменитом сражении с Тохтамышем при Кундузче у Тимура был уже значительно усовершенствованный боевой строй войска. Шереф ад-дин Али Иезди рассказывает, что Тимур первый ввел членение войска на семь кулов — корпусов. Это были самостоятельные и ответственные лишь перед командующим войсковые соединения.

В боевом строю 1391 года мы имеем уже иное отношение к центру, хотя крыльям, как и в старом боевом порядке, придается весьма большое значение. Это видно из того, какое большое внимание обращается на боковое охранение флангов (канбул). Канбулы имели целью предохранить крылья от прорыва и не допустить обходного движения врага, который мог ударить в тыл, обойдя правое или левое крыло с флангов. Поэтому канбулы составлялись из наиболее храбрых и опытных в боях кошунов, ими командовали авторитетные военачальники. Однако особенно укрепляется центр. Он получает авангард, и, кроме того, позади него устраивается ставка командующего; там же находятся резервы, которые в большинстве случаев и решают исход сражения. Таким образом, в новом боевом строе и центр, и крылья сделались предметом одинакового внимания.

Войско имело, как указывалось выше, не только конников, но и пехотинцев. Последние в боевом расположении стояли впереди конников и, в случае нападения врага, особенно при конной атаке, укрываясь за своими окопными щитами-чапарами и турами, давали первый бой. Пехотинцы играли исключительную роль на том участке боевого расположения, где бой имел оборонительный характер.

Свои войны Тимур вел с исключительной жестокостью, причем большей частью она ничем не могла быть оправдана. Чем можно оправдать постройку башни из 2 тысяч живых людей, переслоенных битым кирпичом и глиной, что имело место при взятии Исфизара (город в Афганистане), или башен, сложенных в восставшем Исфахане из 70 тысяч голов,

о чем уже говорилось выше, или, наконец, погребение 4 тысяч живых людей после взятия города Сиваса в Малой Азии? Однако самым ужасным из всех его деяний этого рода является убийство около 100 тысяч пленных индусов — гебров и идолопоклонников. Низам ад-дин Шами эпически спокойно рассказывает, что Тимур издал этот приказ после того, как ему донесли, что пленники в критический момент сражения могут ударить с тыла, хотя они не были вооружены.

Тимур не принадлежал к Чингисидам, поэтому никогда не именовал себя ханом. Как и все люди того времени, он относился к титулу «хан» с большим пиететом и, несмотря на свое большое властолюбие и честолюбие, удовлетворялся скромным титулом гургана (зять, в данном случае — ханский зять). Право на титул гургана он приобрел после женитьбы на Сарай Мульк-ханум, которую взял в гареме эмира Хусейна после его убийства в 1370 году и которая была дочерью Чингисида — хана Казана, последнего хана Мавераннахра из дома Чагатаев. Следуя традиции, установленной еще эмиром Казаганом, Тимур держал при себе подставных ханов — Суюргатмышу (1370—1388) и потом его сына Султан-Махмуд-хана (1388—1402). После смерти последнего он больше подставного хана не держал и чеканил монеты от имени умершего. Оба подставных хана не играли политической роли, в распоряжения Тимура не вмешивались и были в этом отношении фигурами чисто декоративными. С Султан-Махмуд-ханом Тимур был в очень хороших отношениях и имел в его лице прекрасного, энергичного военачальника, командовавшего в конце XIV и начале XV века значительными войсковыми подразделениями. В битве при Анкаре Султан-Махмуд-хан сыграл немаловажную роль и даже захватил султана Баязида в плен.

До сих пор нельзя с полной уверенностью сказать, что среди сохранившихся миниатюрных изображений Тимура имеется его достоверный портрет. Нет и его подробных словесных описаний. Из писавших о нем видели его два наблюдательных человека. Один из них был Клавихо, видевший Тимура осенью 1404 года несколько раз, другой — Ибн Арабшах, который видел его за два года до его смерти. Ибн Арабшаху было тогда не более четырнадцати лет; следова-

тельно, он мог говорить о наружности Тимура, сочетая отдаленные личные воспоминания с рассказами других людей.

Согласно описанию Ибн Арабшаха, Тимур был высокого роста, широкоплеч, обладал большой головой и густыми бровями, имел длинные ноги и длинные сухие руки, носил большую бороду. На правую ногу Тимур был хром. Глаза его были подобны свечам, но без блеска. Голосом обладал громким, отличался мощной силой и большой храбростью, смерти не боялся, до конца жизни сохранил ясную память, не любил шуток и лжи, напротив того, правда, даже ставившая его в затруднительное положение, ему нравилась. Что фактически прибавил Клавихо к этой характеристике? Описание платья и указание, «что он нехорошо видел и был уже так стар, что почти не мог поднять веки».

В 1941 году М. М. Герасимов попытался реконструировать на основе черепа Тимура его лицо. По отзыву антропологов, М. М. Герасимов дал максимальное приближение к тому портрету Тимура, каким его словесно нарисовал Ибн Арабшах.

Выше указывалось, что Тимур с детства знал тюркский и таджикский языки и производил впечатление человека образованного, хотя не умел ни писать, ни читать. Как же это могло быть? В часы досуга, особенно во время частых походов, Тимур любил слушать чтение, для чего и держал при себе «чтецов рассказов» (касса-хан). Больше всего он любил слушать чтение сочинений по истории. По словам Хафиз-и Аbru, он имел познания в истории тюрков, арабов, иранцев. Если судить по Ибн Арабшаху, то такое же впечатление о Тимуре осталось у известного арабского историка Ибн Халдуна, который имел с Тимуром личную беседу. Тимур ценил всякое знание, особенно если оно могло принести практическую пользу, — медицину, астрономию, математику, — однако более всего интересовался архитектурой.

Являлся ли Тимур благочестивым мусульманином? В этом отношении он был типичным представителем военно-тюркской аристократии, среды, которая всегда подчеркивала свою приверженность к мусульманскому благочестию. Будучи во всем прежде всего политиком, стараясь из всего извлечь пользу для государственного дела, Тимур сохранял

самые дружеские связи с различными представителями мусульманского духовенства, создававшими ему популярность в широких кругах населения. В духе своего времени он держал при себе духовника — шейха Береке, который молитвой старался подкрепить то, что делал Тимур мечом. Тимур был очень доволен, когда шейх Береке перед крупными сражениями, как это, например, имело место в битве в местности Кундузча в 1391 году, молил Аллаха о даровании победы Тимуру. И все же, несмотря на все старания держаться благочестивым мусульманином, Тимур ставил политический расчет выше споров между отдельными правоверными толками. По словам В. В. Бартольда, «тот же Тимур, который в Сирии выступил защитником Али и его потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шиитом, в Хорасане восстановил суннитское правоверие, в Мазандеране наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников пророка».

Бесперывные войны Тимура невольно наталкивают на сравнение его с таким завоевателем, каким в XI веке являлся Махмуд Газневи²⁵. Однако у них имеется общее лишь в разрушительной деятельности — в склонности вести грабительские войны. Огромные богатства, которые проходили в качестве добычи через руки Махмуда, не оплодотворяли хозяйственной жизни Газневидского государства. Иное дело — Тимур. Он, как хороший, расчетливый хозяин, все, имеющее ценность, тянул в Мавераннахр, в центр своего обширного царства, которое он один держал в руках. Сюда он свозил не только разнообразные материальные ценности, но в еще большей мере использовал пленных специалистов — ремесленников, художников, архитекторов, ученых, — и не потому, что Мавераннахр был беден этими специалистами, а полагая, что чем больше будет приток культурных сил, тем богаче станут ремесла, тем выше будут искусства и науки.

В Самарканде при Тимуре можно было увидеть мастеров Исфохана, Ширази, Халеба и других городов Сирии, Египта, Малой Азии, Азербайджана и т. д. Всем им он давал работу, всех их умел использовать на самых разнообразных стройках, будь то возводимые прекрасные здания — дворцы, мечети, медресе, мавзолеи, загородные сады, мастерские по

выделке оружия, просто ремесленные дуканы или новые городские укрепления. Этой страстью Тимура к строительству, большим размахом его работ Клавихо был буквально поражен. И не случайно лучшие страницы своего дневника он посвятил описанию того, что было сделано и делалось Тимуром в Самарканде, Мавераннахр был выделен Тимуром из общей системы обширного государства в особое, привилегированное владение. Клавихо в своем дневнике отмечает, что на северный берег Амударьи, то есть в Мавераннахр, пропускали всякого, кто хотел. Напротив, никто не мог без особого разрешения покинуть Мавераннахр и переехать на южный берег Амударьи: так сильно боялся Тимур потерять хотя бы одного человека, способного к работе.

Можно без преувеличения сказать, что шум строительных работ слышен был во всех крупных городах Мавераннахра, особенно в Самарканде и его окрестностях, Шахрисабзе, даже на краю степи и культурной полосы — в городе Ясы (Туркестан).

Столицей огромного государства Тимура стал Самарканд. Тимур считал, что по величине и красоте ни один город не может быть ему равным. Самарканд должен был затмить все бывшие до него столицы. Ибн Арабшах рассказывает, что Тимур устроил вокруг Самарканда ряд селений, назвав их именами знаменитых городов — Миср (Каир), Димшик (Дамаск), Багдад, Султания²⁶ и Шираз, из которых три были столицами: Дамаск — омайядского, Багдад — аббасидского, Миср — фатимидского халифатов. В то, что селения носили названия знаменитых городов, была вложена определенная политическая идея: перед Самаркандом все они меркнут так же, как меркнет простое селение перед великим городом.

Тимур не только украсил город новыми зданиями, имеющими общественное значение, но и значительно перестроил его, создав в нем благоустроенные базары, пополнив его кварталы разнообразными ремеслами. Часть замечательных построек Тимура дошла и до нас. Среди них нужно отметить чудесные мавзолеи в группе Шах-и-Зинда, соборную мечеть Тимура, известную сейчас под именем Биби-ханум, усыпальницу Гур-Эмир, где похоронены Тимур и некоторые члены его династии — его сыновья и внуки — Тимуриды.

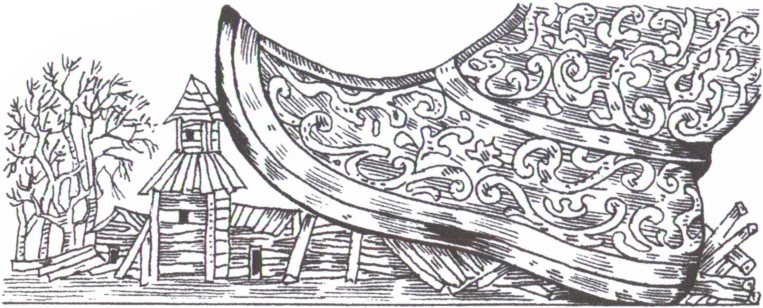
В Шахрисабзе и по сей день стоят развалины портала его прекрасного дворца Ак-сарай и других зданий. Замечательным памятником строительной деятельности Тимура является мечеть Ходжи Ахмед Ясеви в городе Туркестане. Вокруг Самарканда Тимур построил прекрасные загородные дворцы-сады: Баг-и-Чинар, Баг-и-Диль-куша, Баг-и-Бихишт, Баг-и-Боланд и др. Здесь среди тенистых деревьев и цветников проводил он немногие дни, когда после похода возвращался домой.

Тимур умер во время похода в Китай 18 февраля 1405 года, в холодную зимнюю ночь, выпив чересчур много вина.

Хотя приближенные Тимура старались скрыть от народа смерть государя, весть о ней быстро распространилась и произвела ошеломляющее впечатление. Всем было ясно, что в стране вновь начнется смута, борьба царевичей и эмиров друг с другом.

И действительно, Пир-Мухаммеда, сына Джехангира, которого Тимур назначил своим наследником, никто из сильных феодального мира не признал. Те самые царевичи и эмиры, которые при жизни Тимура знали свои места в войске и государстве и стремились превзойти друг друга быстротой исполнения приказаний великого эмира, подняли головы и, не признавая ничьего авторитета, начали друг с другом феодальную войну за «Тимурово наследство». События, имевшие место с 1405 до 1409 года, наглядно показали, как непрочны были нити, которыми Тимур соединял отдельные части своего государства в обширную империю. Силы, зажатые в деспотический кулак правителя и полководца, с его смертью были выпущены на свободу; наступил новый этап смут.

Василий Бартольд*
Царствование Тимура

Двенадцатилетнее правление эмира Казагана (он был убит в 1358 году своим зятем), в отличие от всего последующего времени, обошлось без внутренних смут и без войн между чагатаями и моголами. Казаган вел жизнь предводителя кочевого народа, проводил зиму в Сали-Сарае на берегу Амударьи (ныне кишлак Сарай), лето около города Мунка (ныне Бальджуан). Набеги на соседние страны, без которых кочевникам в Мавераннахре было бы тесно, совершались в сторону Герата и Хорезма, притом с полным успехом.

После смерти Казагана власть перешла к его сыну Абдулле, который еще при жизни отца жил в Самарканде и теперь захотел перенести в этот город свое местопребывание; против него тогда восстали другие эмиры, и в этой борьбе он погиб. Последующие годы были для Мавераннахра временем почти непрерывных смут и почти непрерывной борьбы с могольскими ханами. Наиболее характерными событиями это-

* Василий Владимирович Бартольд (1869—1930) — востоковед, тюрколог, арабист, исламовед, историк, архивист, филолог, академик Санкт-Петербургской академии наук (1913).

го времени были: походы могольского хана Туглук-Тимура на Мавераннахр в 1360 и 1361 годах и первое выступление Тимура, который с помощью хана сделался князем Шахрисабза и Карши; союз Тимура с Хусейном, внуком Казагана, и восстание против моголов; поражение Хусейна и Тимура в борьбе с моголами на Чирчике (1365 год); в том же году народное движение в Самарканде, подавленное турецкими эмирами в 1366 году; провозглашение ханом дервиша Кабулшаха²⁷, писавшего стихи, пользовавшиеся известностью еще в XV веке; низложение его и возведение на престол нового хана Адиль-Султана; намерение Хусейна построить для себя крепость в Балхе (1368 год) и попытка Тимура отговорить его от этого со ссылкой на пример его дяди Абдуллы; борьба между Хусейном и Тимуром, союз Тимура с противниками Хусейна как среди турецких эмиров, так в особенности среди мусульманского духовенства; взятие в плен и смерть Хусейна, уничтожение крепости в Балхе, перенесение столицы в Самарканд, сооружение там цитадели и городских стен (1370 год).

Таким образом, прошло всего десять лет от первого выступления Тимура до подчинения ему всего Мавераннахра. Об обстоятельствах, содействовавших его возвышению, пока можно установить следующее. Официальная история сообщает точную дату рождения Тимура (вторник 25 шабана 736 / 9 апреля 1336 года, год мыши), имя его отца (эмир, или «нойон», Тарагай) и матери (Текина-хатун), но ничего не говорит о событиях его жизни до 1360 года; автор составленной для Тимура турецкой стихотворной хроники утверждал, будто многие события, особенно относящиеся к началу его деятельности, не были внесены в хронику по желанию самого Тимура, так как они показались бы невероятными читателям. Из рассказов Клавихо и Ибн Арабшаха можно заключить, что молчание официальной хроники объясняется другими причинами; подобно Чингисхану, Тимур начал свою деятельность в качестве атамана шайки разбойников, вероятно, в смутные годы после смерти Казагана. В рассказах о правлении Казагана совершенно не упоминаются ни Тимур, ни отец его Тарагай, несмотря на то что у Тарагая были связи со знатными эмирами как Мавераннахра, так и Мо-

голистана и что этими связями впоследствии воспользовался Тимур.

Тарагай происходил из рода барласов, владевшего долиной Кашкадарьи, то есть Кешем (Шахрисабзом) и Несефом (Карши); главой рода и князем Кеша был не Тарагай, а другой представитель рода, Хаджи. Автор первой редакции «Зафар-Наме», Низам ад-дин Шами, называет Хаджи «братом» Тимура; но это выражение, по-видимому, надо понимать только в смысле принадлежности к одному роду; в таком же смысле названы «братьями» Тимура некоторые другие военачальники из барласов. По генеалогии, приведенной в «Зафар-Наме» Шереф ад-дина, общим предком Тимура и Хаджи был только Карачар, современник Чингисхана и Чагатая. Известно, что Карачару, названному у Рашид ад-дина только в качестве одного из военачальников при Чагатае, историки Тимура приписывают роль полновластного правителя Чагатайского улуса; то же самое говорится о сыне и внуке Карачара, лицах, совершенно не упомянутых историками дотимуровской эпохи; о представителях двух следующих поколений, жизнь которых относилась к слишком недавнему прошлому, таких легенд, очевидно, нельзя было придумать, и потому отец и дед Тимура в официальной истории являются частными людьми; о том, когда и как власть в Кеше перешла к предкам Хаджи, ничего не говорится, нет также сведений о том, в каких отношениях находились барласы и их князья к жившим в долине Кашкадарьи чагатайским ханам — Кебеку, Тармаширину и Казану.

Тимур, по словам Ибн Арабшаха, родился в деревне Ходжа-Ильгар в окрестностях Кеша; из этого можно заключить, что Тарагай жил не в самом городе. О жизни Тарагая известно только, что он был благочестивым мусульманином, другом ученых и дервишей, в особенности шейха Шемс ад-дина Кулара (или Кулалая), как он назван в «Зафар-Наме», или Шемс ад-дина у Ибн Арабшаха. Рассказывали, что Тимур однажды в молодости вошел к шейху, когда тот со своими дервишами предавался зикру²⁸, и терпеливо стоял до окончания обряда; шейх и дервиши были тронуты его благочестием и произнесли молитву за него; эту молитву Тимур впоследствии считал первой причиной своих успехов.

По-видимому, у Тарагая были также друзья среди чагатайских и могольских вельмож, хотя намеки на это мы находим только в истории его сына; так, в рассказе о борьбе с моголами в 1364 году говорится о дружбе, бывшей между отцом Тимура и отцом эмира Хамида. Отношения Тарагая и Тимура к прочим военачальникам, вероятно, были бы для нас яснее, если бы мы имели более подробные сведения о семье Тарагая и о первых женах Тимура. Источники ничего не говорят ни о происхождении матери Тимура, ни о происхождении другой жены Тарагая, Кадак-хатун, дожившей до 1389 года. У Тимура до 1360 года было уже два сына — Джехангир, умерший в 1376 году двадцати лет от роду, и Омар-шейх, убитый в январе 1394 года при осаде курдской крепости; по «Зафар-Наме», Омар-шейху было сорок лет, из чего можно было бы заключить, что он старше Джехангира, но почти во всех источниках старшим сыном Тимура назван Джехангир. О матери Омар-шейха известий нет; о матери Джехангира известно только имя, упомянутое у Хондемира²⁹. Тарагай умер в 1360 году и был похоронен в Кеше, в семейном мавзолее; впоследствии, в 775 / 1373—1374 годах, Тимур построил там же новый мавзолей около соборной мечети, рядом с гробницей шейха Шемс ад-дина, и перенес туда прах своего отца.

Между 1360 и 1370 годом нет никаких известий о сношениях Тимура с шейхами и другими представителями ислама. В это десятилетие, положившее начало его будущему могуществу, Тимур занимался исключительно военным делом, к которому приучил себя еще с десятилетнего возраста, войной и охотой, принимал участие в борьбе между чагатаями и моголами, причем переходил то на одну, то на другую сторону, старался укрепить родственными связями союз с теми, кто был ему необходим, собирал вокруг себя приверженцев, преимущественно из барласов, которые потом верно служили ему до конца его жизни, но не терял бодрости и при неудачах, даже когда ему приходилось оставаться в полном одиночестве. Особенно тяжелы были для Тимура события, происходившие около 1362 года. Тимур и внук Казагана Хусейн были взяты в плен туркменами на Мургабе и 62 дня провели в заключении в селении Махан; наконец мест-

ный правитель Али-бек отпустил их, но не снабдил нужным для путешествия; в этой беде им пришел на помощь Мубарек-шах, один из «богатых туркмен Махана», предводитель племени санджари; за эту услугу потомки Мубарек-шаха еще при преемниках Тимура пользовались уважением. На Амударье Тимуру оказала помощь его старшая сестра Кутлуг-Туркан-ага, прибывшая к нему из окрестностей Бухары; потом Тимур 48 дней скрывался у сестры в Самарканде. После этого Тимур и Хусейн во главе отряда в 1000 человек очутились в Сеистане, куда их призвал местный владетель против своего врага. Здесь Тимуру были нанесены стрелами раны, от которых он страдал потом всю жизнь; на правой руке были перерезаны некоторые жилы (по Клавиho, Тимур, кроме того, лишился двух пальцев), так что рука засохла; правая нога осталась хромой (отсюда прозвание Тимур-«хромец»: «ленг» по-персидски, «аксак» по-турецки). К тому же событию относится известный анекдот о Тимуре и муравье. Много лет спустя, в 1383 году, Тимур в Сеистане встретил того предводителя, которым некогда был ранен, и велел расстрелять его из луков.

Несмотря на все злоключения, Тимуру и Хусейну в конце концов удалось победить своих внешних и внутренних врагов и захватить власть в Мавераннахре; внук Казаган сделался главным эмиром, Тимур — его правой рукой. Союз между ними с самого начала был укреплен браком; уже в рассказе о столкновении с туркменами на Мургабе упоминается в качестве жены Тимура сестра Хусейна — Улджай Туркан-ага. Родственные отношения, однако, не предотвратили столкновения между эмирами. В 1366 году, после усмирения самаркандского движения, Хусейн наложил пеню на друзей Тимура; чтобы помочь своим друзьям, Тимур отдал всё, что мог, в том числе и серьги своей жены; Хусейн узнал украшение, но не возвратил его; вскоре после этого Улджай Туркан-ага умерла, и с ее смертью окончательно порвалась связь между прежними товарищами.

Между 1366 и 1370 годом Тимур то находился в войне с Хусейном и сближался с его врагами, то примирялся с ним и по его поручению сражался со своими прежними союзниками. Особенно характерны отношения между Тимуром и эми-

ром Кейхосрау, владельцем области Хутталян (между Вахшем и Пянджем). Хусейн еще в 1360 году казнил его брата Кайкубада; во время войны с могилами в 1361 году Кейхосрау перешел на сторону хана и сделался его «зятем», женившись на его двоюродной племяннице Тюмень-Кутлуг; когда Кейхосрау в 1366 году вернулся в Ташкент, Тимур находился в ссоре с Хусейном, сблизился с Кейхосрау и посватал за своего сына Джихангира Ракийе-ханике, дочь Кейхосрау и Тюмень-Кутлуг. В 1369 году Тимур в качестве верноподданного эмира Хусейна усмирал восстание Кейхосрау и заставил его бежать на Алай; в 1370 году Кейхосрау присоединился к Тимуру, восставшему против Хусейна, и после взятия Хусейна в плен получил возможность применить к нему признанный Кораном закон кровомщения (кисас); в 1372 году, во время войны с хорезмийцами, Кейхосрау был обвинен в измене и предан казни на основании ярлыка, изданного подставным ханом Суюргатмышем; приговор был исполнен, на основании кисаса, нукерами Хусейна.

В 1370 году, в разгар борьбы с Хусейном, Тимур приобрел нового духовного покровителя, сейида Береке; о его происхождении приводятся разноречивые известия. Сейид остался в государстве Тимура и получил в удел город Андхой, оставшийся и в XV веке во власти его потомков. По словам Шереф ад-дина, сейид после этого всегда сопровождал Тимура; они даже были похоронены в одном мавзолее, причем лицо Тимура было обращено в сторону сейида.

Немногим больше известно об отношении Тимура к другим представителям духовенства. В рассказе о вступлении Тимура на престол в 1370 году вместе с сейидом Береке названы термезские сейиды, или худавадн-заде, братья Абу-л-Маали и Али-Акбар. Подобно Береке, эти сейиды оставались, по крайней мере внешне, влиятельными лицами в государстве Тимура до конца его царствования, с той разницей, что в их жизни была минута, когда они изменили своему новому государю. В 1371 году в заговоре против Тимура вместе с несколькими эмирами приняли участие также некоторые представители духовенства, именно шейх Абу-л-Лейс самаркандский и сейид Абу-л-Маали термезский. Тимур отнесся к заговорщикам очень снисходительно; шейх был отпущен

в Мекку, сейид изгнан из государства, но, очевидно, скоро прощен, так как уже в 1372 году принимал участие в походе на Хорезм. После этого термезские сейиды оставались верными приверженцами Тимура, и в 1404 году, на обратном пути из своего последнего похода на запад, Тимур останавливался в Термезе в доме худаvand-заде Ала ал-Мулька.

Кроме Термеза, влиятельные представители духовенства были, конечно, и в других городах Мавераннахра, из которых для Тимура имели особенное значение родной Кеш и столица Самарканд. В рассказе о прибытии к Тимуру в Карабаг зимой 1403—1404 годов представителей духовенства после сейида Береке и термезских худаvand-заде отдельно названы только самаркандские шейх ал-исламы ходжа Абд ал-Эввель и его двоюродный племянник ходжа Исам ад-дин, кешский ходжа Афзаль и сыновья кешского шейх-ислама Абд ал-Хамид и Абд ар-Рахман; говорится о присутствии бухарских шейхов, но при этом не называется ни одно отдельное имя. Несмотря на то что современником Тимура был знаменитый Беха ад-дин, основатель ордена накшбендиев³⁰, источники вообще ничего не говорят о каких-либо связях между двором Тимура и шейхами Бухары. Самаркандский шейх ал-ислам Абд ал-Мелик (двоюродный брат и предшественник Абд ал-Эввеля) упоминается и в рассказе о событиях 1383 года, когда он вместе с другими представителями религии старался утешить Тимура, слишком предававшегося горю после смерти своей сестры Кутлуг-Туркан-ага.

Не совсем обычная встреча была оказана Тимуру представителями духовенства в Хорасане в 1381 году. Еще в Андхуде юродивый Баба-Сенгу, считавшийся святым, бросил перед Тимуром кусок мяса от груди животного; Тимур объявил, что считает это благоприятным предзнаменованием и что Бог, очевидно, предает в его руки Хорасан, «грудь земной поверхности». На Герируде, в местности к югу от нынешнего Кухсана, в селении Тайабад жил подвижник Зейн ад-дин Абу Бекр Тайбади; Тимур, прибыв туда, велел передать подвижнику, что хочет его видеть; подвижник объявил, что у него до Тимура дела нет; если у Тимура есть дело до него, пусть придет сам. Встреча произошла; Тимур потом сам рассказывал историку Хафиз-и Аbru, что во всех других случаях он при сви-

дании с отшельниками замечал в них признаки страха, только при свидании с Тайбади страх испытывал не отшельник, а сам Тимур. Ибн Арабшах, посвящающий этому свиданию особую главу, рассказывает, что шейх положил руки на спину Тимура, преклонившего перед ним колени; Тимуру, как он потом рассказывал, показалось, что небо упало на землю и что он придавлен между ними. Выслушав наставления шейха, Тимур спросил, зачем он не наставлял таким же образом своего государя, гератского князя, предававшегося запрещенным удовольствиям. Шейх ответил: «Мы ему говорили, он не послушался; Бог послал вас на него; теперь мы говорим вам; если вы не послушаетесь, Бог пошлет другого на вас». Трудно сказать, насколько этот разговор был разукрашен самим Тимуром и писавшими с его слов историками; во всяком случае, в дальнейших поступках Тимура нельзя отметить никаких следов влияния шейха, завоевание Хорасана было совершено с обычной жестокостью, и уже при взятии приступом соседнего Бушенга были истреблены все его защитники. По словам Ибн Арабшаха, Тимур считал шейха Зейн ад-дина одним из трех духовных покровителей, которым он был обязан своими успехами (двое других были Шемс ад-дин Кулар и сейид Береке); но в истории Тимура шейх после 1381 года больше не упоминается, хотя он прожил еще восемь лет.

Историки, писавшие при Шахрухе, когда шариат получил преобладание перед законами Чингисхана, естественно, были склонны преувеличивать благочестие Тимура и его ревность к вере. Несомненно, что Тимур был покровителем улемов, беседовал с ними, как равный с равными, и относился с особенным уважением к потомкам пророка; кроме потомков самого Тимура, сейиды были в его государстве, может быть, единственными людьми, жизнь которых считалась неприкосновенной. Хафиз-и Абру, кроме того, сообщает, что Тимур заботился об укреплении веры и шариата, что в его время «никто не смел заниматься философией и логикой», что он никогда не вмешивался в денежные дела вакфов³¹. Слова об отношении к философии, вероятно, преувеличены; сам Хафиз-и Абру дальше говорит, что Тимур покровительствовал и философам. Из светских наук Тимур лучше всего

знал историю; слова Хафиз-и Абру о его познаниях в истории турок, арабов и персов вполне подтверждаются тем впечатлением, которое, по словам Ибн Арабшаха, вынес из своей беседы с Тимуром историк Ибн Халдун. Тимур, однако, имел также некоторые познания в медицине и астрономии; среди ученых, приведенных им в Самарканд, были такие представители этих наук, как Хусам ад-дин Ибрахим-шах, «мессия и Гиппократ своего времени», мауляна Ахмед, врач и астроном, говоривший Ибн Арабшаху в 808 / 1405–1406 годах, что произвел астрологические вычисления за 200 лет.

Есть, впрочем, известие, что Тимур не признавал астрологии и предпочитал гадать по Корану. Ревность к вере будто бы побудила Тимура закрыть увеселительные места в Багдаде, Тебризе, Султании, Ширазе, Кермане и Хорезме (старом Ургенче), несмотря на доход, который они приносили казне (об увеселительных местах Самарканда и более близких Тимуру городов ничего не говорится). Чаше, однако, для Тимура религия была орудием для достижения политических целей, чем причиной, определявшей его поступки. Тот же Тимур, который в Сирии выступил защитником Али и его потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шиитом, в Хорасане восстановил суннитское правоверие, в Мазандеране наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников пророка. Вполне естественно, что мусульманские богословы в беседах с таким государем всегда опасались западни. Очень характерна сцена, происшедшая в 1403 году на Куре и рассказанная Низам ад-дином. Тимур спросил своих улемов, почему они не следуют примеру прежних представителей ислама, наставлявших своих султанов, и не дают ему никаких наставлений. Они ответили, что государь своими поступками сам дает всем пример и не нуждается в наставлениях таких людей, как они; только когда они убедились, что «это слово говорится искренне», они осмелились доложить о некоторых злоупотреблениях, имевших место в той или иной области.

Преданность боевых сподвижников была для Тимура, конечно, важнее, чем преданность улемов; естественно, что Тимур был прежде всего воином и князем монгольского типа, потом уже мусульманином. С представлением

о «таджике» у Тимура соединялось представление о человеке, лишенном воинских доблестей и неопасном для врагов. Как представитель монгольских традиций, Тимур придавал большое значение родству с домом Чингисхана. Захватив в 1370 году гарем своего предшественника Хусейна, он взял себе четырех из его жен, между ними Сарай Мульк-ханум, дочь хана Казана (в год низложения и смерти ее отца ей было пять лет, следовательно, она была лет на пять моложе Тимура). Детей у нее от Тимура, насколько известно, не было, но, как ханская дочь, она всегда считалась старшей женой Тимура, хотя в гареме Хусейна старшей была другая царевна, дочь хана Тармаширина, выданная после Хусейна замуж за джалаирского эмира Бахрама. По этой жене Тимур имел право на титул (ханского) «зятя» (гургана), который он поместил, между прочим, на своих монетах. В 1397 году Тимур женился на дочери могольского хана Хизр-ходжи, Тукель-ханум, которая в качестве «малой госпожи» (кичик ханум) заняла второе место в гареме. Ханом был провозглашен в 1370 году царевич Суюргатмыш; после его смерти, в 1388 году, на престол был возведен его сын Султан-Махмуд. В отличие от последующего времени, Тимур не держал этих ханов взаперти в Самарканде, но брал их с собой во время походов; Султан-Махмуд-хан в 1402 году участвовал в битве при Анкаре и взял в плен османского султана Баязида. По Шереф ад-дину, Султан-Махмуд-хан умер в том же 1402 году, но Низам ад-дин, писавший несколько позже, говорил о нем как о живом лице; по «Анониму Искендера», Тимур из уважения к хану еще год чеканил монету от его имени. Во всяком случае, нумизматические данные показывают, что Тимур другого хана на престол не возводил и что монета до конца его царствования чеканилась от имени Султан-Махмуд-хана. Имя хана провозглашалось также по пятницам в хутбе³². Нет, однако, никаких известий о том, чтобы Тимур когда-нибудь в присутствии войска, при торжественной обстановке, воздавал почести этим ханам; почести, воздававшиеся по монгольским обычаям государю, всегда принимались самим Тимуром.

Несмотря на присягу, принесенную Тимур в 1370 году всеми эмирами, Тимур только после упорной борьбы с не-

сколькими соперниками удалось сделаться действительным государем своего народа. Непокорность, кроме отдельных лиц, проявляли и целые племена, особенно племя джалаилов в северной части Мавераннахра (около Ходжента), которое за это подверглось наиболее тяжелой участи. Была принята мера, соответствовавшая нашему понятию о расформировании воинской части: улус джалаилов перестал существовать и его остатки были распределены по отрядам других эмиров (1376 год).

С самого начала своего правления Тимур делал то самое, за что прежде упрекал сына и внука эмира Казагана: строил крепости, окружал стенами города и этим нарушал заветы Чингисхана. Еще зимой 1365—1366 годов Тимуром были выстроены стены вокруг города Карши, в 1370 году — стены и цитадель в Самарканде, в 1380 году — стены и дворец Ак-сарай в Шахрисабзе. Тем не менее Тимуру удалось примирить с собой чагатаев, создать из них дисциплинированную военную силу, слепо преданную своему вождю и по своему внешнему виду более походившую на войска Чингисхана, чем на обычный тип мусульманских войск.

О «чакатаях» и их особом положении в государстве Тимура несколько раз говорит Клавихо. По его словам, они могли «ходить везде, где хотят, со своими стадами, пасти их, сеять и жить, где хотят, и зимою и летом; они свободны и не платят податей царю, потому что служат ему на войне, когда он их призывает». В поход они брали с собой и жен, и детей, и стада. В истории Тимура часто встречаются термины, относящиеся к военному делу; тем не менее эта терминология не вполне выяснена. Для обозначения больших племенных групп одинаково употребляются термины «иль» и «улус»; в том же значении встречается и слово «тюмень» (тумен), собственно значившее «десять тысяч». Тысяча обозначалась персидским словом «хазаре», по-видимому рано перешедшим к туркам и монголам, более мелкие воинские части — монгольским словом «хошун». Есть известие, что в Моголистане хошуном назывался отряд в 1000 человек; из некоторых мест истории Тимура видно, что в Мавераннахре хошун заключал в себе всего от 50 до 100 человек. Приказы собраться на курултай (сейм, имевший при Тимуре, по-видимому, исключитель-

но значение парада) или для похода передавались через туваджиев, должность которых считалась чрезвычайно важной, уступавшей только званию государя. При Тимуре был обычай, едва ли существовавший при Чингисхане, что с начальников частей при передаче им приказа государя брали расписку; для этой расписки был особый термин.

Военный строй был, в общем, тот же, как и в других туваджских и монгольских войсках; но в деле военного искусства Тимур считался не только хранителем традиций, но и новатором. В битве с Тохтамышем в 1391 году им был применен какой-то особый строй из семи больших отрядов, о котором раньше никто не слышал. Кроме обычного движения войсковых масс, которое, конечно, не могло оставаться скрытым, были случаи появления войска Тимура там, где его никто не мог ожидать. Ибн Арабшах рассказывает, что Тимур придумал для своих воинов особый головной убор, по которому они могли узнавать друг друга, и назначил им разные места, где они должны были собираться; сам он двинулся из Самарканда как будто в сторону Ходжента и степи, но на пути неожиданно повернул в другую сторону, в разных пунктах стал собирать отряды своего войска и неожиданно оказался на крайнем западе Персии, в Луристане. Официальная история Тимура не упоминает об этой хитрости, но и по официальной истории появление Тимура в 1386 году, в начале так называемого «трехлетнего» похода, в Луристане оказывается совершенно неожиданным. Говорится о возвращении Тимура в 1385 году в Самарканд, о зимовке около Карши, о решении идти на Иран, о собирании войска в Самарканде, о переправе через Амударью, о прибытии в Фирузкух и о быстром движении оттуда с пятой частью войска (туваджиям было приказано выбрать из каждого десятка людей по два) к Луристану.

Несмотря на крайнюю жестокость, с которой велись войны Тимура, мы в рассказах о подвигах отдельных богатырей, об их отношении к своему государю и даже к врагам встречаем эпические черты, напоминающие рассказы о европейском рыцарстве. Когда Тохтамыш в 1378 году победил с помощью Тимура своего соперника Тимур-Мелика, был взят в плен один из богатырей последнего; Тохтамыш хотел его

пошадить и принять к себе на службу; богатырь преклонил колени перед ханом и сказал: «Пока был жив Тимур-Мелик, я вел лучшую жизнь, как эмир и правитель; хотел бы я вырвать тот глаз, который видит тебя на его престоле. Если ты хочешь оказать мне милость, вели отрубить мне голову и положить голову Тимур-Мелика на мою голову, его тело на мое тело, чтобы его нежная и благородная особа не лежала на земле унижения». Желание верного богатыря было исполнено. Характерен также рассказ о приключениях в сирийской степи в 1393 году двух богатырей Тимура, джучидского царевича Ибадж-оглана и чагатайского эмира Джелалая, сына Хамида. Оба изнывали от жажды и нашли только два глотка воды; Ибадж выпил глоток, но не утолил своей жажды и попросил Джелалая уступить ему свою долю. Тот по этому случаю вспомнил рассказ, некогда слышанный им от Тимура, о двух путниках, арабе и персе, изнывавших от зноя в пустыне; у араба еще оставалось немного воды; перс сказал, что только эта вода могла бы спасти его от смерти и что если араб даст ему ее выпить, то это будет лучшим доказательством прославленного благородства арабов. Араб ответил: «Я хорошо знаю, что, если я дам тебе воды, мне придется умереть, но слава арабов мне дороже собственной жизни»; перс получил воду и благодаря этому остался жив. Джелалая прибавил: «Я буду подражать этому арабу и дам тебе воды, чтобы наложить обязательство на потомков Джучи и улус его и сохранить добрую славу улуса Чагатая; только прошу тебя, когда ты вернешься к государю, доложить ему обо всем этом, чтобы рассказ был внесен в летопись». Ибадж дал обещание, получил воду и восстановил свои силы; Джелалая, однако, тоже удалось спастись от смерти; оба вместе достигли Кербелы, места гробницы имама Хусейна, потом пришли к Тимуру и рассказали ему о происшедшем. Тимур прославил подвиг Джелалая и его заботу о чести Чагатайского улуса и вспомнил о заслугах его отца Хамида.

Каково бы ни было отношение этих рассказов к действительности, они свидетельствуют о существовании в войске Тимура известного рыцарского идеала. Естественно, что такие рассказы слагались о самом Тимуре и его сыновьях. Не-

смотря на физическое увечье, Тимуру приписывались подвиги личной храбрости.

В 1379 году, во время осады Ургенча, хорезмийский владетель Юсуф Суфи послал Тимуру вызов на единоборство; Тимур принял вызов, прискакал ко рву крепости и звал от туда на бой своего противника, но тот нарушил свое слово и не явился. Скоро после этого привезли Тимуру из Термеза вновь поспевшие арбузы; Тимур решил поделиться ими со своим врагом и послал Юсуфу арбузов на золотом блюде; Юсуф велел арбузы выбросить в воду, а блюдо подарил привратнику. В 1383 году Тимур в Сеистане хотел принять участие в битве и был удержан только просьбами эмиров.

Из сыновей Тимура Омар-шейх отличился еще в 1370 году, во время войны с Хусейном, когда ему было всего шестнадцать лет. Впоследствии ему в Фергане часто приходилось сражаться с моголами; о личных подвигах его много говорит «Аноним Искендера», столь же пристрастный к Омар-шейху и его сыновьям, как Хафиз-и Аbru и Шереф ад-дин к Шахруху. О Шахрухе был сочинен фантастический рассказ, опровергавшийся самим Шахрухом, будто шестнадцатилетний царевич в 1393 году принимал горячее участие в битве с владетелем Фарса Мансуром и лично принес своему отцу его голову.

Ибн Арабшах утверждает, что в войске Тимура были идолопоклонники, носившие при себе идолов, были и женщины, принимавшие участие в битвах. Как бы то ни было, более строгим мусульманам чагатайские воины казались кафирами, как сами чагатаи не признавали мусульманами моголов, хотя официально ислам сделался господствующей религией в Моголистане еще при хане Туклук-Тимуре; только во второй половине XV века, при хане Юнусе, на моголов было распространено правило, соблюдавшееся вообще при войнах между мусульманами; чтобы военнопленные не продавались в рабство. Таким же образом в XIV веке Чагатайское государство не признавалось мусульманским; в 1372 году хорезмийский владетель Хусейн Суфи сказал послу Тимура: «Ваше царство — область войны (то есть владение неверных), и долг мусульманина — сражаться с вами». Воины Тимура, подобно

языческим монголам, носили косы. Когда при осаде Дамаска (1400—1401 годы) внук Тимура Султан-Хусейн изменил своим и перешел на сторону осажденных, ему прежде всего отрезали косу и заставили его переменить одежду.

Ибн Арабшах упоминает об одной из старших дочерей Тимура, Султан-Бахт-бегум, дочери умершей в 1366 году сестры эмира Хусейна; она «отличалась мужским нравом и не любила мужчин». Вообще положение жен Тимура и других женщин при его дворе более соответствовало монгольским обычаям, чем требованиям ислама. Как видно из рассказов Клавихо и Ибн Арабшаха о пирах 1404 года, на этих пирах присутствовали царицы и царевны, не закрываясь от мужчин; те же царицы и царевны сами устраивали пиры, на которые созывали гостей. Тимур строил загородные дворцы с садами близ Самарканда не только для своих жен (Райский сад, устроенный в 1378 году для Туман-ага, и сад Дилькуша, устроенный в 1397 году для Тикель-ханум), но и для других царевен (Северный сад, устроенный в том же 1397 году для внучки Тимура, дочери Мираншаха). Разумеется, в царствование Тимура женщины не могли оказывать влияние на государственные дела; иногда только им удавалось смягчить гнев Тимура против какого-нибудь опального царевича. Об одной из жен Тимура, красавице Чолпан-Мульк, дочери могола Хаджи-бека, сопровождавшей Тимура во время походов 1391 и 1393 годов, Ибн Арабшах рассказывает, что она была убита Тимуром, до которого дошли слухи (вероятно, о ее неверности); официальная история об этом происшествии в семье Тимура не упоминает.

Своим потомкам Тимур посвящал много внимания; их воспитание было государственным делом, совершенно изъятым из ведения их собственных родителей. Когда ожидалось счастливое событие, родильницу вызывали ко двору и окружали ее всяческими заботами, но тотчас после разрешения у нее отнимали ребенка и поручали его воспитание назначенным для этого лицам, тщательно следившим за его пищей, одеждой и всем необходимым; когда наступало время, ребенка поручали особому воспитателю (атабеку), и тот обучал его всему, что нужно было знать будущему государю. Разницы между воспитанием наследника престола и воспитани-

ем других царевичей не могло быть, так как не было точно установлено порядка престолонаследия; кроме того, государство считалось собственностью всего рода, и отдельные царевичи в своих уделах были почти совершенно самостоятельными правителями; вмешательство главы династии происходило только в тех случаях, когда удельный князь обнаруживал мятежные наклонности или ссорился с другими князьями, или когда область подвергалась явной опасности от дурного управления, от внешних или внутренних врагов. Такие случаи были еще при жизни Тимура, который вообще в своих сыновьях и внуках далеко не был так счастлив, как Чингисхан. Из четырех сыновей Тимура двое старших умерли, как мы видели, при жизни отца. Третий, Мираншах, родившийся в 1366 году, уже в 1380 году, четырнадцати лет от роду, принял участие в походе на Хорасан и тогда же был назначен правителем этой (еще не завоеванной Тимуром) области. По своей жене, внучке хана Узбека, Мираншах, подобно Тимуру, носил титул гургана (зятя). Местопребыванием двора Мираншаха в то время, когда он был правителем Хорасана, был Герат. В 1393 году ему было дано еще более высокое назначение; Тимур в это время мог считать себя обладателем «царства Хулагу», то есть государства персидских монголов, и «престол Хулагу» был отдан Мираншаху. Главными городами этого обширного удела, заключавшего в себе всю Северную Персию с Багдадом и Закавказьем, были Тебриз и Султания.

Мираншах не только отличался личной храбростью, но также походил на отца жестокостью и коварством; в 1389 году он в Самарканде убил последних потомков династии гератских владетелей Куртов, причем на пиру со смехом отрубил голову сыну гератского князя Пир-Мухаммеду и потом объяснял свой поступок опьянением. Однако около 1399 года до Тимура дошли вести, что поведение Мираншаха совершенно изменилось, что после падения с лошади на охоте осенью 1396 года у него стало обнаруживаться расстройство умственных способностей, что страна под его управлением приходит в полное расстройство и подвергается нападениям внешних врагов. Разрушительные наклонности, унаследованные Мираншахом от отца, приняли болезненные формы;

Клавихо уверяет, будто он разрушал здания только для того, чтобы о нем говорили: «Мирза³³ Мираншах не сделал сам ничего, а велел разрушить лучшие творения в мире». В это время в Самарканд прибыла «ханская дочь», жена Мираншаха, с жалобой на мужа и с известием о его мятежных намерениях. Даулетшах³⁴ рассказывает об этом событии с яркими подробностями, которых нет в других источниках и которые едва ли соответствуют действительности; княгиня будто бы показала свекру свою окровавленную рубаху, и Тимур был так поражен поступком сына, что заплакал и целую неделю ни с кем не говорил. Официальная история говорит только о грубых обвинениях, возбужденных Мираншахом против жены; ей удалось опровергнуть обвинения, клеветники «из мужчин и женщин» поплатились жизнью; но разгневанная княгиня все-таки уехала в Самарканд.

Событиями 1399 года был вызван последний, самый продолжительный (так называемый «семилетний») поход Тимура на запад, увенчавшийся победой над египетским султаном и «римским кесарем», то есть османским султаном Баязидом. Мираншах и население его областей подчинились Тимуру без сопротивления; царевич был низложен, его советники и товарищи его веселой жизни казнены, растроченные им деньги возвращены в казну. Зато последующие события могли показать Тимуру, как непрочно согласие среди членов его династии. Отправляясь в поход, Тимур поручил Самарканд Мухаммед-Султану, сыну Джехангира, Фергану — Искендеру, сыну Омар-шейха. Еще зимою 1399—1400 годов между ними произошла ссора; весной 1400 года Искендер по распоряжению Мухаммед-Султана был привезен в Самарканд и заключен под стражу; его атабек (Искендеру было тогда около шестнадцать лет) и с ним 26 нукеров казнены. В том же году сам Тимур низложил в Фарсе старшего брата Искендера, Пир-Мухаммеда; его обвиняли, во-первых, в том, что он под предлогом болезни уклонился от участия в одном походе, во-вторых, в приготовлении с неизвестной целью каких-то ядов. Советники царевича были казнены; сам он был привезен в Герат и по приговору «великого дивана» наказан палками; так же было поступлено в 1401 году с Искендером. В самом конце 1400 года, во время осады Да-

маска, внук Тимура (сын его дочери) Султан-Хусейн перешел на сторону осажденных и сражался против своих; еще до сдачи города, во время одной вылазки, он был взят в плен и приведен к Тимуру, который в этом случае наказал виновного только палками.

Мухаммед-Султан в 1401 году был вызван к Тимуру, с тем чтобы получить престол Хулагу-хана; он принял деятельное участие в походах первых годов XV века, особенно в Малой Азии, но в 1403 году умер от болезни. «Престол Хулагу-хана» в 1404 году был пожалован второму сыну Мираншаха Омару; ему были подчинены все войска Мираншаха и все царевичи, оставленные в Западной Персии и Месопотамии. Из них Пир-Мухаммеду еще в 1403 году был возвращен Шираз; его брат Рустем получил Исфахан, старший сын Мираншаха Абу Бекр — Багдад, Искендер — Хамадан; о Мираншахе только сказано, что ему по просьбе его сына Абу Бекра было разрешено отправиться к этому сыну в Багдад. Клавихо видел Мираншаха в Султании, и царевич не произвел на него впечатления сумасшедшего (против этого говорит также участие Мираншаха в сражениях, о чем упоминает несколько раз и официальная история); он принял кастильских послов с соблюдением требований этикета и спросил о здоровье их короля.

Своим наследником Тимур после смерти Мухаммед-Султана назначил другого сына Джехангира, Пир-Мухаммеда, родившегося в 1376 году, через 40 дней после смерти отца (если не считать Мираншаха, он с 1403 года был старшим из находившихся в живых потомков Тимура); ему еще в 1392 году был пожалован «престол Махмуда Газневидского», то есть области к юго-западу от Гиндукуша до Инда. Действия Тимура показывают, что он не только на провинившегося старшего сына, но и на младшего, Шахруха, никогда не подвергавшегося опале, возлагал меньше надежд, чем на своих внуков. Шахрух принимал участие в походах на запад до Палестины, но до конца жизни Тимура оставался в том звании, с которого начал свое поприще Мираншах, — в звании правителя Хорасана. Эта область (местопребыванием правителя, как и при Мираншахе, был Герат) была поручена ему в 1397 году вместе с Сеистаном и Мазандераном. В 1404 году Тимур от-

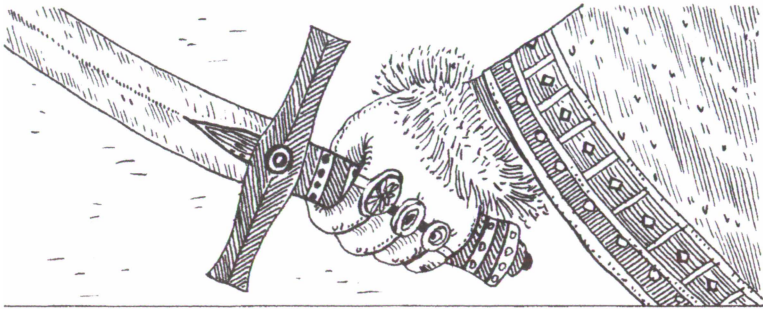
клонил предложение вызвать сына в Самарканд. В последних политических комбинациях Тимура, связанных с его походом на Китай и прерванных его смертью, малолетним сыновьям Шахруха отводилось первое место, но сам Шахрух был из них совершенно исключен.

О причинах такого отношения Тимура к Шахрухуистики ничего не говорят; неизвестно, проявлял ли Шахрух еще при жизни Тимура то же чрезмерное преклонение перед шариатом и неуважение к законам Чингисхана, как во время своего царствования. В 1404 году посланный Тимуром Фахр ад-дин Ахмед Туей привлек к ответственности гератские власти и произвел среди них полный разгром; историк Фасих перечисляет целый ряд ходжей, которые в связи с этой ревизией были отправлены в изгнание в Ашпару и Сауран, но нет указаний на то, чтобы эти события оказали влияние на отношение Тимура к Шахруху и к его воспитателю Ала ад-дину Алике-кукельташу. Замечательно, что этот последний эмир, потом гордившийся тем, что Тимур доверил ему сына, в истории событий царствования Тимура совершенно не упоминается; неизвестно, мог ли он уже при Тимуре открыто проявлять те черты характера, которыми он существенно отличался от других чагатайских военачальников и которые отчасти перешли на его воспитанника.

Клавихо уверяет, будто Тимур при жизни дважды распространял известие о своей смерти, чтобы узнать, кто восстанет против его наследников. Восточные авторы не упоминают о такой хитрости Тимура; но что вопрос о том, какие волнения вызовет его смерть, занимал Тимура, на это указывает также рассказ Ибн Арабшаха о разговоре Тимура с одним из персидских князей, Искендером Шейхи, то принимавшим участие в походах Тимура, то восстававшим против него. Но трудно было бы решить, какое место в этих заботах Тимура о будущем принадлежало роду барласов и какое — созданной им империи. Происходя из среды, в которой господствовал родовой быт, Тимур прежде всего должен был чувствовать себя членом своего рода; по мере его военных успехов и по мере сближения с представителями мусульманской культуры (о влиянии на Тимура каких-либо образованных людей из немусульман известий нет) его кругозор должен был рас-

ширяться; но ни в официальной истории, ни в других источниках мы не находим сведений о том, как постепенно изменялось его мировоззрение и как он в конце своей жизни представлял себе жизнь империи и обязанности ее правителя. Из того, что мы знаем о словах и поступках Тимура, мы можем только вывести заключение, что его душевная жизнь была несравненно сложнее, чем душевная жизнь его предшественника — Чингисхана.

Лев Зимин*
Подробности смерти Тимура

Взадачи настоящего сообщения не входит изложение приготовлений к походу и самого похода, а потому ограничимся рассказом о пребывании Тимура в Отраре, то есть в том месте, где он закончил жизненный путь. Укажем только, что почти все историки говорят о чрезвычайно суровой зиме того года, а это в связи с преклонным возрастом Тимура не могло, конечно, не отразиться на его здоровье.

Начнем изложение событий последних дней жизни великого завоевателя с рассказа Шериф ад-дина Али Иезди, как наиболее подробного.

«Отправившись от берегов Сейхуна, Тимур остановился в среду 12 раджаба (14 января 1405 года по таблицам Вюстенфельда³⁵) в Отрарском дворце Берди-бека; все царевичи, эмиры и близкие из придворных заняли каждый отдельную

* Лев Александрович Зимин (1886—1920) — тюрколог, арабист, иранист; археолог и историк. В 1919 году исполнял должность комиссара по иностранным делам эсеровского Закаспийского временного правительства. После прихода к власти большевиков был расстрелян «за участие в убийстве 26 бакинских комиссаров».

комнату. Удивительно, что во дворце, служившем местопребыванием государя, в самый день прибытия в углу чердака из дымовой трубы появился огонь и произошел пожар, который тотчас потушили, но это происшествие увеличило смятение умов придворных, так как в те дни люди видели страшные сны и были печальны и напуганы, полагая, что приблизилось несчастье. Чему быть — того не миновать.

Тимур послал Мусу Рекмаля, чтобы он обследовал дорогу к мосту и посмотрел, можно ли через него перейти; тот успешно отправился и, с осторожностью возвратившись, сообщил, что переход совершенно невозможен; другой был послан в сторону Сайрама и к горе Кулан; возвратившись, он сообщил, что на горе выпал снег глубиною в две пики.

В это время прибыл к Тимуру от Токтамыша, который уже давно скитался бесприютным бродягой в степях Дешт-и-Кипчак³⁶, один из его старых слуг Кара-ходжа. В тот день Тимур торжественно вошел в приемный зал и уселся на высоком троне. По правую руку от него уселись; Таизи-оглан из рода кагана Угедея, Баш-Тимур-оглан и Чекре-оглан из рода Джучи-хана, а другая сторона была украшена присутствием царевичей Улугбека, Ибрагим-султана и Айджеля; посланный Токтамыш-хана был введен эмирами: Берди-беком, братом последнего Шейх-Нурад-дином, Шах-Меликом и Ходжой-Юсуфом, удостоился поцеловать царский ковер и сообщил следующее послание Токтамыш-хана: “Я понес наказание, которое заслужил своей неблагодарностью; неблагодарность, которую я проявил за столько благодеяний, оказанных мне Вашим Величеством, привела меня в то жалкое положение, в котором я нахожусь, и единственное средство, которое у меня имеется, это надежда на прощение; если я его получу, то никогда не выну голову из ярма повинования и ногу с пути послушания”. Тимур, обласкав посланного, сообщил, что ‘после этого похода я-де с помощью Божией овладею Джучиевым улусом и вручу его ему (то есть Токтамыш-хану)”.

В то время Тимур думал отправить обратно сопровождавших его жен и царевичей и отпустил Кара-ходжу с подарками к Токтамыш-хану, но судьба решила иначе.

Вслед за этим рассказом в «Зафар-Наме» находится специальная глава, посвященная описанию смерти Тимура. В этой

главе помимо обширных рассуждений о тленности всего существующего в стихах и прозе сообщается следующее: «После семилетнего похода, когда Тимур завел почти всю Азию, он направил свои мысли на то, чтобы водворить в мире справедливость, и он не имел большего желания, как желание осведомляться о положении своих подданных и излечивать их беды; если они были притесняемы тиранами, он заставлял оказать им правосудие, если они были бедны, он обогащал их своими благодеяниями, и таким образом он сделал мир цветущим и развеселил сердца народов. С целью искупить грехи и получить прощение за свои прошлые поступки, он тотчас по прибытии в столицу после семилетнего похода и не отдохнув больше пяти месяцев, вознамерился пойти войной на идолопоклонников Китая и отправился в поход так, как это уже было объяснено. В то время, когда славные знамена прибыли в Отрар, находящийся в 76 фарсангах от Самарканда, в среду 10 шаабана (11 февраля 1405 года) высочайшее здоровье отклонилось от пути равновесия и тело стало сильно гореть». После этого положение Тимура в стихах изображается, как положение человека, который слышит голоса гурий. «Дрожая, Тимур почувствовал истинное раскаяние в своих грехах и обещал Богу возместить их добрыми делами. Сила болезни и боли все время возрастали». Затем в стихах изображаются страдания Тимура и отчаяние его приближенных.

«Хотя Мауляна Фазл-Аллах Тебризи, один из искусных врачей, повсюду сопровождавший Тимура, употреблял все силы для лечения и давал ему наилучшие лекарства, боль со дня на день усиливалась и появлялись новые болезни подобно тому, как будто бы исцеление одной болезни увеличивало другую». Затем в стихах говорится о бессилии врачей и лекарств против смерти, определенной судьбой.

«Так как ум Тимура с начала до конца оставался здоровым, то Тимур, несмотря на сильные боли, не переставал справляться о состоянии и положении войска. Когда вследствие своей проникновенности он понял, что болезнь была сильнее лекарств, он мужественно приготовился к смерти, приказал явиться к нему женам и собственным эмирам и с чудесной предусмотрительностью сделал завешание и изложил свою волю в следующих словах: “Я знаю наверное, что пти-

ца души улетит из клетки тела и что мое убежище находится у трона Бога, подающего и отнимающего жизнь, когда Он хочет, милости и милосердию которого я вас вручаю. Необходимо, чтобы вы не испускали ни криков, ни стонов о моей смерти, так как они ни к чему не послужат в этом случае. Кто когда-либо прогнал смерть криками? Вместо того чтобы рвать ваши одежды и бегать подобно сумасшедшим, просите лучше Бога, чтобы Он оказал мне свое милосердие, принесите и прочтите фатиху³⁷, чтобы порадовать мою душу. Бог оказал мне милость, дав возможность установить столь хорошие законы, что теперь во всех государствах Ирана и Турана никто не смеет сделать что-либо дурное своему ближнему, знатные не смеют притеснять бедных, все это дает мне надежду, что Бог простит мне мои грехи, хотя их и много; я имею то утешение, что во время моего царствования я не позволял сильному обижать слабого, по крайней мере мне об этом не сообщали. Хотя я знаю, что мир не постоянен и, не будучи мне верен, он не станет к вам относиться лучше, тем не менее я вам не советую его покидать, потому что это внесло бы беспорядки среди людей, прекратило бы безопасность на дорогах, а следовательно, и покой народов, и наверное в день Страшного суда потребуют ответа у тех, кто в этом будет виновен.

Теперь я требую, чтобы мой внук Пир-Мухаммед Джехангир был моим наследником и преемником; он должен удерживать трон Самарканда под своей суверенной и независимой властью, чтобы он заботился о гражданских и военных делах, а вы должны повиноваться ему и служить, жертвовать вашими жизнями для поддержания его власти, чтобы мир не пришел в беспорядок и чтобы мои труды стольких лет не пропали даром; если вы будете делать это единодушно, то никто не посмеет воспрепятствовать этому и помешать исполнению моей последней воли”.

После этих советов он приказал явиться всем эмирам и вельможам и заставил их поклясться великою клятвой, что они исполнят его завешание и не допустят, чтобы было оказано этому какое-либо сопротивление; затем он приказал отсутствующим эмирам и военачальникам принести те же клятвы.

Эмиры, услышав эту речь, пришли в волнение и отчаяние, заплакали и бросились с заплаканными лицами на землю, а эмир Шейх Нурад-дин и эмир Шах-Мелик, проникнутые скорбью и отчаянием, сказали Тимуру следующие слова: “С большим удовольствием мы пожертвовали бы своей жизнью, чтобы купить один день жизни Его Величества Сахиб-кирана³⁸; если бы наша смерть могла быть полезна, то наша жизнь ничего бы не стоила, но невозможно изменить решения судьбы. Хотя мы, ваши рабы, лишены вашего присутствия, не будем иметь ни радости, ни удовольствия, но мы можем уверить Ваше Величество, что пока мы живы, мы не перестанем повиноваться вашим приказаниям, с опасностью жизни. Пусть раб никогда не будет иметь успеха ни в чем, противном воле своего благодетеля. Мы всегда будем идти теми же путями повиновения после его смерти, которыми мы шли при его жизни”. Они говорили таким образом, а их слезы лились в изобилии, их душа не имела больше покоя, а их тело — силы. Затем они сказали, что, если он позволит, они напишут Мирзе Халил-Султану и эмирам, чтобы они из Ташкента прибыли ко двору, увидели еще раз Его Величество и услышали из его уст его последнюю волю. “Так как — говорили они — хотя мы им объявим завешание со всей возможной точностью, это не будет иметь такой силы, как если они услышат его сами”. Но Тимур ответил, что час его близок и что отсутствующие не смогут приехать вовремя и что нужно положиться на свидание в день Страшного суда. “И вы сами, — добавил он, — сможете видеться со мной только теперь. У меня, слава Богу, не остается ни одного желания, кроме желания видеть моего внука Шахруха; я хотел бы его видеть еще раз, но это невозможно. Бог не захотел этого”. Жена и близкие царевичи, которые собрались там и наблюдали положение больного, услышав эти слова, потеряли терпение, пришли в ужас и принялись плакать, а Тимур, повернувшись к царевичам, своим детям, сказал им свое последнее слово: “Вспоминайте все, что я вам советовал относительно покоя народов, осведомляйтесь всегда о положении подданных, будьте тверды и мужественны, держите в руках свою саблю с достоинством, чтобы вы пользовались подобно мне долгим царствованием и большим государством; я очистил

земли Ирана и Турана от врагов и возмутителей общественного порядка, я сделал их цветущими справедливостью и благодеяниями, если вы исполните мое завещание и возьмете за правило ваших поступков справедливость и милость, царство и корона останутся в ваших руках на долгие годы, но, если раздор утвердится среди вас, успех будет дурным, враги вызовут войны и возмущения, которые будет трудно потушить»». Затем в стихах выражается та же мысль, которая заканчивается словами, что если они будут поступать вопреки его приказаниям, то «поверхность земли наполнится преступлением и гибель найдет путь к государству и вере».

«После этой речи боль усилилась и поднялась сильная икота; хотя было много мулл и чтецов за дверью комнаты, которые читали Коран с одного конца до другого, Тимур пожелал, чтобы ввели Мауляну Хибет-уллаха, сына Мауляны Убеида, которому он приказал читать непрерывно Божье слово у изголовья своей постели и повторять часто символ веры о единстве Божьем. Когда наступила ночь и мир из-за отсутствия царя семи климатов вселенной набросил на себя одежду мрака и ткань печали, между намазами, Тимур произнес несколько раз слова “нет Бога, кроме Бога” согласно с обещанием Мухаммеда, который говорит, что тот, кто произнесет эти слова последними, войдет в рай, и затем передал свою душу Богу. Поистине мы принадлежим Богу, и к Богу мы возвратимся». После этих слов в стихах следует краткое восхваление Тимура.

«Это печальное событие произошло в ночь среды 17 шаабана 807 года (18 февраля 1405 года), который соответствует 14 числу месяца Исфендармуза 326 года эры Джелаль-аддина, когда солнце находилось в шестом градусе созвездия Рыб».

Заканчивается глава сообщением, что Тимур во время смерти был 71 год, из которых он царствовал 36 лет, каковое число совпадает с числом его сыновей и внуков.

Вот всё, что сообщает Шереф ад-дин Али Иезди о смерти Тимура. Прежде чем перейти к изложению некоторых подробностей, сообщаемых другими авторами, следует отметить, что дата смерти Тимура, сообщаемая у Иезди, указывается помимо находящегося в прямой зависимости от

него Абд ар-Резака Самарканди, также у Ибн Арабшаха, совершенно от него независимого. Но эта дата не совпадает с надписью на могиле Тимура в Самарканде, где написано, что Тимур умер не 17 шаабана (18 февраля), а 14 шаабана (15 февраля). Из историков, насколько известно, только анонимный автор Лондонской рукописи приводил ту же дату, как и надпись, то есть 14 шаабана.

У Хафиз-и Аbru в краткой редакции исторического труда просто говорится, что Тимур умер в половине месяца шаабана.

Перейдем теперь к известиям других историков. У Абд ар-Резака Самарканди о смерти Тимура ничего не сообщается, чего бы не было у Шереф ад-дина; Абд ар-Резак буквально копирует Шереф ад-дина, употребляет те же самые выражения; при этом им выброшено много подробностей, между прочим все заключительные слова Тимура.

Что касается Лондонской рукописи, то, вообще весьма кратко описывающая события, она и смерти Тимура посвящает весьма мало места.

Все три упомянутых исторических сочинения ни слова не говорят о форме болезни Тимура и о причинах заболевания. Из дошедшего до нас сочинения посланника короля Кастилии Рюи Гонзалеса де Клавихо мы знаем, что Тимур, перед отправлением в поход на Китай, выглядел очень старым; при приеме посланников он сказал им, «чтобы они подвинулись ближе для того, чтобы рассмотреть их хорошенько, потому что он не хорошо видел и был уже так стар, что почти не мог поднять веки». Сопоставив преклонный возраст Тимура с этим сообщением, можно понять, что достаточно было ничтожной причины для того, чтобы вызвать его смерть. Об этой причине мы имеем согласное мнение двух независимых друг от друга историков: Хафиз-и Аbru и Ибн Арабшаха; оба они говорят, что болезнь и смерть были вызваны неумеренным употреблением вина. Но помимо этого весьма важного сообщения и тот и другой дают другие интересные подробности, которые следует здесь привести для заключения сообщения.

Хафиз-и Аbru сообщает следующее: «Когда Тимур был болен, к нему собирались эмиры и он поднял сначала один па-

лец, а затем два, сделал глазами знак окружающим и спросил их: “Что я хочу этим сказать?” Некоторые из эмиров решились ответить: “Государь этим выражает, что осталось еще одно или два средства для выздоровления”. Тимур без всяких признаков досады, с полной покорностью воле Божьей, сказал, что смысл его движения был иной: “Больше одного или двух дней меня среди вас уже не будет”.

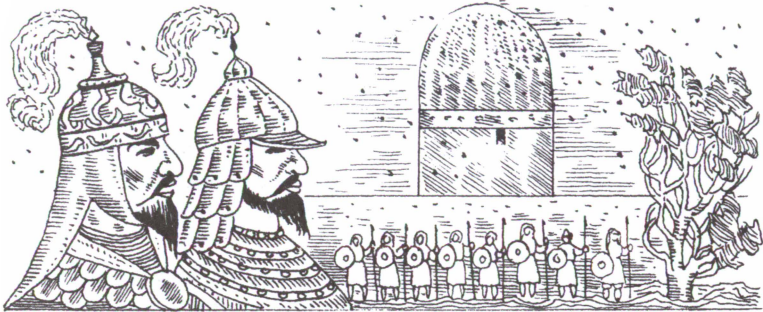
Врачи, призванные к одру больного и получившие приказ сказать всю правду, объявили, что упование на милость Божью заставляет их надеяться, что “тень Создателя” еще на многие годы останется над царствами населенной части мира; но по правилам врачебной науки дело обстоит так, как сказал государь. Некоторые из присутствующих стали бранить врачей за слишком откровенные речи, но сам Тимур похвалил их».

Хафиз-и Абру, кроме того, сообщает, что сам Тимур, выпив по прибытии в Отрар слишком много вина, говорил, что это обстоятельство, бывшее причиной его болезни, произошло помимо его воли, так как он никогда в жизни не отличался страстью к крепким напиткам. Это сообщение до некоторой степени согласуется с сообщением Ибн Арабшаха о том, что по прибытии в Отрар Тимур потребовал подать вина вследствие холода.

Помимо всего указанного у Ибн Арабшаха имеется еще одно интересное сообщение о том, что врачи лечили Тимура путем прикладывания льда ко лбу его и животу.

Из всего сказанного можно сделать заключение, что сообщения историков, если отбросить некоторую тенденциозность в пользу Шахруха у Иезди и во вред освящению личности Тимура у Ибн Арабшаха, ни в чем существенном не противоречат друг другу и рисуют нам полную и ясную картину смерти этого великого завоевателя.

Василий Бартольд О погребении Тимура

Клавихо и его спутники покинули Самарканд в пятницу 21 ноября; в четверг 27-го в противоположном направлении выступил из Самарканда Тимур и начал свое последнее военное предприятие — поход на Китай. Известно, что он дошел только до Отрара, где умер, по словам Шереф ад-дина и Ибн Арабшаха, в среду 18 февраля 1405 года, по надгробной надписи и по словам анонима, писавшего для Искендер-Султана, — тремя днями раньше. События следующего месяца, до захвата Самарканда внуком Тимура Халил-Султаном, рассказаны довольно подробно у Шереф ад-дина, источником которого было, по-видимому, анонимное сочинение, сохранившееся только в Лондонской рукописи и обнимающее только события первых лет после смерти Тимура, некоторые факты находят себе в этом труде более правильное освещение и объяснение, чем в «Зафар-Наме». Так, из рукописи видно, что не имелось в виду после смерти Тимура продолжать поход до самого Китая, как можно было бы думать на основании слов Шереф ад-дина; предлагалось осуществить только ближайшую цель предприятия — нанести удар среднеазиатским монголам. Даже для этой цели было необ-

ходимо на некоторое время скрыть от всех смерть Тимура; когда это не удалось и начались смуты, пришлось не только отказаться от всяких действий против монголов, но даже уступить им завоеванные Тимуром земли.

Гроб с телом Тимура был отправлен в Самарканд темной ночью. По рассказу анонимного автора, труп надушили благовониями, розовой водой, мускусом и камфарой; гроб поставили на носилки, украшенные драгоценными камнями и жемчугом; доставить тело было поручено Ходжа-Юсуфу; по всей вероятности, он на пути должен был делать вид, что везет одну из жен или наложниц Тимура, отправленную обратно в Самарканд. Царицам и царевичам было предложено, «согласно требованию шариата и рассудка», не надевать траурных одежд. Через день после отбытия носилок были отправлены в Самарканд царицы; при этом произошло то совещание о государственных делах, которое в рассказе Шереф ад-дина связывается непосредственно с отправлением тела Тимура.

Ходжа-Юсуф прибыл в Самарканд гораздо раньше цариц, по словам Шереф ад-дина — уже в понедельник 23 февраля, что по расстоянию между Оттаром и Самаркандом едва ли возможно. Тело в ту же ночь, очевидно тайно, было опущено в склеп, причем были выполнены только религиозные обряды. Место погребения названо у Шереф ад-дина «куполлом гробницы», у Абд ар-Реззака Самарканди, вообще в своем рассказе об этих событиях почти буквально повторяющего слова Шереф ад-дина, — «особым мавзолеем».

Ко времени прибытия цариц факт смерти Тимура был уже всем известен; после некоторых переговоров жены Тимура были впущены в город; царевичам и военачальникам было отказано в этом до решения вопроса о престолонаследии. Царицы и немногие бывшие с ними царевичи остановились в ханаке Мухаммед-Султана³⁹, где был погребен Тимур. Вместе с царевнами и другими знатными женщинами они выполнили обычные у кочевников траурные обряды: обнажили головы и расцарапали и почернили лица; рвали на себе волосы, бросались на землю и посыпали головы прахом, накрывали шею войлоком. При этом присутствовали в траурных одеждах бывшие в городе царевичи и вельможи, даже

представители ислама, как шейх ал-исламы Абд ал-Эввель и Исам ад-дин; все базарные лавки были закрыты.

Печальные обряды были совершены еще раз, с большою торжественностью, после вступления на престол Халил-Султана, занявшего город ровно через месяц после смерти Тимура, в понедельник 18 марта. Два дня спустя он отправился в ханаку Мухаммед-Султана, где была гробница Тимура. На этот раз в обрядах принимали участие в черных траурных одеждах не только царицы, царевичи, вельможи и должностные лица, но все население города. Для успокоения души Тимура читали Коран, раздавали милостыню; несколько дней кряду для угощения толпы резали лошадей, быков и баранов. После этого был выполнен тот же обряд, как во время поминок по Мухаммед-Султану в Онике; с плачем принесли собственный барабан Тимура; барабан своими звуками принял участие в траурной церемонии, потом кожу его разрезали, чтобы он никому больше не служил.

В противоположность Шереф ад-дину Ибн Арабшах ничего не сообщает ни о предварительном погребении, ни о первом совершении траурных обрядов; по его представлению, только Халил-Султан привез тело Тимура в Самарканд. Там оно было положено в гроб из черного дерева; гроб несли люди на голове в торжественной процессии, в которой принимали участие с непокрытой головой и в траурной одежде князья, эмиры, вельможи и воины. Тимура похоронили в медресе Мухаммед-Султана, около строителя медресе, в склепе; находились ли гробницы Тимура и его внука под одной крышей, из текста не видно. Из обрядов говорится только о чтении Корана, раздаче милостыни и угощения; зато Ибн Арабшах, один из всех историков, сообщает некоторые сведения о внутреннем убранстве мавзолея. На могилу Тимура были положены его одежды, по стенам были развешаны предметы его вооружения и утвари; все это было украшено драгоценными камнями и позолотой; цена ничтожнейшего из этих предметов равнялась подати целого округа. С потолка, подобно звездам на небе, висели золотые и серебряные люстры; одна из золотых люстр весила 4000 мискалей (золотников). Пол был покрыт шелковыми и бархатными коврами; тело через некоторое время было переложено в сталь-

ной гроб, приготовленный искусным мастером из Шираза. К гробнице были приставлены, с определенным жалованьем, чтецы Корана и служители, к медресе — привратники и сторожа. Могила пользовалась таким уважением, что перед ней совершались молитвы и приносились обеты; из уважения к ней князья, проезжавшие мимо, наклоняли голову, иногда даже сходили с коней.

Трудно сказать, относился ли этот знак уважения всегда к гробнице Тимура. Еще прежде такое же уважение оказывали расположенной приблизительно в той же местности, в цитадели, гробнице Нур ад-дина Басира⁴⁰; по словам биографа шейха, самаркандский шейх ал-ислам Абд ал-Мелик и другие ученые и благочестивые люди всегда проходили перед мазаром пешком и даже снимали обувь. Иное чувство к могиле Тимура испытывали, конечно, находившиеся в Самарканде пленники; Шильдбергер⁴¹ рассказывает, что в «храме», где был похоронен Тимур, по ночам раздавались стоны, прекратившиеся только тогда, когда уведенных Тимуром пленных отпустили на родину.

Несогласное с правилами ислама убранство мавзолея было удалено только после занятия Самарканда Шахрухом, что произошло в мае 1409 года. По рассказу Ибн Арабшаха, Шахрух посетил могилу своего отца, вновь совершил траурные обряды, утвердил приставленных к мавзолею чтецов Корана, сторожей и служителей, но велел убрать и передать в казну находившиеся при гробнице предметы одежды, утвари и вооружения.

С событиями 1409 года и следующих лет связана, по всей вероятности, еще другая перемена, о которой говорит Шериф ад-дин, не определяя точно времени. Тимур, всегда питавший искреннюю любовь к потомкам пророка, будто бы выражал желание, чтобы его похоронили у подножия гробницы сейида Береке; поэтому «через некоторое время» гроб с телом сейида перенесли из Андхоя в Самарканд и похоронили в «куполообразной постройке, воздвигнутой Тимуром, смежной с суфой⁴² упомянутой ханаки»; Тимура положили, согласно его желанию, у ног сейида; в ту же куполообразную постройку перенесли прах Мухаммед-Султана и похоронили рядом с Тимуром.

К сожалению, кроме Шереф ад-дина (и писавших с его слов), ни один автор не упоминает ни о перенесении праха сейида из Андохя в Самарканд, ни о перенесении праха Тимура и его внука из одного здания в другое. Трудно допустить, чтобы и то и другое могло произойти до 1409 года. Во-первых, слова Ибн Арабшаха ясно показывают, что обстановка мавзолея между 1405 и 1409 годом оставалась без изменения; во-вторых, Самарканд в это время принадлежал Халилю, Андохой — Шахруху; отношения между этими владельцами были настолько враждебны, что перенесение тела сейида из Андохя в Самарканд в эти годы едва ли вообще было возможно. Труд Абд ар-Реззака, всецело основанный на труде Хафиз-и Аbru, дает не вполне правильное представление о событиях; как при жизни Тимура в первоначальной редакции «Зафар-Наме» была обойдена молчанием ссора между Тимуром и Мираншахом, так придворный историк Шахруха, очевидно по желанию своего государя, в своем рассказе о борьбе Шахруха с Халилем и другими родственниками многое смягчает, о многом умалчивает совсем. Договор 1405 года истолкован в смысле подчинения Халиля верховной власти Шахруха; упоминается о том, что Халиль обязался выдать Шахруху деньги, принадлежавшие сыновьям Шахруха Улугбеку и Ибрахиму и находившиеся в Самарканде, и что Шахрух отправил за этими деньгами своих посланцев, но умалчивается о результате посольства, о котором рассказывает один из его участников, историк Фасих; деньги не только не были выданы, но послы были вынуждены спасаться бегством; им пришлось скакать день и ночь, чтобы успеть переправиться через Амударью и вернуться к своему государю. В феврале 1406 года, во время битвы между Халилем и Пир-Мухаммедом, Улугбек и его опекун Шах-Мелик, несмотря на существовавшее между Шахрухом и Халилем соглашение, находились в войске Пир-Мухаммеда, причем между Шахрухом и Пир-Мухаммедом существовал союз. Шахрух требовал, чтобы Халиль уступил Самарканд Пир-Мухаммеду и удалился в удел, назначенный ему при Тимуре, именно «в область Байлакана, Берда, Грузию, Армению и Тифлис до пределов Трапезунта».

Как строгий блюститель шариата, Шахрух не мог не очистить мавзолея Тимура от языческого убранства; но очень ве-

роятно, что в Самарканде его распоряжение вызвало некоторое неудовольствие, особенно среди военного сословия. Перенесение тела сейида из Андхоя, может быть, имело целью успокоить недовольных; было известно, что сейид пользовался при Тимуре большим уважением. Можно, однако, сомневаться в том, действительно ли Тимур желал быть похороненным рядом с сейидом, или это желание было только приписано ему Шахрухом. Сейид умер зимой 1403—1404 годов в Карабаге, и тогда же было приказано отправить его тело в Андхой, где находился его удел и где жили его родственники. Если бы это погребение считалось только временным, то для сейида, вероятно, строился бы мавзолей в Шахрисабзе; но об этом нет никаких сведений.

Известия о личности сейида Береке и о степени его влияния на Тимура довольно скудны. Противоречивы известия о его происхождении; по словам Ибн Арабшаха, он, по некоторым известиям, происходил из Египта, по другим — из Медины, по другим — из Мекки; Тимур по его просьбе подарил ему Андхой, причислявшийся к вакфам священных городов (Мекки и Медины), и эта местность еще при Ибн Арабшахе считалась собственностью потомков Береке. По словам Шереф ад-дина, сейид впервые выступил в 1370 году, незадолго до победы Тимура над Хусейном. Береке принадлежал к меккским шерифам и прибыл в Хорасан по делам вакфов священных городов; Хусейн не только ничего не дал ему, но даже не оказал ему должного уважения; тогда он обратился к Тимуру и принес ему барабан и знамя; Тимур исполнил все его желания и передал в его распоряжение все суммы вакфов; о том, что эти вакфы находились в Андхое, Шереф ад-дин не упоминает.

Шереф ад-дин уверяет, что сейид всюду сопровождал Тимура; впоследствии они были похоронены в одном мавзолее, причем лицо Тимура было обращено в сторону сейида. В рассказах об отдельных событиях царствования Тимура имя сейида, однако, встречается редко. В 1383 году он вместе с другими представителями духовенства увещевал Тимура, когда тот слишком предавался горю после смерти сестры и не хотел заниматься государственными делами; в 1391 году он произнес молитву перед битвой с Тохтамышем; в 1392 году он

неудачно выступал посредником между Тимуром и мазандеранскими сейидами. В конце 1403 года, незадолго до своей смерти, он прибыл к Тимуру в Карабаг; Тимур вышел из своего шатра, чтобы его встретить; оплакивая Мухаммед-Султана, сейид снял с головы чалму и начал рыдать; Тимур обнял его, и оба вместе долго плакали. Битву с Тохтамышем Ибн Арабшах переносит на берег Сырдарьи (в действительности она произошла к западу от Урала) и приписывает сейиду в этой битве более яркую роль. Войско Тимура было уже близко к поражению, когда явился сейид, ободрив Тимура, сошел с коня, набрал горсть мелких камней, снова сел на коня и бросил камни в лицо врагам с громким криком: «Ягы качты» (по-турецки: «Враг бежал»). Тимур и все его воины повторили тот же крик, бросились на врагов, и войско Тохтамыша было разбито.

Из слов Шереф ад-дина можно вывести заключение, что строившийся в 1404 году мавзолей, «смежный с суфой ханак», до прибытия в Самарканд тела сейида Береке стоял пустым; прежде всего там похоронили сейида, потом у ног его положили Тимура, наконец, перенесли в то же здание тело Мухаммед-Султана. Трудно согласить это со словами того же автора, что в 1404 году строилось «куполообразное здание для погребения» Мухаммед-Султана и что тело Тимура еще в феврале 1405 года было положено «в куполообразное здание для погребения»; трудно допустить, что речь идет о двух различных зданиях. Гораздо правдоподобнее, что тело Тимура при Халиле покоилось в мавзолее, построенном для Мухаммед-Султана, и что только перенесением в Самарканд тела сейида были созданы новые условия, не имевшиеся в виду при постройке 1404 года. Как ни велико было уважение Тимура к сейидам и шейхам, известия о мавзолеях в Шахрисабзе и сохранившиеся до сих пор мавзолеи тимуровской эпохи в Самарканде показывают, что считалось совершенно достаточным строить мавзолеи для членов царствующего рода рядом с могилами святых; этим похороненному в мавзолее было обеспечено покровительство святого и в то же время давался простор для той полуязыческой пышности, которой был окружен гроб Тимура до 1409 года и которая едва ли была бы возможна непосредственно над гробом мусульманско-

го святого. По мере укрепления в Средней Азии идеи шариата старались установить более тесную связь между сейидами и представителями светской власти; в XIX веке, как известно, бухарские эмиры и хивинские ханы даже насильно брали себе жен из потомков пророка, чтобы их потомки могли присоединить к своим титулам титул «сейид». В XV веке до этого еще не доходило; но уже в XV и XVI веках государи находили нужным переносить в мавзолеи своих предков прах сейидов. Этим, вероятно, объясняется факт, что и в Шахрисабзе прах отца Тимура, как мы видели, лежит в одном мавзолее с прахом нескольких сейидов.

К числу таких ревностных сторонников шариата принадлежал и Шахрух. К сожалению, ни один автор, кроме Ибн Арабшаха, не упоминает о переменах, произведенных им в мавзолее Тимура; смутным отголоском этих перемен является, может быть, фантастический рассказ Абу Тахир-ходжи⁴³, будто Шахрух перенес тело своего отца в другое место «из страха перед врагами». Во всяком случае, более чем вероятно, что соединение в одном мавзолее гробницы сейида и гробницы Тимура было вызвано благочестием Шахруха, а не желанием самого Тимура, тем более что в тот же мавзолей некоторое время спустя был перенесен прах еще другого сейида. В западной части мавзолея, на особом возвышении (суфе), находится гробница сейида Омара, четвертого сына сейида Кулала. О жизни сейида или «эмира» Омара известно только, что он большей частью занимал должность мухтасиб⁴⁴ (не сказано, в каком городе) и строго следил за точным соблюдением предписаний о дозволенном и запрещенном; умер в 803 / 1400–1401 годах. Источники ничего не сообщают ни об отношениях между ним и Тимуром, ни о причинах перенесения его праха в Гур-эмир. В. Л. Вяткин⁴⁵ предполагает, что этот сейид «до постройки еще мавзолея был похоронен в данной местности, а потому когда произвели постройку, то не пожелали нарушать покоя этого сейида». Но в год смерти сейида Омара медресе Мухаммед-Султана, как мы видели, по всей вероятности, уже существовало; погребение сейида в пределах этого медресе тоже требовало объяснения, которого источники нам не дают; об отношениях между ним и Мухаммед-Султаном известно столь же мало, как об от-

ношениях между ним и Тимуром. Трудно объяснить, но в то же время крайне любопытен самый факт погребения Тимура, пиры которого были сплошным нарушением правил шариата, в одном мавзолее со строгим мухтасибом.

Из слов Ибн Арабшаха о лицах, приставленных к мавзолею Тимура и к «медресе», в состав которого мавзолеей входил, ясно видно, что медресе после смерти Тимура более не служило для целей преподавания, как при жизни Мухаммед-Султана. Здание, в котором находилась гробница Тимура, продолжали, однако, называть «медресе» еще при Бабуре⁴⁶. В том же медресе стали хоронить и других представителей династии; мавзолеей постепенно становился усыпальницей Тимуридов, хотя, по недостатку места или по другим причинам, утратил это значение задолго до завоевания Самарканда узбеками.

Было бы интересно выяснить, когда и почему Гур-эмир как усыпальница Тимуридов заменил собой Шахрисабз; но и на этот вопрос источники не дают нам ясного ответа. После смерти Тимура следующий случай погребения члена династии в «медресе Мухаммед-Султана», о котором говорят письменные источники, произошел в 1419 году; в этом году (822 год хиджры) умерла молодая жена Улугбека, Огэ-бегум — дочь Мухаммед-Султана, — и была похоронена «рядом со своим отцом в его медресе». Именно эта гробница в Гур-эмире, насколько известно, не сохранилась. Из лиц, умерших еще раньше, до 1409 года, в Гур-эмире похоронены внук и наследник Тимура Пир-Мухаммед и сын Тимура Мираншах. Из них Пир-Мухаммед был убит в северной части нынешнего Афганистана 14 рамазана 809 / 22 февраля 1407 года; о его погребении нет никаких известий. Мираншах погиб в Азербайджане во время войны с Кара-Юсуфом⁴⁷ туркменским, в апреле 1408 года, и был похоронен там же, в месте Сурхаб; «через некоторое время» некий Шемс Гури в одежде дервиша перенес его кости в Мавераннахр, где они были похоронены в Шахрисабзе; о перенесении их впоследствии из Шахрисабза в Самарканд ничего не сообщается; во всяком случае, из этого видно, что Шахрисабз и при существовании Гур-эмира в течение некоторого времени оставался местом погребения представителей династии.

Достоверно известно только время перенесения в Гур-эмир тела Шахруха. Шахрух умер в Западной Персии в воскресенье 25 зу-л-хиджжа 850 / 12 марта 1447 года; перенесение тела в столицу Шахруха, Герат, было несколько задержано смутами; в Герате Шахрух был похоронен в медресе, выстроенном его женою Гаухар-Шад, в одном мавзолее со своим сыном Байсункаром, умершим в декабре 1433 года. В 1448 году Гератом на короткое время завладел Улугбек, покидая город, он взял с собой тело Шахруха. Из Бухары, где он проводил зиму 1448 — 1449 годов, Улугбек отправил тело отца в Самарканд, где оно было похоронено в мавзолее «великого эмира», то есть Тимура. Этим рассказом косвенно подтверждается местное предание, до сих пор не находившее себе прямого подтверждения в письменных источниках, что Гур-эмир был предметом особенных забот Улугбека, вообще украшавшего Самарканд, по примеру своего деда, величественными зданиями. По-видимому, создание из Гур-эмира усыпальницы в такой же степени было личным делом Улугбека, как удаление языческого убранства первого мавзолея и погребение рядом с Тимуром сейидов — личным делом Шахруха. При Улугбеке, правившем в Самарканде еще при жизни Шахруха, в 1409 году, очевидно, были устроены существующие в настоящее время вторичные надгробия; из надписи на знаменитом нефрите, в новейшее время, к сожалению, изувеченной, известно, что этот нефрит был привезен в Самарканд Улугбеком после его знаменитого похода через Среднюю Азию до Юлдуза, совершенного в 828 / 1425 году. Самый подробный рассказ об этом походе сохранился в труде Мирхонда; в этом рассказе упоминается и о перевозке камней, причем вполне подтверждается мнение Н. И. Веселовского⁴⁸, что мы имеем здесь не монолит, впоследствии разбитый надвое, как утверждает предание, но два отдельных куска, плотно пригнанных друг к другу. По словам историка, еще Тимур велел перенести в Самарканд эти куски, которых тогда было три, но ему удалось увезти только один; два других были увезены Улугбеком. Историки не упоминают о факте, известном нам из надписи, — что привезенные камни были уложены на гробницу Тимура.

Создатель Гур-эмира как царской усыпальницы был также последним из Тимуридов, похороненных в этом мавзолее.

Улугбек был убит в конце октября 1449 года, по Даулетшаху — 8 рамазана 853 года (25 октября), по надгробной надписи — 10 рамазана; о его погребении источники ничего не сообщают. Из надписи, где упоминается с явным осуждением о восстании сына, видно, что надгробие не могло быть поставлено при Абд ал-Латифе, правившем до мая 1450 года; едва ли также оно было поставлено при Абу Сейиде (с 451 года), мстившем за смерть Абд ал-Латифа; остается кратковременное царствование Абдуллы (1450—1451), возведенного на престол после убиения Абд ал-Латифа мстителями за Улугбека. Очень вероятно, что при нем совершилось перенесение тела Улугбека в Гур-эмир. После этого, насколько известно, больше не было случаев погребения в Гур-эмире, хотя династия Тимуридов правила Самаркандом еще полвека.

Михаил Герасимов* Портрет Тамерлана

Изучение физического типа людей далекого прошлого, несомненно, является одним из элементов исторического исследования. Антропологическое изучение людей, генеалогия которых известна, помогает понять природу передачи ряда признаков по наследству, и с этой стороны оно будет интересно уже не историкам, а биологам. Новая методика создания скульптурного портрета исторического лица на краниологической основе не только объединяет общность интересов биологической и исторической науки, но и делает этот немой костный материал доступным пониманию каждого, а не только специалиста-антрополога.

В мае—июне 1941 года были произведены раскопки в мавзолее Гур-эмир, усыпальнице династии Тимуридов. Экс-

* Михаил Михайлович Герасимов (1907—1970) — советский антрополог, археолог и скульптор, доктор исторических наук. Автор методики восстановления внешнего облика человека на основе скелетных остатков — «метода Герасимова». Создал свыше 200 скульптурных портретов-реконструкций исторических личностей, в том числе Ярослава Мудрого, Ивана Грозного, Тамерлана.

педия вскрыла пять захоронений: Тимура, его сыновей Шахруха и Мираншаха, его внуков Улугбека и Мухаммед-Султана. Цель настоящей статьи — дать описание процесса восстановления документального портрета Тимура.

Могила Тимура занимала центральное положение в подвальной помещении мавзолея: ее надгробье состоит из очень массивной, грубо отесанной плиты серого известняка, поверх которой на ганчевом⁴⁹ растворе была прикреплена тонкая плита оникса, покрытая тончайшим резным узором по святительной надписи. Под плитой был обнаружен толстый слой ганча, перекрывающий массивные поперечные блоки известняка, служившие кровельным перекрытием погребальной камеры. Погребальная камера, сложенная из массивных известняковых блоков, хорошо пригнанных между собой, представляла прямоугольник три метра на метр, при глубине около метра. Внутри этой камеры находился деревянный гроб совершенно идентичной формы ныне бытующим. Поверх гроба сохранились остатки некогда покрывавшего его парчового покрывала темно-синего, почти черного цвета, с вытканными на нем серебряной ниткой изречениями Корана. Гроб из арчи был сколочен массивными, четырехугольными в сечении, железными гвоздями, с большими шляпками. Все гвозди были совершенно корродированы. При вскрытии гроба был ощущаем очень резкий, опьяняющий запах камфоры и каких-то других, вероятно консервирующих, веществ.

В гробу был обнаружен костяк, лежащий на спине, с вытянутыми, сведенными в кистях руками, вытянутыми ногами и головой, лежащей на правой щеке, лицом, обращенным в сторону Мекки. Кости кое-где были покрыты мелкими обрывками ткани. У головы, шеи, в области внутренней стороны бедер были обнаружены остатки мумифицированных мышц и кожи. Кисти рук и мелкие кости стоп были перемешаны и спутаны. Все кости были покрыты тонким отмученным лессом; кое-где были замечены на костях тонкоигльчатые друзы гипса, выпавшие из водного раствора. Извлеченный с максимальной осторожностью череп в течение трех часов просушивался в тени на открытом воздухе, после чего представилась возможность произвести его предва-

рительную консервацию, то есть закрепление посредством пропитки воском. Перед пропиткой с черепа были сняты сохранившиеся волосы головы, бровей, усов и бороды.

Одной из основных задач экспедиции являлась документация подлинности захоронения Тимура. Посвятительная надпись на надгробье сама по себе еще не решала данного вопроса. Только изучение скелета могло дать исчерпывающий ответ.

Народы Востока сохранили до наших дней сотни легендарных сказаний о величайшем завоевателе XV века. Перед одним именем Железного Хромца трепетала не только Средняя Азия, но и далекие Китай и Индия, а слава о его могуществе и сказочных богатствах доходила до Европы. Биографы не жалели красок для описания его великих походов, но, к сожалению, очень мало оставили данных о его внешности, сведения противоречивы и неясны.

Время не сохранило ни одного сколько-нибудь правдоподобного изображения Тимура. Многочисленные миниатюры, по преимуществу иранского и индийского происхождения, чрезвычайно несхожие между собой и к тому же датируемые значительно более поздним временем, не могут быть приняты как достоверные. Немного можно почерпнуть и из письменных источников. Однако свидетельство о том, что Тимур происходит из отуреченного монгольского рода, является таким документом, который дает право категорически отказаться от рассмотрения иранских и индийских миниатюр, наделяющих Тимура типичными чертами индоевропейца.

Обнаруженный скелет принадлежит сильному человеку, относительно высокого роста для монгола (около 170 сантиметров). Еще в момент вскрытия было обращено внимание на ряд патологических особенностей скелета. При ближайшем рассмотрении оказалось, что кости правой руки действительно срослись в локтевом суставе в несколько согнутом положении. Все три кости образовали как бы один совершенно неделимый блок. Процесс сращения зашел так далеко, что образовавшаяся костная мозоль совершенно перекрыла суставные поверхности, образуя мощный наплыв над ними. Такая дефектность руки в локте была компенсаци-

рована сильным разращением верхнего эпифиза плечевой кости и соответствующими изменениями в лопатке. Таким образом, следует думать, что, несмотря на столь глубоко зашедший болезненный процесс, Тимур не утратил подвижности этой руки в плечевом суставе. Строение кисти руки тоже является доказательством того, что рука не только функционировала, но и была чрезвычайно сильной, чему не мешал изуродованный ранением указательный палец.

Утраченная способность правой руки сгибаться в локте, видимо, и породила легенду о сухорукости Тимура. Несмотря на тщательные исследования патологоанатомов и хирургов-клиницистов, не удалось окончательно установить диагноза заболевания, давшего столь сильные изменения в локтевом суставе. По свидетельству всех специалистов, процесс анкилоза зашел так далеко, что болезненных ощущений к концу своей жизни Тимур не испытывал. Большинство медиков склонно думать, что данное образование связано с процессом туберкулеза. Отнюдь не считая себя вправе опровергать заключения специалистов, должен, однако, отметить, что все же летописные свидетельства о ранении Тимура стрелами прекрасно иллюстрируются сохранившимся следом на нижнем эпифизе плечевой кости с внутренней его стороны. Здесь отчетливо виден небольшой осколок кости, скрепленный спайкой и сильно завуалированный дальнейшим процессом анкилоза. Указательный палец был изуродован ранением. Верхний эпифиз фаланги его в большей своей части был сбит и смещен. Кость срослась, но неправильно. Образовавшиеся добавочные суставные поверхности в нижнем эпифизе второй фаланги не вполне компенсировали полученное нарушение данного ранения. Но несмотря на то, что палец был кривым, он не утратил своей подвижности.

Приведенные данные если не вполне, то в значительной степени подтверждают свидетельство Клавихо о ранениях Тимура. Точно так же была документирована и хромота Тимура. Правое бедро, а равно и голень совершенно патологичны. Коленная чашечка срослась с эпифизом бедра, причем в таком положении, что нога не могла быть выпрямленной. Впоследствии образовавшиеся дополнительные сочленительные площадки на коленной чашечке и на фронтальной

стороне эпифиза голени отнюдь не компенсировали дефектности колена. При сравнении правой и левой ноги обнаруживается, что в своей длине кости мало отличаются, и укороченность правой ноги следует относить целиком за счет согнутости в коленном суставе. Бедро левой здоровой ноги отличается массивностью и сильным рельефом, правая же кость значительно тоньше и ослаблена. То же самое следует отметить при сравнении берцовых костей. Слабая подвижность в правом колене и не вполне заверченный процесс анкилоза свидетельствуют о том, что нога Тимура, пораженная, вероятнее всего, процессом туберкулеза, причиняла ему большие физические страдания. При рассмотрении костей стоп обращает на себя внимание ряд мелких патологических явлений в строении пяточной кости правой ноги и сращение второй плюсневой с клиновидной костью этой же ноги. Остальные кости стоп не имеют ярких следов патологических изменений. Кости таза, позвонки, ребра — несут на себе следы ряда больших или меньших компенсаторных явлений, как-то облегчавших сильную хромоту Тимура. При рассмотрении этих костей становится очевидным, что весь торс Тимура был перекошен, так что левое плечо было значительно выше правого, но это, однако, не отразилось на гордой посадке головы.

Все перечисленные патологические явления имеют характер давних образований, но, конечно, могут быть отнесены уже к зрелому возрасту, что несколько не соответствует данным письменных источников, указывавших, что хромота Тимура являлась результатом тяжелых ушибов в молодости. Но при всей застарелости патологических процессов, столь сильно изменивших скелетную основу Тимура, следует отметить, что, несмотря на 72-летний возраст, собственно старческих явлений, связанных с одряхлением организма, почти не наблюдается. Относительно незначительное к возрасту образование остеофитов подчеркивает юность всего скелета. Тимур любил верховую езду и по нескольку дней не слезал с седла. Не этим ли следует объяснить степень согнутости больной ноги? Очень вероятно, что на коне Тимур меньше ощущал свои физические недостатки, сохраняя величественную осанку.

Массивность здоровых костей, сильно развитый рельеф и плотность их, ширина плеч, объем грудной клетки и относительно высокий рост — все это дает право думать, что Тимур обладал чрезвычайно крепким сложением. Сильная атлетическая его мускулатура, вероятнее всего, отличалась некоторой сухостью форм, да и это естественно: жизнь в военных походах, с их трудностями и лишениями, почти постоянное пребывание в седле вряд ли могли способствовать тучности.

В плане работы автора над портретной реконструкцией Тимура наиболее важным документом является его подлинный череп. Естественно, что в данной связи он и заслуживает наиболее полного описания. Однако ошибочно предполагать, что в настоящей статье будет дан краниологический анализ данного черепа. В настоящей работе будет дано описание черепа Тимура под углом зрения восстановления внешнего облика, то есть будет уделено большое внимание не абсолютным размерам, а описательным признакам. Прежде чем перейти к описанию формы черепа, считаю необходимым указать, что большая часть левой теменной кости была разрушена солями гипса, но это, однако, не помешало полному представлению о форме свода черепа.

Череп Тимура в горизонтальной проекции занимает промежуточное положение между сфероидальной и сфеноидальной⁵⁰ формами. Некоторая нечеткость рисунка объясняется значительной естественной деформацией, связанной с неравномерным срастанием венечного шва. Это типическая форма так называемой левосторонней плагицефалии, в результате которой образовалось разращение черепа в правую сторону. Свод черепа правильно округлой формы, с невыступающим затылком, но слегка придавленным затылочным валом. Лоб крутой, с хорошо выраженными лобными буграми. Средне развитые надбровные дуги едва заходят за середину орбиты. Характерно, что они лежат не параллельно краю орбиты, а выклиниваются внешними краями вверх к лобным буграм. Лицо правильной овоидной⁵¹ формы, с чуть выступающими скулами. Орбиты большие, округлые, с сильно выступающими, относительно тонкими, но притупленными краями. Скуловой отросток верхней челюсти с примыкаю-

шей к нему передней частью скуловой кости образуют нижний край орбиты, сильно вынесенный вперед.

Несмотря на относительно слабое развитие надбровья, собственно надпереносье сильно выступает вперед. Корень носа высок, спинка его слегка волниста, свод округло притуплен. Носовые кости с явным перехватом в средней их части. Широкое грушевидное отверстие сердцевидно. Подносовой шип слабо развит и слегка приподнят. Точно так же приподнят острый подносовой край грушевидного отверстия. Концы носовых костей, а равно и весь край грушевидного отверстия утончен, чуть притуплен и слегка завернут вовнутрь. Верхняя челюсть очень широкая, также широка и нижняя челюсть. Восходящая ветвь ее сильна. Подбородок крутой, выступающий, с сильно развитым рельефом.

Ранняя утрата верхних резцов и атрофия вследствие этого альвеолярных лунок привели к тому, что слабо выступающая носовая кость образовала гребень по линии межчелюстного шва. Сильно набухшие, выступающие вперед альвеолярные части клыков свидетельствуют о бывшей в молодости значительной прогнатности⁵² резцов. Несмотря на слабо выраженную верхнечелюстную выемку (собачью ямку) вследствие резкого рельефа скуловых костей во фронтальной их части, создается впечатление менее плоского лица, чем это имеет место на самом деле.

Зубы сильно стерты, со следами явного кариеса. Много зубов утрачено задолго до смерти.

Не надо быть проницательным, чтобы в черепе Тимура увидеть типичные монголоидные черты: яркая бракифалия, очевидно уплощенное лицо, значительная его ширина и высота. Все это как нельзя лучше связывается с письменными документами, свидетельствующими о происхождении Тимура из рода барласов.

Несмотря на старческий возраст Тимура (70—72 года), череп его, а равно и скелет не имеют ярко выраженных, собственно старческих черт. Даже наоборот, запоздалое формирование седла черепа, незначительная облитерация швов, наличие большей части зубов, четкий рельеф костей, почти отсутствие остеофитов — все это говорит скорее за то, что череп скелета принадлежал человеку полному сил и здоровья,

биологический возраст которого не превышал 50 лет. Рельеф затылка, сильные, крупные шейные позвонки, со специфической гордой посадкой головы, крупные ключицы и лопатки свидетельствуют о мощности шейной и грудной мускулатуры. Все это дало право при выборе стандарта толщин мягких покровов взять наибольший, с поправкой на усиление в местах наиболее сильно развитого костного рельефа.

Плотность структуры кости, четкость гребней лицевого скелета свидетельствуют об относительно слабом развитии подкожного жирового слоя. Большое лицо Тимура было сильным, мускулистым, но не жирным. Крутой широкий лоб с хорошо выраженными буграми определяет своей конфигурацией направление ряда глубоких горизонтальных морщин. Сильное выступание надпереносья, усиленное выпуклостями коротких, выклинивающихся наверх надбровий, образует над носолобным швом бугристое расширение, определяющее характер вертикальных складок между бровями. Надбровье же служит непосредственной постелью для коротких, но густых пучкообразных монгольских бровей, волосы которых сохранились.

Утонченные края глазниц, их величина, округлость, сильное выступание нижнего края орбиты и широкое межглазничное расстояние определяют монголоидное строение глаз, подчеркнутое несколько скошенным разрезом их. Однако значительное выступание корня носа и рельеф средней части надбровья указывают, что собственно монгольская складка века выражена относительно слабо. Резко выраженный микрорельеф фронтальной части скуловых костей, их массивность, а также усиленный рельеф восходящей ветви нижней челюсти указывают на развитие жевательных мышц и на некоторую их сухость. Широкое грушевидное отверстие, округлость свода носовых костей дают представление о несколько уплощенном носе, ноздри которого в соответствии со строением нижней части грушевидного отверстия незначительно выходят на пределы его и четко моделированы. Нечеткость фильтрама и некоторое западение средней части верхней губы непосредственно связаны с деформацией передней части верхней челюсти, возникшей в связи с утратой резцов. Ширина небной части, сильный рельеф альвеолярного края,

величина зубов и их прикус свидетельствуют о том, что рот Тимура был широк, с толстыми, но крепкими, энергично очерченными губами. Некоторая чувственность в рисунке рта определяется значительным выступанием нижней губы, подчеркнутым резко очерченным, энергичным подбородком. Угол восходящей ветви нижней челюсти определяет прямую посадку небольших, крепких, типично монголоидных ушей. Конфигурация внешней части скуловых костей, четкие контуры слухового канала, незначительный рельеф небольших сосцевидных отростков, с их спокойными, несколько округлыми формами и вершинами, обращенными вовнутрь, — все это убеждает в том, что раковина уха была плотно прижата к голове. Величина уха, по данным размера носа, невелика. Четко очерченные ноздри своим рисунком дают право предполагать характер рельефа ушной раковины, с четко очерченным завитком и хорошо моделированной, небольшой мочкой. Все это было подтверждено поздней находкой среди мумифицированных остатков мышечной ткани фрагмента сохранившегося уха.

Этими описательными данными исчерпываются наши наблюдения, но их достаточно, чтобы, пользуясь черепом, воспроизвести черты великого завоевателя Средней Азии. Это документальное воспроизведение головы достигается применением определенной и не раз уже апробированной методики.

Прежде всего на черепе восстанавливаются основные жевательные мускулы, гребни, прикрепления которых отчетливо видны. Затем, по данным строения основания черепа и форме шейных позвонков, определяется посадка головы, в соответствии с которой и изготавливается деревянный каркас, и на нем воспроизводится шейная мускулатура, с учетом специфических особенностей строения шеи и плеч Тимура.

Для достижения полной объективности при построении лица толщина мягких покровов наносилась механически, для чего в соответствии с принятым стандартом толстотных отметок на подлинный череп были нанесены высотные отметки, которые вылепливались в виде усеченных пирамид из плотного воска. Высота каждой такой пирамиды определяла толщину мягких покровов в данной точке.

По сегитальному⁵³ сечению черепа был вылеплен профиль. Восстановление этого профиля по всему своду головы не представляет особого труда, но создание профиля носа и рта — одна из сложнейших и ответственных задач всей реконструкции.

Мною был разработан технический прием построения профиля мягкого носа. Пользуясь им при воспроизведении головы Тимура, я вылепил гребень, заведомо превышающий профиль носа. Затем по этому гребню я провел черту, являющуюся касательной по отношению к последней трети носовых костей. Далее была отмечена вторая линия, представляющая собой прямое продолжение основного направления подносового шипа. Вершина угла, образованного этими двумя условными прямыми, как и всегда, соответствовала вершине мягкого носа. Профиль спинки носа в верхней своей части подчинен конфигурации профиля носовых костей, а в нижней — он строится на основе учета рельефа боковых стенок грушевидного отверстия. В данном случае широкое сердцевидное грушевидное отверстие, со слабой волнистостью боковых сторон, отвечало незначительной волнистости спинки мягкого носа. Широкое основание грушевидного отверстия с мягкими очертаниями свидетельствовало о мягкой, несколько приплюснутой форме профиля конца носа. Обшая уплощенность носа, связанная с широким раструбом грушевидного отверстия, с притупленными в нижней части краями, красноречиво показывала, что крылья носа Тимура были широки, толсты, но отчетливо смоделированы.

Значительно проще восстановление профиля рта. Характерный прикус, отсутствие верхних резцов обеспечивали простоту построения профиля рта. Профиль подбородка воспроизведен в полном подчинении костному рельефу нижней челюсти.

По окончании воспроизведения всех гребней образовавшиеся между ними пустоты были заполнены воском. Таким образом была обеспечена объективность построения лица.

По окончании моделировки головы были вставлены глазные яблоки в орбиты и моделированы веки на основании формы края глазниц. В целях постоянного контроля вначале была вылеплена одна половина лица, затем другая.

На протяжении всей работы над созданием портрета Тимура все основные моменты фотографировались, а по окончании моделировки одной половины лица был сделан отлив, документирующий данный момент процесса работы. Второй отлив был произведен по окончании моделировки всей головы.

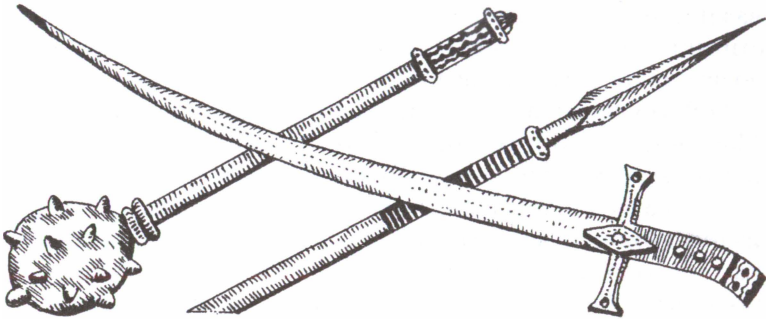
В обычных условиях на данном этапе кончается документальная работа. Дальнейшее оформление костюма и прически является обычно областью большей или меньшей догадки.

Совершенно особые условия сохранности праха Тимура обеспечили возможность создания его прически документально. Летописные источники указывают, что Тимур погиб в конце зимы (18 февраля), во время военного похода. Вероятно, этим и следует объяснить, что, вопреки принятому обычаю брить голову, к моменту своей смерти Тимур имел относительно длинные волосы. На висках и сзади ушей они достигали три сантиметра, в то время как на вершине головы были никак не длиннее 1,5 сантиметра. Волосы Тимура толсты, прямы, сего-рыжего цвета, с преобладанием темно-каштановых или рыжих. Волосы бровей сохранились хуже, но все же по этим остаткам нетрудно было представить и воспроизвести общую форму брови. Хорошо сохранившиеся отдельные волоски достигали от 12 до 14 миллиметров длины, причем они были сильно закручены, тонки. Цвет их темно-каштановый. Усов собственно не сохранилось, но зато с правой стороны черепа, на альвеолярной части его было обнаружено пятно тлена, представляющее собой остатки уса. Это пятно с мелкими фрагментами волос отчетливо передавало всю внешнюю форму уса. Внимательный анализ этого пятна позволил с точностью воспроизвести не только общую форму уса, но и выявить одну характерную особенность усов Тимура. Оказывается, Тимур носил длинные усы, а не подстриженные над губой, как это было принято правоверными последователями шариата. Как удалось выяснить, существовало правило, позволяющее высшему военному сословию носить усы, не подрезая их над губой, и Тимур, согласно этому правилу, не стриг своих усов, и они свободно свисали над губой.

На нижней челюсти, с левой стороны сохранились пришедшие к ней волосы бороды. Нижняя губа до подбородоч-

ной бороды и верхняя часть щеки были совершенно свободны от волос. Небольшая густая борода Тимура имела клиновидную форму. Волосы ее жесткие, почти прямые, толстые, ярко-коричневого (рыжего) цвета, со значительной проседью. Даже предварительное исследование волос бороды под бинокуляром убеждает в том, что этот рыже-красноватый цвет ее натуральный, а не крашеный хной, как описывали историки. Много волос только частично обесцвечены, часть же — совсем белых, седых.

Все это дало возможность восстановить прическу Тимура с достаточной достоверностью. Костюм и головной убор были созданы на основании анализа миниатюр и подлинных вещей эпохи династии Тимуридов.

Уложение Тимура*

Моим детям, счастливым завоевателям государств, моим потомкам — великим повелителям мира.

Да будет им известно, что, в полной надежде на милосердие Всевышнего, я убежден в том, что многие из них наследуют мой могущественный трон. Это побуждает меня изложить для них правила, которыми я руководствовался сам. Строго соблюдая эти правила, они могут упрочить за собою то счастье, которого я достиг столькими беспокойствами, трудами и опасностями, которое дано мне небом, благотворным

* Авторство «Уложения Тимура» не установлено. Предполагается, что создавалось оно под руководством Тимура историками из его окружения. В то же время В. В. Бартольд подвергает сомнению не только участие Тимура в написании «Уложения», но и подлинность этого сочинения.

Публикуемый перевод сделан в 1894 году под общей редакцией востоковеда Н. П. Остроумова (1846—1930); для настоящего издания уточнены имена и географические названия.

влиянием религии Магомета (да даст ему Бог мир) и могущественным ходатайством потомков и сподвижников его. Пусть эти правила послужат им руководством как в их поведении, так и в управлении государством, дабы они могли сохранить то государство, которое я им оставляю.

Всех правил двенадцать. Ничто лучше не доказывает их важности, как то, что я извлек из них: они помогли мне достигнуть власти, завоевать государства, упрочить за мной завоевания и сделать меня достойным трона.

1) Я заботился о распространении религии Бога и закона Магомета, этого избранного Богом сосуда: я поддерживал ислам во всякое время и во всяком месте.

2) Я разделил преданных мне людей на 12 классов: одни из них помогали мне своими подвигами, другие — советами, как при завоевании государств, так и при управлении ими. Я пользовался ими, чтобы укрепить замок моего счастья; они были украшением моего двора.

3) Советы с мудрыми, предусмотрительность, бдительность и деятельность помогли мне побеждать войска врагов и завоевывать области. В управлении я руководствовался кротостью, человеколюбием и терпением; я наблюдал за всеми, прикрываясь личиной бездействия, был одинаково благосклонен как к врагам, так и к друзьям.

4) Надлежащий порядок и соблюдение законов послужили основанием и опорой моей судьбы, фортуны. То и другое так укрепили мою власть, что визири, эмиры, солдаты и народ не домогались повышения, а каждый довольствовался своим местом.

5) Чтобы воодушевить офицеров и солдат, я не шадил ни золота, ни драгоценных камней; я их допускал к своему столу, а они жертвовали для меня своей жизнью в сражениях. Оказывая им милости и входя в их нужды, я обеспечил за собой их привязанность. И так при помощи доблестных вождей и моих воинов я сделался властелином 27 государств. Я сделался государем Ирана, Турана⁵⁴, Рума⁵⁵, Магриба⁵⁶, Сирии, Египта, Ирака арабского и Ирака персидского, Мазандерана, Гиляна⁵⁷, Ширвана⁵⁸, Азербайджана, Фарса⁵⁹, Хорасана, Моголистана, Великой Татарии⁶⁰, Хорезма, Хотана⁶¹, Кабулистана⁶², Бахтарзамина⁶³ и Индоста-

на. Все эти страны признали мою власть, и я предписал им законы.

Надевая на себя царский плащ, я тем самым отказался от покоя, какой вкушают на лоне бездействия. С 12 лет от рождения я разъезжал по разным областям, боролся с несчастьем, составлял проекты, поражал неприятельские эскадроны, свылкался с видом возмущений офицеров и солдат, привыкал выслушивать от них резкие слова, но терпением и мнимой беззаботностью, от которой я был далек, мне удавалось умиротворять их. Наконец я бросался на врагов. Таким образом мне удавалось покорять провинции и даже целые государства и далеко распространять славу моего имени.

б) Справедливостью и беспристрастием я приобрел благосклонность созданий Божьих. Свои благодеяния я распространял и на виновного и на невинного; мое великодушие обеспечило мне место в сердцах людей; правосудие управляло моими решениями. Мудрую политикой и строгою справедливостью я удерживал своих солдат и подданных между страхом и надеждой. Мои воины были осыпаны моими подарками. Я имел сострадание к низшим и к самым несчастным классам государства.

Я освобождал угнетенного из рук гонителя и, раз убедившись во вреде, причиненном лицу или имуществу, я производил приговор по закону и никогда не подвергал невинного наказанию, заслуженному виновным.

Всякий, поднимавший против меня оружие для разрушения моих намерений, как только умолял меня о помощи, был принимаем мною благосклонно. Я возвышал его в чинах и зачеркивал его вину пером забвения; и если его сердце было еще озлоблено, то мое обращение с ним было таково, что я успевал наконец изгладить самый след его неудовольствия.

7) Я оказывал почтение потомкам пророка, ученым, богословам, философам и историкам. Я уважал их и почитал. Храбрые люди были моими друзьями, потому что Всевышний любит храбрых. Я сходил с учеными и снискивал расположение тех, у которых была благородная душа.

Я прибегал к ним, и их благословение доставляло мне победу. Я покровительствовал дервишам и факирам. Я тщательно избегал причинять им малейшую печаль и ни в чем им

не отказывал. Те, которые дурно отзывались о других, были удаляемы от моего двора. Их толкам не придавалось значения, и я никогда не слушал их клеветы.

8) Я был настойчив в моих предприятиях. Раз предпринятый проект, каков бы он ни был, овладевал всем моим вниманием, и я не оставлял его, пока не имел успеха. Поступки мои не противоречили моим словам, и я не поступал сурово. Я никому не досаждал из опасения, чтобы Всемогущий не поступил со мною сурово и не подавил меня тяжестью собственных моих деяний. Я расспрашивал ученых, чтобы знать, каковы были постановления древних от Адама до Магомета и от него до наших дней. Образ действий и поведение, поступки и слова этих повелителей глубоко проникли в мое сердце. Я старался подражать самым похвальным качествам их и самым лучшим чертам их жизни. Для собственного назидания я изучал причины падения их власти и старался избежать сделанных ими ошибок. Я воздерживался от лихоимства и притеснений; мне было известно, что эти преступления относятся к тем, которыми порождаются голод и бедствия всякого рода и которые выкашивают целые народы.

9) Я знал состояние народа. Я смотрел на знатных, как на братьев, а на простых людей, как на детей. Умел принориться к нравам и характеру жителей каждой области и каждого города. Я заслужил уважение от новых своих подданных, тех из них, которые занимали высшие места. Я давал им правителей, свыкшихся с их нравами и обычаями и которые уже пользовались у них одобрением. Я знал состояние населения каждой отдельной области. Я посадил в каждой стране моего царства человека испытанной честности, чтобы он извещал меня о поступках и поведении народа и солдат и чтобы он давал мне знать обо всех непредвиденных событиях, которые могли интересовать меня. Когда я открывал малейшую ложь в его донесениях, то строго его наказывал. Как только я узнавал о каком-нибудь случае притеснения или жестокости правителя, солдат или народа, то я давал виновным чувствовать всю строгость правосудия.

10) Когда какое-нибудь племя, какая-нибудь орда тюркская, арабская, персидская или чужестранная желали признать мою власть, я принимал правителя этого племени или

орды с почетом, других же я принимал по достоинству: я добром воздавал добрым, а злых предоставлял собственной участи.

Кто бы ни заключил со мной дружеский союз, был уверен, что не будет раскаиваться. Я давал тому доказательства моей благосклонности и великодушия. Услуги, мне оказанные, не оставались без награды. Даже мой враг, когда он чувствовал свою вину и приходил просить моего покровительства, получал прощение и находил во мне благодетеля и друга.

Так поступил я с Шир Бахрамом. Этот начальник племени, сопровождавший меня как союзник, покинул меня в момент сражения. Желание добычи овладело им, и он обнажил меч против меня. В конце концов он вспомнил, что ел мою соль (то есть он почувствовал угрызение совести), и снова вымолил у меня помилование. Это был воин знаменитого происхождения, столько же опытный, сколько и неустрашимый. Я закрыл глаза на его вину, я простил ему ради его храбрости и дал ему чин выше против того, что он имел раньше, дабы тем сильнее заставить его почувствовать мое расположение к нему.

11) Дети, внуки, друзья, союзники, все те, которые со мною какую-либо связь имели, пользовались моими благодеяниями. Блеск моего счастья не заставил меня забывать кого-нибудь. Каждый получил должное. Милосердие также имело место в моем сердце. Я уважал в моих сыновьях и внуках союз крови, не посягал на их жизнь и даже на их свободу. По отношению к каждому частному лицу я вел себя, соотносясь с особенностями его характера и с представлением, какое я имел о нем. Опыт, который я вынес из превратностей судьбы, научил меня, как нужно поступать с друзьями и с врагами.

12) Я всегда с уважением относился к солдатам, сражались ли они за или против меня. Да и не обязаны ли мы признательностью людям, которые жертвуют продолжительным счастьем преходящим благам? Они бросаются в сражения и не щадят свою жизнь среди случайностей.

Неприятельский воин, неизменно преданный своему повелителю, мог рассчитывать на мою дружбу. Когда он становился под мои знамена, я награждал его заслуги и верность,

принимая его в число своих союзников. Но тот воин, который в момент сражения оставил своего полководца, чтобы перейти ко мне, был в моих глазах самым мерзким человеком.

Во время войны, которую я вел с ханом Тохтамышем, его эмиры сделали мне несколько письменных предложений. Это было вероломство с их стороны по отношению к своему князю, моему неприятелю. Я пришел в негодование от таких предложений и сказал про себя: «Они изменят и мне, как теперь изменяют моему повелителю», и вместо всякого ответа я их проклял.

Опыт доказал мне, что власть, не опирающаяся на религию и законы, не сохранит на долгое время свое положение и силу. Она подобна нагому человеку, который заставляет других при встрече с ним опускать глаза, не внушая никакого уважения к себе. Можно также сравнить его и с домом, не имеющим ни крыши, ни дверей, ни ограды, в который может проникнуть самый презренный человек.

Вот почему я основал здание моего величия на исламе, с прибавлением к нему правил и законов, которые я точно соблюдал в продолжение моего царствования.

Первое правило, которое появилось в моем сердце, клонилось к распространению религии и утверждению закона Магомета. Я распространил в мир ислам, этот кодекс превосходнейшего из смертных; я сделал из него украшение моей империи.

Чтобы иметь более верный успех в увеличении числа прозелитов Магомета, я избрал из потомков этого пророка человека самого выдающегося, которого и облек полною властью над мусульманами. Он имел в своем ведении священные имущества и назначал отдельных управляющих мечетями. Он же в городах и местечках утверждал верховного судью, первого представителя религии (муфтия), назначал инспекторов рынков. Он назначал также жалованье и пенсии как тем, которые, подобно ему, вели свое происхождение от Магомета, так и ученым, законооведам и всем заслуженным людям.

Я назначил судью, или казия, для армии; а для народа я назначил другого.

В каждую область я послал пожилого знатока ислама, чтобы предостерегать верующих от запрещенных законом дел и чтобы заботиться об их образовании. Я приказал строить мечети и монастыри в городах, караван-сарай — на дорогах и мосты — на реках.

Я поставил в каждом городе представителя религии и благочестивых людей для научения мусульман Корану и для объяснения главных оснований веры на основании комментариев ученых и священного предания.

Я повелел заведующему вакуфами (садр) и гражданскому судье доносить мне обо всех делах, касающихся веры. Кроме этого я назначил еще начальника правосудия, который доносил мне о распрях, возникавших между солдатами и между остальными моими подданными.

Когда я обнародовал мои постановления касательно религии, когда я восстановил в городах ислама закон и когда верующие знатные и простые убедились в моем усердии к истинной вере, то мусульманские ученые издали в честь меня следующее объявление:

«В каждом веке Всемогущий воздвигал защитника и распространителя религии посланника Магомета. В этом VIII веке⁶⁴ Тимур, родившись под счастливым созвездием, герой мира, должен считаться восстановителем веры».

Глава ученых, Мирсаид Шериф⁶⁵ написал мне, что так как я трудился на пользу распространения ислама в областях мира, то я имею право на титул распространителя веры.

Вот содержание его письма:

«Боже! Будь помощником, поддерживающим религию Магомета, и оставь тех, которые покидают ее.

Восемь веков протекло со времени бегства величайшего посланника до наших дней, и в каждом веке Всевышний и Все-святой Бог воздвигал защитника и распространителя веры своего возлюбленного пророка, чтобы восстановить и укрепить святые истины. Хвала Всевышнему! Он же в этом восьмом веке возложил эту обязанность на эмира Тимура, героя мира, который заставил государства и города принять истинную веру.

Известно от древних богословов, что в первом веке хиджры покровитель веры был Омар ибн Абдулазиз⁶⁶. В то время

она была подрываема проклятиями и ругательствами, которые сыпались от схизматиков против Али⁶⁷ с кафедр мечетей. Омар положил конец этому отвратительному обычаю.

Народ ислама был добычей распрей и неурядиц. Одна партия проклинала праведных халифов⁶⁸, тогда как другая проклинала Али, главу верующих, Аббаса⁶⁹ и Хусейна⁷⁰. Обе раздраженных партии готовы были дойти до битвы; Омар ибн Абдулазиз удержал их и сделался опорой религии.

Во втором веке религия имела защитником Мамуна Справедливого⁷¹. Этот халиф, осудив семьдесят два ложных вероучительных положения, заставил признать другие, согласные с преданиями и истинной верой. Он вызвал из Хорасана Али, сына Мусы-Джафара⁷² (мир праху его), сделал его своим наследником и заставил согласиться взять в руки бразды правления.

В третьем веке принял веру под свое покровительство Аббасид Моктадир-Биллях⁷³. Караматы⁷⁴, под начальством Абутаира⁷⁵, овладели священным городом Меккой, и тридцать тысяч пилигримов, славных мучеников, были зарезаны на горе Арафат. Черный камень был вырван из стен Каабы; наконец, в разоренных мусульманских провинциях царствовали убийство и грабеж. Казалось, что религия готова была совершенно исчезнуть, когда появился Моктадир-Биллях. Он повел армию против разбойников, рассеял их и восстановил религию.

Азадаулет-Дилеми⁷⁶ был защитником верующих в четвертом веке. Пороки и злоба Мути амриллаха⁷⁷, из рода Аббаса, притеснения его придворных и сообщников вредили истинной вере; разврат распространился повсюду; безбожие шло с поднятой головой. Азадаулет низверг этого халифа и престолонаследником сделал сына его Тали Билляха⁷⁸.

Азадаулет вознамерился восстановить славу религии и исполнить это славное намерение, уничтожая новшества, противные религии, и прекратить испорченность нравов, преступления, несправедливость и притеснения.

Пятый век прославился рождением султана Санджара⁷⁹, сына султана Малик-Шаха. Он был современником Ахмада-Джами⁸⁰ и Хакима-Санай⁸¹. Он сделался их учеником. В то время еретики и невежды нанесли сильный удар ис-

ламу. Султан Санджар обнаружил живейшее старание истребить их. Ревностно преданный религии пророка, он не совершил ни одного поступка, несогласного с законом Магомета.

В шестом веке завоевания неверных в Туркестане пошатнули ислам, но Бог воздвиг Газан-хана и поставил его во главе ста тысяч турок, которые в долине Лар исповедали веру перед досточтимым Ибрагимом-Хамави⁸² и были приняты в число верных после произнесения слов: “Нет бога, кроме Бога, и Магомет — Его посланник”. Заручившись их помощью, он стер с лица земли неверие и ересь; тотчас вера распространилась в городах и областях.

Седьмой век был ознаменован усердием к вере султана Олджейту, сына Аргун-хана, прозванного Мухаммед-Худабандэ⁸³. Как только этот султан наследовал престол брата, он узнал (таков был тогда упадок веры), что в общественных молитвах после исповедания веры забывали молиться Всевышнему о пророке и его потомках. Он сам отправился в мечеть, где собрал богословов и спросил их мнения о необходимости молитв за Магомета и его потомство. Они отвечали единогласно, что эта молитва установлена самим Богом.

Некоторые присовокупили даже, что имам Шафии⁸⁴ признал недействительным общественное моление без молитвы за пророка и за его потомство; другие приводили в пример имама Азама⁸⁵, который находил гнусным общественное моление без тех же молитв.

Олджейту спросил у них, почему, молясь за других лиц, кроме Магомета, они не упоминают об их потомстве, тогда как при молитвах за этого последнего из пророков должно упоминать и потомство этого последнего. Не получив на это ответа, он сказал: “Можно, мне кажется, объяснить подобную разницу двояко. Во-первых, враги Магомета, назвав его в насмешку Абтаром, то есть беспотомственным, были наказаны Богом в свою очередь пресечением потомства. Если некоторые из потомков их и остались, то на долю им выпала полнейшая неизвестность, потомки же Магомета размножились так, что только Бог может их исчислить. Потому призывают и на них благословение Божие в молитве после благословения в честь пророка.

Вот вторая причина этого обычая. Учение и религиозные постановления других пророков подвергались изменению и уничтожению; их постановления не предназначались к вечному существованию, тогда как религия Магомета будет существовать без изменения до окончания веков.

Вот почему верные потомки пророка в своих молитвах после хвалы Богу должны упоминать и пророка и потомство его, чтобы все признали их покровителями религии Магомета и толкователями священной книги и хранителями закона пророка, наследниками его учения и учения посланников Бога. Пусть у них учатся познанию религии и обязанностей ислама и пусть каждый из нас считает своим долгом повиноваться им и почитать их”.

Как только султан закончил свою речь, мусульмане, собравшиеся в мечети, произнесли молитву за Магомета и за его потомство. Олджейту продолжал: “Так как Али, был первым из рода пророка и так как Магомет Махади⁸⁶, пришествия которого ожидают все верующие, должен быть последним, то наша обязанность — не проявлять нашу власть в царстве Магомета без согласия его потомков, иначе мы будем поступать как тираны!”

Султану, говорившему так перед народом, ученые выражали полное одобрение. Затем он повелел указом, чтоб в память пророка и его потомков возносились молитвы каждую пятницу, и приказал чеканить монету с их именем.

Богословы обнародовали постановление, что султан Олджейту есть распространитель божественного закона.

В восьмом веке эмир Тимур распространяет веру в городах и между народами. Он почитает и уважает потомков пророка и богословов. С согласия первых он пользуется верховною властью в царстве Магомета».

Получив от Мирсаида Шерифа это письмо, я возблагодарил Всевышнего. Я молил нашего пророка о помощи в утверждении религии и закона.

Подлинник этого письма я послал моему духовному руководителю (пиру), который написал на полях следующее: «Эмир Тимур, герой века, должен знать то, что особенную милость и неоценимый дар составляет поручение ему Богом восстановления религии. Пусть он увеличивает свою вер-

ность и свои добрые дела, дабы и Бог умножил Свои милости к нему».

После того как я получил это письмо от моего духовного руководителя, я старался относиться с почетом и уважением к потомкам пророка и богословам. Я заботился о распространении ислама и приказал копию с письма поместить в моих летописях.

По восстановлению религии и божественного закона я издал для гражданского управления моего государства законы и постановления, которые способствовали укреплению моего могущества. Вот образец этих постановлений:

1) Я основал мою власть на исламе, законе «превосходнейшего из тварей», на любви к его потомкам и сподвижникам и на почитании, какое должно воздавать имени пророка. Мои приказания и правила имели такую силу, что я не имел себе соперника в управлении.

2) Я держал свой народ и своих солдат между страхом и надеждою. Полный внимания и осторожности к своим врагам и друзьям, я держался мудрой политики переносить терпеливо их речи и поступки. В числе лиц, искавших у меня убежища, те, которые были расположены ко мне, получали от меня столь хороший прием, что их привязанность ко мне увеличилась, а мои недруги оставались настолько довольны моею снисходительностью, что скоро в их сердцах ненависть уступала место дружбе. Тот, кто имел право на мое расположение, был убежден, что это расположение не изменится, и я никогда не отстранял от себя подданного, которого когда-либо позвал к себе. Добрые или злые, которые при заре моего счастья укрылись у меня, все те, которые оказали мне услуги, как и те, которые вредили мне, были поражены благодеяниями, когда я был возведен на трон. Я почитал ничтожным то зло, которое мне было причинено, и я провел пером забвения по записям дурных поступков, которые были мне оказаны.

3) Я никогда не поддавался мстительности. Я предоставлял своих врагов правосудию Повелителя Вселенной. Я удерживал при себе доблестных, деятельных и испытанных воинов. В моем обществе были приняты знатные потомки пророка, ученые и богословы, но злых изменников и трусов я исключал из своего сообщества.

4) Открытое лицо, милосердие и доброта доставляли мне любовь народа Божия; я, друг правосудия, приходил в ужас от притеснений и жестокости.

Мой духовный советник (пир) написал мне тогда: «Тимур — да хранит его Бог — должен помнить, что управление государством есть не что иное, как подобие управления Всевышнего. В этом управлении есть агенты, сотрудники, депутаты и стражи: каждый из них имеет свое ведомство и границы, которых никогда не переступает, и он соблюдает божественные законы.

Следи беспрестанно за своими эмирами, агентами, слугами и начальниками, подчиненными тебе, чтобы каждый, не выходя из границ своей власти, был всегда готов к повиновению. Назначай для каждого класса народа справедливые границы, чтобы правота и разум господствовали в твоём государстве.

Если ты пренебрежешь порядком в своих делах и между твоими подданными, то возмущение и крамола не замедлят появиться. Ты должен каждому лицу и каждой вещи указать границы и место, какие они должны занять.

Возвеличивай потомков Магомета над всеми прочими подданными. Воздавай им величайшее почтение, не считай расточительностью щедроты, которые ты им окажешь; тот не расточителен, кто дает во имя Бога. Твои подданные, разделенные на двенадцать классов, будут украшением и поддержкой твоего государства. Прощай».

Как только я получил от моего духовного советника это письмо, я поспешил исполнить все, что оно содержало; я водворил порядок в государственных делах; постановления и законы послужили управлению моего владычества, придали ему новое русло и укрепили его, разделив моих подданных на двенадцать классов.

Постановления

Величие и основа моего государства опирались на эти двенадцать классов; я их считал, как двенадцать знаков зодиака и двенадцать месяцев моего правления.

Первый класс

Потомки пророка, ученые, начальники общин и законоведы были допущены в мое общество; моя дверь была всегда открыта для них; они составляли славу и украшение моего двора. Часто я советовался с ними о вопросах, касавшихся религиозного порядка, управления и наук; от них я узнавал, что дозволено законом и что запрещено.

Второй класс

Люди интеллигентные, способные дать совет, и те, которые обладали твердостью и мудростью, и старцы, которым годы дали предусмотрительность, пользовались полным моим доверием; я обращался с ними, как с равными, потому что, делаясь со мной своим опытом, они доставляли мне большие преимущества.

Третий класс

Я уважал людей благочестивых; тайно я прибегал к помощи их молитв; и тогда как они нуждались в моих благодеяниях, я обращался за помощью их благословения; в моих советах и совещаниях, в мирное время и на войне их пожелания всегда были полезны для меня, в день сражения они доставляли мне победу. Так было в то время, когда армия колебалась перед войском Тохтамыша, которое было многочисленнее моего. Мир Зияуддин Сабзавари, пустынный, которого молитвы были угодны Богу, обнажил голову, простер руки для молитвы, и не успел он еще кончить молитву, как мы увидели поразительные последствия ее.

Также, когда одна особа из моего гарема опасно заболела, двенадцать потомков пророка, исключительным занятием которых были молитвы, собрались, каждый из них даровал больной по году своей жизни — больная поправилась и прожила еще двенадцать лет.

Четвертый класс

Эмиры, шейхи, офицеры занимали место в моем совете; я повышал их по степеням и беседовал с ними дружески.

Храбрые, которым несколько раз приходилось обнажать саблю в сражениях, были моими друзьями; я предлагал им

вопросы, касающиеся войны; я расспрашивал их об атаках во время действия и об отступлении во время опасности; я спрашивал у них о средствах, как прорывать неприятельские ряды, чтобы производить смущение в рядах, чтобы завязывать стычки. Вполне доверяя их проницательности, я всегда прибегал к их советам.

Пятый класс

Войско и народ были одинаково дороги мне. Храбрейшим воинам я давал палатку, перевязи и колчаны. С неменьшею щедростью я обращался с гражданскими и военными правителями областей и царств. Дары, которыми я их осыпал, не оставались потерянными. Армия всегда была наготове и получала содержание даже раньше требований. Так во время войны с Румом я выдал войскам содержание за семь лет, как за прошлое время, так — и вперед. Я стал хорошо удерживать в порядке войско и народ, так что они не могли ни вредить, ни стеснять друг друга.

Я старался удержать всех солдат на их местах, и ни один из них не смел выходить из границ, ему указанных; я остерегался как чрезмерно возвышать, так и унижать кого-либо чрезмерно. Те лица, которые мне оказывали выдающиеся услуги, получали приличное вознаграждение. Если простой солдат выказывал благоразумность и неустранимость, то я всегда соразмерял повышение его с его талантами и заслугами.

Шестой класс

Из людей, которых мудрость и скромность делали достойными входить в обсуждение и в управление государством, я избирал известное число советников, которым я сообщал свои самые тайные дела и самые сокровенные мысли.

Седьмой класс

Визирь и секретари были украшением дивана (совета). Они были зеркалами моей империи; они передавали мне все события, происходившие внутри областей среди солдат и народа.

Забываясь о сохранении моих богатств, о безопасности солдат и моих подданных, они предпринимали все необходимое:

они могли предупредить своим благоразумием и умели исправлять бедствия, которые могли обрушиться на мое государство. Экономно расходуя государственную казну, они старались поддержать население и земледелие.

Восьмой класс

Я призвал к себе врачей, астрологов и геометров, потому что эти люди способствуют славе и благосостоянию государства. Пользуясь помощью искусных врачей, я возвращал здоровье больным; астрологи научили меня распознавать счастливые и несчастливые сочетания звезд в их движении на небе. Геометры (или архитекторы) составляли для меня планы великолепных зданий и чертили для меня сады, которые я рассадил.

Девятый класс

Я призывал к себе историков, авторов летописей и хроник. От них я узнал жизнь пророков и святых людей, они рассказывали мне историю государей мира и объясняли мне причины их возвышения и причины падения их счастья. Поведение, речи и поступки этих государей были для меня неисчерпаемым источником опыта. От них я узнал историю протекших веков и о переменах, совершившихся на земле.

Десятый класс

Я собирал старцев, дервишей и людей, сведущих в науке о Боге. Я сходил с ними; они открывали мне счастье будущей жизни и сообщали мне божественные слова. Эти люди совершали при мне удивительные вещи, даже чудеса; сношение с ними было для меня столь полезно, сколь и приятно.

Одиннадцатый класс

Я привлекал в мой дворец и лагерь мастеров всякого рода, чтоб держать в порядке оружие для армии, в мирное и в военное время.

Двенадцатый класс

Я протягивал руку помощи путешественникам всех областей и всех государств, чтоб иметь известия о чужеземных

царствах, я посылал во все страны купцов и начальников караванов; я приказывал им привозить мне самые редкие вещи, которые можно встретить в Хотане, Китае, Индостане, городах Египта, Сирии, Рума и даже на острове Франков. Я хотел, чтобы они сообщали мне о положении, нравах и обычаях туземцев и колонистов этих стран, особенно же об отношениях иностранных государей к их подданным.

Правила для орд и колен тюркских,
арабских и для всех иностранцев,
которые укрывались у меня

Я повелел, чтобы потомкам посланника и богословам воздавалось почтение, невзирая на их национальность и на звания, чтобы их просьбы никогда не были отвергаемы и чтобы заботились об их пропитании. В мои войска принимались те из новых подданных, которые прежде носили оружие, и я назначил им приличное их положению жалованье. Людей, упражнявшихся в искусствах, я принимал к себе на службу. Те из бедных людей простого звания, которые занимались какими-нибудь ремеслами, записывались по своему занятию и колену. Каждый купец, потерявший свое состояние, получал такую сумму, которая доставляла ему возможность восстановить потерянный капитал. Когда крестьяне и земледельцы не имели необходимых земледельческих орудий, то им выдавали таковые.

Всех чувствовавших призвание к военной службе записывали в мои войска, невзирая ни на их колено, ни на их рост.

Сын солдата, храбрость которого была признана, к какой бы нации он ни принадлежал, получал жалованье и повышался в службе по заслугам.

Люди всех стран, которые являлись в мой дворец, были также допускаемы к столу моей ханской щедрости. На кого падали мои взоры, с тем обращались с отличием, какого заслуживало его положение. Каждый виновный, представший пред моим правосудием, в первый раз получал помилование, но провинившийся во второй или в третий раз подвергался наказанию соразмерно его проступку.

Постановление
для расширения моего могущества

Двенадцать принципов, от которых я никогда не уклонялся, возвели меня на трон, а опыт доказал мне, что правитель, пренебрегающий ими, не может извлечь никакой выгоды из своего величия.

1) Действия и слова лица повелевающего должны вполне принадлежать ему, то есть народ и войско должны быть уверены, что все, что ни делает и ни говорит государь, он делает и говорит от себя и что никто не руководит им.

Существенно необходимо, чтоб монарх, следуя советам и примеру другого, не посадил его рядом с собою на трон; вынужденный принимать от всех хорошие предложения, монарх не должен подпадать под их влияние до такой степени, чтобы они могли считать себя равными ему и, наконец, быть выше его в деле управления.

2) Неизбежно необходимо для монарха соблюдать во всем справедливость; он должен избрать визиря (первого министра) неподкупного и добродетельного, потому что правосудный визирь сумеет исправить несправедливости, совершенные правителем-тираном; но если визирь — сам притеснитель, то здание могущества не замедлит обрушиться. Вот доказательство этого: эмир Хусейн имел визиря, который наказывал по своему капризу народ, солдат. Несправедливости этого нечестивца скоро опрокинули фортуна его государя.

3) Приказания и запрещения требуют твердости. Нужно самому отдавать приказания из боязни, чтоб их не скрыли или чтобы их не исказили.

4) Повелитель должен быть непоколебим в своих решениях; во всех предприятиях ревность его должна быть одинакова, и пусть его рука не опускается до тех пор, пока он не добьется успеха.

5) Какие бы ни были приказания монархов, должно, чтобы последовало исполнение их; ни один подданный не должен быть настолько могущественным или смелым, чтобы остановить их исполнение, если бы даже казалось, что эти приказания должны были иметь прискорбные последствия. Мне рассказывали, что султан Махмуд Газневи приказал поставить

посреди равнины Газны камень; так как лошади пугались этого камня, то султану доложили, что следовало бы убрать этот камень. Но султан отвечал: «Так как я приказал (положить его на то место), то и не отменю своего приказа».

6) Безопасность требует, чтобы правители не полагались на других в государственных делах и не вверяли бразды власти в руки посторонние, потому что свет подобен красавице, у которой масса поклонников, и потому нужно бояться, чтоб слишком могущественный подданный, увлеченный желанием управлять, не посадил бы самого себя на трон.

Таково было поведение эмиров Махмуда. Прогнав своего повелителя, они завладели государством. Необходимо поэтому разделить управление делами между несколькими, достойными доверия людьми; тогда каждый из них, занятый известной работой, не будет стремиться к высшей власти.

7) Пусть монарх не пренебрегает ничьими советами; те из них, которые он примет, должны быть запечатлены в его сердце, чтобы пользоваться ими в случае надобности.

8) В делах правления, в делах, касающихся армии и народа, государь не должен руководствоваться поведением и речами кого бы то ни было. Если министры и генералы говорят хорошо или дурно о ком-нибудь, то они заслуживают, чтобы их выслушали; но поступать необходимо с большой осмотрительностью до тех пор, пока не убедишься в истине.

9) Уважение к власти повелителя должно быть так крепко впечатлено в сердцах его солдат и подданных, чтобы ни один из них не имел смелости ослушаться его или возбуждать против него бунт.

10) Что бы повелитель ни делал, пусть делает по собственной воле; что бы он ни сказал, пусть твердо стоит на своем слове, ибо твердость в приказах составляет самую большую силу для монархов; казна, войско, подданные, царство — все существует по его повелению.

11) В управлении, при обнародовании приказов, монарх должен остерегаться признать кого-нибудь сотоварищем, и он не должен принимать к себе товарища при управлении.

12) Другая, не менее важная и полезная предосторожность для монарха — это узнать тех, которые окружают его, и быть постоянно настороже в отношении их. Часто встречаются лю-

ди злонамеренные, которые разглашают все. Их главная забота — передавать визирям и эмирам все слова и действия государя. Это я испытал, когда большая часть моего дивана состояла из шпионов, подкупленных моими визирями и эмирами.

Правила для формирования армии

В каждой роте из десяти отборных воинов избирался один, соединявший в себе мудрость и храбрость, и, после согласия девяти других, он был утверждаем начальником под именем унбаши (начальник десяти, десятник).

Из десяти унбаши также избирался достойнейший по уму и деятельности, он становился начальником своих сотоварищей и имел название юзбаши (то есть начальник сотни, сотник). Десять юзбаши имели начальником мирзу, опытного, искусного в военном деле и известного своею храбростью. Этого начальника называли минбаши (или тысяцкий, начальник тысячи).

Унбаши пользовались правом замещать солдат, которые бежали или умерли, таким же образом юзбаши назначали унбаши, а минбаши в свою очередь выбирали юзбаши. Тем не менее я требовал, чтобы мне докладывали о смерти и дезертирстве людей и о замещении их.

В военной и гражданской службе минбаши, или начальники тысяч, пользовались полною властью над юзбаши, или сотниками, а начальники сотен — над десятниками, или унбаши, последние же — над солдатами. Эти офицеры имели право наказывать непослушных, выгонять со службы всех тех, которые небрежно исполняли свои обязанности: они должны были замещать их.

Правила о жалованье армии, офицерам и солдатам

Вот в каком размере я приказал раздавать жалованье минбаши, юзбаши и унбаши.

Жалованье простого солдата, храброго и деятельного, равнялось стоимости его лошади; оклад отборного воина простирался от стоимости двух до стоимости четырех лошадей.

Унбаши (десятник) получал в десять раз более простого солдата. Жалованье юзбаши (сотник) было двойным окладом против жалованья унбаши, а минбаши (тысяцкий) получал тройной оклад жалованья юзбаши.

Каждый военный, провинившийся по службе, терял десятую часть жалованья. Унбаши имел право получить жалованье только до свидетельства от юзбаши; юзбаши должен был представить удостоверение от минбаши, который для себя получал такое же свидетельство от главнокомандующего моей армии.

Жалованье главнокомандующего в десять раз превосходило жалованье простого офицера. Начальник дивана и визири получали десять офицерских окладов. Жалованье различных орд калакчи⁸⁷ и ясаула⁸⁸ могло простираться от стоимости 1000 до стоимости 10 000 лошадей. Я старался раздавать земли, награды, пенсии на пропитание потомков пророка, законовевдов, ученых, врачей, астрологов и историков моего двора по их заслугам. Жалованье пехотинцам, слугам и людям, которые занимались размещением палаток, простиралось от стоимости ста до тысячи лошадей.

Главнокомандующий мог получать жалованье только по удостоверению визирия и начальника дивана. Эти два министра представляли мне расписки жалованья, и они же сводили счета. Каждый солдат, чтобы получить свое жалованье, имел особый лист, на котором записывал, по мере выдачи, суммы, которые получал.

Правила раздачи жалованья войскам

Я приказал, чтобы пехотинцы, стражи и привратники получали жалованье ежегодно, чтобы в сроки платежа им выдавалось их жалованье в здании совета.

Чтобы жалованье прочих чинов армии, равно как и жалованье храбрецов, выдавалось по полугодию и чтобы они все получали ассигновку в казначействе, являясь лично.

Наконец, чтобы жалованье унбаши (десятникам) производилось из податей с городов и областей; чтобы минбаши давалось полномочие на получение доходов с внутренних земель и чтобы офицеры и главнокомандующий получали доходы с земель, лежащих на границах.

Раздел доходов с областей

Доход с областей и государств разделялся на несколько неравных частей. Каждый эмир и каждый минбаши брал одну часть по жребию — и если сумма, полученная таким образом, превышала жалованье, то делили, если же она была меньше жалованья, то получавший ее брал на свою долю еще одну часть. Эмирам и минбаши было строго запрещено увеличивать установленные подати, когда собирали государственные доходы.

Каждая область, обложенная податью, имела двух заведующих. Один из них наблюдал за областью и защищал жителей от притеснений и грабежа со стороны лица, пользующегося доходами от нее; он же вел и точный счет всему, что доставлялось областью.

Другой заведующий вел записи издержек, раздавал следующие солдатам части. Каждый служащий, которому отданы были доходы с какой-нибудь области, пользовался ими в продолжение трех лет, после чего производилась ревизия, и, если область была в цветущем состоянии и жители не заявляли претензий, все оставалось без изменения; в противном же случае доходы отбирались от правителя на три года.

Страх и угрозы можно с успехом пускать в дело при собирании податей, но не следует прибегать к ударам и розгам. Правитель, авторитет которого слабее кнута и розог, не достоин своего звания.

Содержание моих детей и потомков

Я постановил, чтобы мой старший сын и наследник Магомет Джехангир располагал содержанием 12 тысяч всадников и доходами с одной области.

Мой второй сын Омар-шейх получал содержание 10 тысяч всадников и доходы с одной области.

Мой третий сын Мираншах пользовался жалованьем 9 тысяч всадников и имел наместничество.

Шахрух, мой четвертый сын, получал сумму, равную жалованью 7 тысяч всадников, и доходы с одной области.

Моим внукам я давал содержание от 3 до 7 тысяч всадников с наместничествами.

Что касается моих родственников, я разделил между ними достоинство и власть, начиная от эмира первой степени до эмира седьмой, как следовало по их достоинству и положению.

Каждому была присвоена известная власть, за превышение которой он подвергался строжайшему взысканию.

О наказаниях моих сыновей, родственников,
эмиров и визирей

Если кто-нибудь из моих сыновей дерзал посягнуть на верховную власть, я не отдавал приказа о лишении его жизни или изувечении, но довольствовался содержанием его в тюрьме до тех пор, пока он не отказывался от своих притязаний. Этим устранялась гражданская война в царстве Бога. Если мой внук или другой родственник восставал против меня, то я лишал их почестей и всего состояния.

Начальники — опора государства. Если в момент действия они забывали исполнить должное, я лишал их власти и почестей. Если они предпринимали что-либо, могущее произвести замешательство в государстве, я смещал их на низшие должности. В случае небрежности к своей службе они смещались на должности писцов, если же и здесь они выказывали полнейшую беззаботность и непослушание, то их выгоняли со службы безвозвратно.

Постановления для министров —
лиц, служащих твердо, и верных столпов величия

Если какой-нибудь министр окажется изменником или задумает ниспровергнуть высшую власть, даже и тогда не следует слишком поспешно произносить ему смертный приговор. Собрав самые полные справки об обвинителях, нужно еще проверить справедливость самих обвинений. Потому что нередко случается, что злые люди и завистники, побуждаемые своими дурными наклонностями, искусно придают лжи вид истины. Встречаются низкие изменники, которые под-

стрекают врагов против власти и пускают в ход всевозможные ухищрения, чтобы погубить верных слуг. Часто силою своих происков они подрывают спокойствие государства.

Таким образом эмир Хусейн в сообществе с одним из моих визирей, которого он подкупил, подговорил его восстановить меня против эмира Ику-Тимура и эмира Джак-Барласа, самых надежных моих помощников. Я узнал о его замыслах и не поверил его доносу.

Аббас, один из преданнейших мне эмиров, возбудил зависть моих придворных, которые говорили на него явно и тайно. Их клеветы разожгли во мне гнев, и, не разобрав дела, я предал смерти невинного, но время обнаружило мне вероломство обвинителей, и я мучился раскаянием и жестокими угрызениями совести.

Если министр, в ведении которого состоит государственная казна, провинится в присвоении ее, ему следует оставить похищенную сумму, если она не превышает его жалованья; если она вдвое больше, то у министра нужно отнять его доходы, если же она втрое больше жалованья, то следует конфисковать имущество провинившегося. Я старался не выказывать никакого пристрастия к лицам из боязни, что, обнаружив его, я мог дать им повод сделаться недостойным уважения, и я соблюдал строжайшую справедливость, чтобы избежать злоупотреблений, могущих послужить в ущерб государству.

Речи людей злых, завидующих визирям, не заслуживают ни малейшего внимания; у этих сановников вообще много врагов, завидующих им, потому что светские люди ищут благ мира, если только министр покровительствует подобным людям, то он неизбежно делается их жертвой; если же он отталкивает их, они делаются его непримиримыми противниками.

Визирь Чагатай-хана был обвинен завистниками в утайке нескольких тысяч золотых монет. Султан, прочитавший это обвинение, позвал визиря и сказал ему с упреком: «Какой же ты низкий! Министр такого султана, как я, ты крадешь такую ничтожную сумму!» Восхищенный подобным благоволением умный визирь отдал хану все, что имел, и таким образом сохранил свой пост и имущество.

Если простой солдат, нарушая свои обязанности, позволит себе поднять руку на слабого, пусть он будет отдан своей жертве, чтобы испытать такое же обращение, какое он позволял себе относительно нее.

Вельможа, который дурно обращался с народом, должен заплатить штраф сообразно с важностью преступления. Одинаково строго будет наказан правитель, которого признают за взяточника.

Я советую, однако, что всякий, признанный виновным, должен подвергнуться или ударам кнута, или штрафу; два наказания зараз не должны быть допускаемы. Каждый вор, кто бы его ни открыл, должен подвергнуться наказанию по закону Чингисхана, который носит название «Яса»⁸⁹. Захваченные богатства будут отняты и возвращены их настоящему владельцу.

Что касается других преступлений, как-то: выбивания зубов, ослепления, отрезывания носа или ушей, пьянства и разврата, то провинившиеся должны предстать перед диваном, перед духовными и гражданскими судьями. Первые будут решать уголовные дела, а вторые должны вести процессы, касающиеся гражданского ведомства, для представления их мне.

Качества, которые должен иметь визирь
или министр

Я требовал от визиря четырех необходимых качеств: 1) благородство мыслей и возвышенность души; 2) тонкий и проныцательный ум; 3) опыт и привычку жить с солдатом и гражданином; 4) терпимость и способность примирить. Человек, одаренный этими качествами, заслуживает быть участником в правлении: он будет хорошим министром и мудрым советником. Ему можно верить бразды правления, начальство над войском и власть над народом. Ему же нужно предоставить доверие, уважение, свободу действий и достаточную власть.

В полном смысле министр есть тот, который умеет водворить порядок как в управлении, так и в финансовых делах и соединяет в себе умеренность и доброту. В таком же

смысле визирем можно назвать того, кто в исполнении своих обязанностей и во всех делах, касающихся правления государственными и денежными делами, ведет себя с ровной добротой, неподкупностью и умеренностью, кто сам требует только должное и дает то, что подобает ему давать. Его приказания и запрещения выказывают благородство и величие души и его чувств. Чуждый преступления и насилия, он не иначе произносит имя воина или гражданина, как с целью сказать о нем одно доброе и хорошее. Злословие и клевета одинаково чужды его ушей и его языка. Если до него дойдет о злоумышленном преступлении, то ловким поведением он сумеет заставить зачинщика навсегда отказаться от его замыслов. Наконец, доброту к собственным врагам достигает того, что они переходят на его сторону и отдают ему свою дружбу и уважение.

Министр, который злословит сам или выслушивает дурное о других, возбуждает распри, стремится разорить честного человека для удовлетворения своей ненависти, недостойно занимать свой пост. Злые, изменники, завистники и мстительные люди должны быть старательно исключаемы из министерства: их участие в управлении делами поведет за собою только разрушение могущества государства.

Сельджукид Малик-Шах⁹⁰ представляет тому поразительное доказательство. Он имел визирем Низама ал-Мулька⁹¹, замечательного даровитого человека: но султан лишил милостей этого незаменимого помощника, чтобы возвысить на его место человека злого и низкого. Дурное ведение дел, пороки и низость нового визиря подорвали в корне могущество империи. Из Аббасидов халиф Мустасим биллах⁹² подвергся той же участи. Он имел неосторожность взять визиря, по имени Алкуми, человека, отличавшегося своим вероломным и мстительным характером. Недостойный визирь, у которого в душе таилась старая злоба против государя, обманул его коварными своими речами. Хулагу-хан, честолюбие которого он возбудил, восстал против халифа, взял его в плен, и известно, что впоследствии случилось с этим доверчивым государем⁹³.

Визирь должен быть одарен высшими качествами, которые отличают людей хорошего происхождения; он должен

быть добродетельным, осторожным и милосердным. Благородные душой не отступают от долга, тогда как нельзя доверяться людям дурного происхождения.

Вполне заслуживает почестей тот министр, который на своем высоком посту действует мудро и неподкупно, который счастливо ведет все отрасли правления, не отклоняясь ни от религии, ни от чести.

Как только визирь без всякой разборчивости начнет пускаться в дурные средства, так начнет падать могущество державы.

Мудрый министр соединяет снисходительность с твердостью; он умеет держаться середины; излишек кротости может сделать его жертвой интриганов и честолюбцев; избыток же строгости может лишить его навсегда общественной любви. Своим добрым поведением и разумом такой истинный министр восстанавливает и поддерживает порядок при дворе и в государстве. Терпеливый и снисходительный, он умеряет строгость добротой. На обладающего всеми этими качествами следует смотреть, как на сотрудника в управлении, потому что богатство и сила государя заключаются в его землях, казне и войске. И только разумный министр может поддержать и сохранить все эти владения. Хоть бы министр и соединял в себе все вышеупомянутые необходимые качества, надобно еще, чтобы он не помнил всех упреков, которые могут быть ему адресованы, то есть не был злопамятен. Если сердце его открыто для мести и вероломства, то можно ожидать неприятных последствий, можно опасаться тайных сношений с врагами государства, разорения армии и расширения финансов.

Мудрый министр одной рукой управляет войском, другой сдерживает народ (на эти два пункта направлены все его заботы все старания). Он дает и берет кстати. Искренность и правосудие управляют его поступками. Он предвидит исход каждого дела и в своих делах забывает о врагах. Деятельный и опытный, он имеет всегда в виду население государства, счастье народа, усиление армии и изобилие богатств. Занятый постоянно мыслью о том, что может способствовать благоденствию государства, он не шадит своей жизни и лич-

ного благосостояния, чтоб только отвратить зло, грозящее государству.

Он оберегает интересы граждан и солдат и приводит в порядок все, что их касается. Таков был Низам ал-Мульк. Польза, которую он принес, искупила все ошибки, сделанные им, и, когда он хотел предпринять путешествие в Мекку, один дервиш помешал ему, сказав: «Добро, которое ты творишь в правлении Малик-Шаха, и счастье, которым наслаждаются служители Бога, искупят неисполнение тобою этого религиозного обычая».

Я слышал рассказ, что Али, сын Лакоти, визирь Гаруна ар-Рашида⁹⁴, после долгого служения благу народному, хотел удалиться от министерства. Один из высших духовных лиц написал ему по этому поводу следующее: «Долг обязывает тебя остаться при дворе халифа, потому что помощь и преимущества, которыми пользуются в твое правление слуги Всевышнего, превышают все остальные твои дела».

Однажды спросили у великого пророка: «Если бы Бог не возложил на вас миссии и дар пророчества, какое бы занятие вы избрали?» — «Служение монархам для того, чтобы быть полезным созданиям Всемогущего», — отвечал пророк. Руководствуясь этим соображением, я принял поручение визиря и главнокомандующего Ильяса Ходжи, сына Туглук-Тимура.

Целью моей жизни я поставил благо народное, и за заслуги Бог возвел меня на трон.

Министр, который своей политикой или при помощи оружия удерживает в своей власти царство, заслуживает уважения, почестей и звания «кавалера шпаги и пера». Ловкий и разумный министр есть тот, который, руководствуясь своими соображениями, умеет воодушевить и соединить войска или посеять в них раздор, подходящими действиями он умеет также завоевать симпатии неприятельских войск и привлечь их на свою сторону; полный внимания к интересам государя, доверием которого он пользуется, разумный министр с помощью своего ума, мудрости и прозорливости в состоянии всегда одолеть все преграды, устранить все препятствия и затруднения, могущие помешать успеху государя.

Когда я был захвачен в плен Али-беком и брошен в тюрьму, переполненную гадами, один из моих министров, по имени Азизуддин, явился ко мне на помощь. Он усыпил Али-Бека, а тем временем я призвал все свое мужество и, вспомоществуемый вооруженной силой, взял с бою мою свободу. Низам ал-Мульк освободил таким же образом султана Малик-Шаха из оков цезаря⁹⁵.

Министр, портрет которого я старался нарисовать, вполне заслуживает быть товарищем в управлении государством; почести, ему оказываемые, соответствуют его заслугам; на его речи смело можно положиться, ибо все, что он говорит, внушено ему мудростью.

Такой министр, даже и при монархе-притеснителе, может исправить все несправедливости; если же министр сам разбойник, то он поможет государству впасть в неурядицу (беспорядок).

Правила производства в офицеры
и в начальники

Я приказал, чтобы триста тринадцать человек, избранных из среды самых верных слуг, были назначены для начальствования; я требовал, чтобы эти новые эмиры обладали знатностью происхождения, соединенною с благородством души, умом, хитростью и смелостью, храбростью и осторожностью, решимостью и предусмотрительностью, бдительностью, настойчивостью и глубокой обдуманностью. Каждый офицер имел одного лейтенанта или преемника. В случае смерти какого-нибудь офицера его заменял преемник, который назывался кандидатом на начальствование.

Эти триста тринадцать эмиров были исполнены здравого суждения и равномерно одарены всеми талантами, необходимыми как на войне, так и в мирное время. Опыт научил меня, что для того, чтобы быть способным к исполнению обязанностей эмира или командующего, необходимо знать тайны военного искусства и средства разбивать неприятельские колонны, не терять присутствия духа в момент действия, не останавливаться ни пред какими трудностями, быть все-

гда в состоянии направлять движение своих войск и, в случае какого-либо беспорядка, уметь тотчас же предотвратить его.

Тот, кто во время мира или войны мог исполнить обязанности моего наместника, был также способен стать и главнокомандующим моими войсками; он сумел бы командовать с твердостью и достоинством и строго наказывать всякого, кто бы осмелился его не послушаться.

Я приказал, чтобы из среды офицеров или эмиров, о которых я только что говорил, было избрано: четверо в командиры первого ранга и еще один, чтобы служить мне главнокомандующим, чтобы этот последний в течение войны и во время дела (битвы) имел право командовать как офицерами, так и простыми солдатами; когда же я сам становился во главе своих войск — то чтобы он исполнял при мне обязанности лейтенанта.

Я допустил к командованию еще 12 талантливых человек, пользовавшихся хорошей репутацией.

Я вверил 1000 всадников первому эмиру и назначил его офицером этого отряда; 2000 второму, предоставив ему над ними ту же власть; в таком же порядке третий, четвертый и пятый эмир командовали тремя, четырьмя и пятью тысячами, и так до двенадцатого, который и был поставлен во главе 12 000 всадников; и все эти эмиры были лейтенантами друг друга.

Первый был лейтенантом второго, второй — третьего и т. д. до двенадцатого, который был главнокомандующим; и этот последний был моим лейтенантом; таким образом, в случае крайности жизни он исполнял обязанности своего старшего начальника.

Из среды этих трехсот тринадцати офицеров я назначил сто десятников (унбаши), сто сотников (юзбаши) и сто тысячких (минбаши).

Все офицеры были подчинены главнокомандующему и строго несли каждый свою обязанность, не обременяя ею другого, потому что то, что в состоянии исполнить один унбаши, не требует забот со стороны юзбаши. Точно так же будет лишним юзбаши, если минбаши в состоянии исполнить порученное ему.

Каждый офицер, желавший (получить) иметь занятие, получал его.

Правила для повышения солдат
от самого низшего до самого высшего ранга

Те из избранных воинов, которые отличатся на войне необыкновенною храбростью, могут возвыситься до ранга унбаши; при вторичном отличии они должны получить звание юзбаши и наконец — минбаши. Я не желаю, чтобы были награждаемы проявления храбрости, когда они вызваны только стремлением избежать неприятельского оружия, потому что это не превосходит самозащиты быка, противопоставляющего свои рога нападению, а необходимо обращать внимание на благородство и возвышенность чувства, руководящего солдатом в деле.

Если минбаши с оружием в руках опрокинет неприятельский отряд, то его можно повысить до звания первого эмира; первый эмир, который обратит в бегство неприятельскую армию, может быть возведен в ранг второго эмира, и так могут повышаться все офицеры, блестящим образом отличившиеся на поле битвы. Простому солдату в награду за оказанную храбрость можно увеличить жалованье. Солдат, бежавший с поля битвы, должен быть лишен участия в разделе добычи, но его можно извинить и даже простить ему, если он вынужден был к тому превосходством неприятеля. Тот, кто возвратится с поля битвы покрытый ранами, должен быть окружен почетом; если раны и заставили его удалиться с поля битвы, то все-таки следует осыпать его похвалами, так как эти раны доказывают, что если не сам он напал на неприятеля, то во всяком случае неприятель был близко к нему.

Мною было строго запрещено лишать солдат должной награды. Поседевшие на военной службе не теряли ни жалованья, ни чина; их служба не была забываема, потому что тот, кто посвящает долгую жизнь, которою мог бы наслаждаться, всем случайностям войны, достоин награды; он имеет право требовать богатств и отличий. Умалчивать о заслугах, отказать ему в награде было бы возмутительной несправедливостью.

Я стремился к тому, чтобы каждый офицер, министр или солдат, который своими трудами способствовал упрочению моего величия, выигрывая ли сражения, присоединяя ли царства или выказывая свою храбрость, всегда получал удовлетворение, которого вправе был ожидать ценою своих заслуг. Старые воины были глубоко почитаемы, речи их выслушивались, потому что все, что они ни говорили, было основано на опыте; они составляли славу моего государства, и дети их наследовали должности, которые были ими занимаемы.

Я запрещал предавать смерти пленных, предоставлял им право для выбора, вступить ко мне на службу или получить свободу. Так я даровал свободу 4000 турок.

Если неприятельский солдат по окончании битвы, по исполнение законов хлеба-соли по отношению к господину, искал у меня убежища по необходимости или по доброй воле, то его принимал с почетом; ему следовало оказывать большое внимание, так как он был верен своему государю и долгу.

Таким образом я отнесся к Шир Бахраму. В битве, которую я дал эмиру Хусейну, Бахрам двинулся против меня и оказал чудеса храбрости. Но впоследствии он был принужден прибегнуть к моему покровительству и встретил у меня почетный прием.

Во время завоевания Балха эмир Менгли-Буга предводительствовал неприятельской армией; пред битвой я сделал ему некоторые предложения, чтобы привлечь его на свою сторону, но, неизменно преданный Туглук-Тимур-хану, он выстроил свои войска и дал мне кровопролитное сражение, в котором был разбит наголову.

Впоследствии он добровольно преклонил предо мною колени: я вскоре дал ему блестящий пост и своими благодеяниями успел потушить в нем все чувства мести, ибо я не пропускал никакого случая, чтобы оказать ему свою благосклонность и свое великодушие.

Менгли-Буга был храбрый воин, он это доказал блестящим образом, когда пришлось сражаться за меня, и оказал мне неоценимые услуги в войне за Азербайджан (Мидию), когда мои войска дрогнули перед Кара-Юсуфом. Вдруг Буга берет голову неприятельского офицера, надевает ее на копьё, уверяя, что это голова Кара-Юсуфа. Тогда в вой-

ске распространяется слух, что этот генерал убит. Это известие воодушевляет моих беглецов, они атакуют неприятеля с фланга и обращают врагов в бегство. Я всецело приписал свою победу над Кара-Юсуфом находчивому Буге, которого я возвел в высшую должность.

Приемы поощрения эмиров, визирей, солдат
и граждан щедротами и почестями

Я установил три рода наград для эмира, который покорит царство или разобьет неприятельскую армию; ему присваивались: почетный титул, значок с хвостом лошади (бунчук) и литавры. Он получал титул «храбреца», считался моим товарищем и соучастником власти. Я допускал его в свой совет и, наконец, вручал ему управление пограничной провинцией с числом офицеров, достаточным для того, чтоб составить его свиту. Эмир, который одерживал победу над войском какого-нибудь принца, сына принца или же хана, получал такую же награду. Таким образом, когда эмир Ику-Тимур, который был мною послан против Урус-хана, возвратился победителем, я сделал его начальником 10 000 человек, вручил ему бунчук, знамя и литавры, признал его соучастником в моих успехах, сделал его своим министром и советником. Я назначил его правителем пограничной области с надлежащим числом эмиров в свиту.

Завистники стали наговаривать на этого эмира: они обвинили его в том, что он разорил область Урус-хана и присвоил себе ее богатства. Эти наговоры возбудили во мне равнодушные к Ику-Тимуру. Но история Бахрама Джубина, которая была мне неизвестна, послужила мне достаточным опытом. Вот эта история: каган⁹⁶, во главе с 300 000 турок, жаждущих крови, выступил против Хормуза ибн Ануширвана⁹⁷. Этот молодой принц выслал против врагов Бахрама Джубина, прежнего визиря, советника и главнокомандующего армией своего отца. Он дал ему 320 000 персон, и Джубин вступил в сражение, длившееся три дня и три ночи. Каган был разбит. Победитель известил о том тотчас же Хормуза и повергнул к его стопам всю захваченную добычу.

Клеветники и завистники, найдя средство заставить выслушать обвинения в совете Хормуза, осмелились произнести следующее: «Бахрам Джубин оставил себе большую часть богатства кагана. Он скрыл осыпанные драгоценными камнями корону и шпагу и украшенные бриллиантами туфли». Подстрекаемый духом жадности, Хормуз забывает все заслуги Бахрама. Слепая легковёрность побуждает его обвинить своего генерала в измене; он посылает Джубину женское покрывало, ожерелье и цепь. Бахрам надевает ожерелье на шею, цепь на ноги, покрывается фатой, призывает начальников, офицеров и солдат и в таком виде открывает публичную аудиенцию. При виде этого армия, возмущенная негодованием, изрыгает проклятия своему государю, а солдаты отрекаются от верности Хормузу.

Воодушевляемые своим генералом, они подступают к городу Мадаину⁹⁸, где находился дворец монарха, низвергают его с персидского трона и возводят Хосрова Парвиза⁹⁹.

Помня этот пример, я остерегался возбудить нарекания армии; я призвал Ику-Тимура, сел на трон и велел впустить толпу; затем вся добыча от орды Урус-хана была разложена посреди собрания; я сам разделил ее между Ику-Тимуром, храбрецами и воинами, которые служили под его начальством.

Эмир, который выкажет свою храбрость в деле, который разобьет неприятельский батальон, заслуживает повышения.

В одном сражении против хана Тохтамышша Табан-бахадур успел приблизиться к знаменосцу этого хана и опрокинуть знамя, но этот подвиг стоил ему многих ран; злые и завистники старались потемнить этот подвиг, но справедливость не допустила меня закрыть глаза. Я сделал предводителем храброго Табана и к прочим почестям присоединил военный значок.

Если десятник, сотник или тысяцкий успеет обратиться в бегство неприятельский отряд, то первый из них может быть сделан начальником какого-нибудь города, а второй — начальником области.

Юзбаши Барлас-бахадур осмелился напасть на Тохтамышша во время войны, которую я вел с этим ханом. В награду за

то, то он разбил неприятельскую армию, я назначил его правителем области Хисар-Шадаман.

Минбаши, который одержит верх в сражении, должен получить титул князя провинции. Так, во время завоевания Каттура черная шайка¹⁰⁰, которая восторжествовала над Бурханогланом, была разбита Магомет Азадом; в награду за этот подвиг я дал ему княжества Кундуз и Куляб. Каждый эмир, который завоюет целое государство у врагов, может им пользоваться три года в виде награды.

Храбрец, который отличится каким-либо подвигом, должен получить высший чин; ему следует дать военный молот, вышитую палатку, перевязь, шпагу, лошадь. Его следует сделать десятником, пока второй и третий подвиги не возвысят его до чина сотника и тысяцкого.

Правила раздачи литавр и знамен

Я желаю, чтобы каждый из двенадцати эмиров имел литавру и знамя. Но главнокомандующий кроме этого должен иметь два почетных знака.

Минбаши получает знамя и трубу, а юзбаши и унбаши — литавры. Эмиры различных орд должны иметь отличительные знаки, а каждому беглербеку¹⁰¹ даются знамя, литавры и другие почетные знаки.

Эмиры, завоевавшие область или разбившие наголову армию, будут возведены в высшие чины. Первый эмир будет возведен в ранг второго, второй в ранг третьего, и так до двенадцатого, которому будут пожалованы знамя, значок и литавры.

Один значок дается первому эмиру, два значка — второму, и так до четвертого. Прибавляются литавры для поощрения эмиров к получению двух других почетных знаков.

Правила обмундирования и вооружения

Я установил, чтобы в военное время простые солдаты получали одну палатку на восемнадцать человек; каждый должен вести две лошади, он должен быть снабжен луком, колчаном,

шпагой, пилой, шилом, мешком, рогожною иглою, топором, десятью иглами и кожаным ранцем.

Избранные же воины должны помещаться по пяти в одной палатке, и каждый должен иметь каску, броню, шпагу, лук, колчан и количество лошадей, предписанное указом. Каждый унбаши помещается в отдельной палатке и вооружен кольчугой, шпагой, луком, колчаном; за ним должны следовать пять лошадей.

Юзбаши может вести за собой десять лошадей, иметь отдельную палатку, оружие, состоящее из шпаги, лука, колчана, палицы, булавы, кольчуги и брони.

Каждый минбаши может иметь кроме палатки тент и множество всевозможного оружия, как-то: кольчуг, касок, броней, копий, шпаг, колчанов и стрел.

Военный обоз первого министра должен состоять из палатки (юрты), двух тентов, вышитой палатки и множества оружия, соответственного его чину, для снабжения им других.

Второй, третий и т. д. эмиры до главнокомандующего должны иметь все соответствующее их чину вооружение.

Первый эмир должен вести 110 лошадей, второй 120 лошадей, третий 130 лошадей, и так до главнокомандующего, которому необходимо иметь не менее 300 лошадей. Пехотинец может вооружаться шпагой, луком и числом стрел по желанию, в момент же сражения ему необходимо только предписанное законом количество.

Постановления для лиц, являющихся на аудиенции и собрания в мирное и военное время

На аудиенции в мирное время солдаты и их начальники не должны являться в диван без шапок, без сапог, без калош, без халата (бешмета) и без шпаги. Двенадцать тысяч жандармов, вооруженных с ног до головы, должны находиться вокруг дворца, справа, слева, впереди и позади, так что каждую ночь 1000 человек должны составлять патруль. Каждая рота, в составе 100 человек, находится под начальством юзбаши, дающего (пропуск) пароль.

Я рекомендую двенадцати эмирам, минбаши, юзбаши и унбаши брать во время походов 12 000 хорошо вооруженных всадников, чтобы назначать их в караул в продолжение дня и ночи. Эти 12 000 всадников следует разделить на четыре дивизии, разместив их со всех четырех сторон вокруг лагеря, и каждая очередная смена должна стоять на страже в расстоянии полуфарсанга от лагеря.

Каждая дивизия должна выслать авангард, а из авангарда, в свою очередь, выставляется караул; все эти воины, соблюдая должные предосторожности, должны доставлять в лагерь все сведения. В каждую часть лагеря должен быть назначен кутвал — лицо, несущее обязанности стражи и военной полиции; им присвоено наблюдение за продуктами, доставляемыми в лагерь купцами; они же отвечают за все кражи, которые могут быть совершены; четыре отряда чопекунчей (наездников) должны оберегать лагерь на расстоянии четырех фарсангов вокруг него. Если на этом пространстве совершится кража или убийство, то ответственность падает на объездных.

Треть моей армии должна заботиться об охране границ, две другие трети должны быть наготове для исполнения моих приказаний.

Служебные обязанности визирей

По моему велению совет всегда состоял из четырех визирей.

I. Визирь провинций и народа. Назначением этого визиря было сообщать мне о событиях и делах, происходящих в администрации, а также о состоянии народа.

Он доставлял мне произведения провинций, подати и налоги и соображения о распределении всей массы сборов; он же давал мне точный отчет о количестве населения, его культуре, о развитии торговли и положении полицейского надзора в государстве.

II. Военный визирь. Обязанности этого визиря состояли в представлении мне росписей войск и реестров жалованья, в знакомстве с расположением отрядов для предупреждения разбросанности и в сообщении совету обо всем, касающемся военного дела.

III. Визирь путешествующих и покинутых имуществ. Этот министр охранял от расхищения имущества отсутствующих, умерших, дезертировавших; он же следил за пожертвованиями, а также за налогами, которые уплачивались путешественниками. Он собирал налоги, установленные со стад, прудов и лугов. Это был верный страж всех поименованных статей государственного казначейства и наблюдал за передачей имущества умерших или отсутствующих лиц их законным наследникам.

IV. Визирь султанского двора.

Он наблюдал за доходами и расходами двора и всего того, что выдавалось из казначейства или расходовалось на содержание лошадей и др. вьючных животных. Я назначил трех визирей (интендантов) в пограничных областях и внутри государства для неусыпного надзора за охраной провинций и управлением государственными имуществами. Эти семь визирей или министров были подчинены начальнику дивана, и, обсудив с ним все дела, касавшиеся финансов, они доводили их до моего сведения.

Я хотел также назначить чиновника, обязанностью которого было докладывать мне о состоянии моих войск и моего народа, приросте и уменьшении народонаселения и о всех трудных делах, которые не были еще приведены в исполнение. Обязанностью представителя духовной власти было — докладывать мне о состоянии пенсионеров, назначенных потомкам пророка, о жалованье другим духовным лицам, равно как и о распределении вкладов и других фондов, определенных на дела веры.

Духовный судья доносил мне о делах, касавшихся религии, а гражданский — о делах, относившихся к его ведомству.

Я требовал, чтобы все государственные дела, все вопросы, которые касались перемен и нововведений, распределения войск и назначения эмиров, и, наконец, все рассуждения, в которых дело шло о представлении каких-либо планов или порядка ведения какой-либо операции, рассматривались в частном совете. Я установил, чтобы в этом совете присутствовал секретарь, которому можно доверять тайны, для ведения точных протоколов об этих тайных делах и их обсуждении.

Я приказал назначить несколько секретарей аудиенций (или публичного совета), которые поочередно должны были присутствовать в диване; они тщательно записывали все дела и затруднения, разрешенные или просто только обсуждавшиеся. Они включали в историю событий моей жизни суждения, которые я произносил, и все то, что происходило в моем совете.

В каждом департаменте управления состоял особый чиновник, который вел журнал прихода и расхода.

Постановления о назначении начальников (эмиров) улусов, кошунов и туменов

Я предложил, чтобы эмир каждой орды и каждого тумена брал с собою в военное время по одному всаднику из каждой палатки, по одному из каждого двора и, наконец, по одному человеку из каждого дома. Повсюду, где бы они ни останавливались, их должны были снабжать водой и фуражом для продовольствия. Начальники племени получали знаки и знамена. Они были обязаны выводить в поле число всадников, соответствовавшее силе их улуса или тумена.

Из среды сорока оймаков (племен) или начальников орд, которые признали мою власть, я желал (бы), чтобы двенадцать получили офицерскую тамгу¹⁰² для того, чтобы возвысить их на степень моих доверенных слуг. И я избрал начальников Барласа, Тархана, Аргуна, Джалаира, Тулкачи, Дульди, Могола, Сульдуза, Туга, Кипчака, Арлата и Татарии.

В орде Барласа я поставил четырех главных офицеров. Эмира Худайдада¹⁰³, которому я отдал область Бадахшан; эмиры Джаку, Ику-Тимур и Сулейман-шах получили в управление каждый пограничную область или провинцию. Сто лиц из орды Барласа были возведены в звание минбаши; наконец, Джалалуддин Барлас был сделан десятым эмиром, а Абу Сейид — девятым.

В орде Тархана я пожаловал Баязида седьмым эмиром, а двадцать воинов получили звание юзбаши.

В орде Аргуна Таш-Ходжу я облек в достоинство восьмого эмира и выбрал двадцать лиц из этой орды в минбаши, юзбаши и унбаши.

В орде Джалаира Тук Тимур и Шир Бахрам мною назначены восьмым и девятым эмирами и двадцать лиц назначены унбаши и юзбаши.

В орде Тулкачи звание эмира было оставлено за Олджейту-Берди.

В орде Дульди то же звание дано Табан-Бахадуру и Сам-Бахадуру.

Тимур-Хаджи-оглан был эмиром в орде Могола.

Илчи-Бахадур — в орде Сульдуза, Али-Дервиш — в орде Туга.

Эмир Сар-Буга в орде Кипчака.

В орде Арлата звание главного начальника было предоставлено эмиру Муvidу, который женился на моей сестре, а Солянчи-Бахадур сделан эмиром.

Это же звание получил Кунак-хан в Татарской орде.

28 прочих начальников орд, которые не получили тамги, были просто названы начальниками племен для того, чтобы в военное время или для отправления военной службы они явились в число воинов, предписанных приказами.

Правила, которыми должны руководствоваться в своих отношениях начальник к подчиненному и подчиненный к начальнику

Хороший слуга должен знать, что его начальник вправе требовать от него то, что он сам требовал бы, имея слугу. Поэтому ему следует проявлять неутомимую деятельность на службе. Если его начальник, после выражения самого искреннего благоволения, делается к нему равнодушным, то он (подчиненный) должен обвинять в этом самого себя, а не начальника.

Добрый слуга привязывается и служит из расположения. Тот, кто, не зная дружбы, питает в своем сердце только чувство ненависти, пожнет только несчастье, тогда как успехи и благосостояние преданного слуги будут возрастать со дня на день. Преданный слуга не оскорбляется выговорами или равнодушием своего господина, не питает злобы в своем сердце; он обвиняет самого себя в дурном обращении, которое переносит. Такой слуга заслуживает повышения.

Слуга корыстолюбивый будет ленив на работе.

Тот, кто забывает свой долг и повертывается спиной во время дела, не достоин внимания. Слуга, способный отделываться извинениями или просить увольнения, когда предстоит сражение, который ищет средств скрыться и откладывает до другого дня дело, не терпящее отлагательства (такое было поведение Булада и Тимур-оглана, покинувших меня в самый критический момент), — пусть имя такого слуги предается забвению, и пусть Всевышний его накажет.

Князя не должны лишать подданного власти, раз они его облекли таковою. Пусть они остерегаются низвергать того, кого возвысили. Человек, за которым раз признано достоинство и проницательность, не создан для того, чтобы быть презираемым. Если, по несчастью, такое оскорбление ему уже нанесено, то необходимо исправить это, возвысить оскорбленного на степень вдвое значительнее и предоставить себя его великодушию, потому что, если у него останется злоба и он задумает отомстить за себя, — он не замедлит понести за это наказание. Но подчиненный, который заботится сохранить место в сердце своего господина, составит свое благосостояние.

Тот, кто после вынужденного или добровольного разрыва возвращается к своему начальнику, заслуживает внимания, так как он дает блестящее доказательство своего раскаяния, своей преданности.

Если слуга неприятельской стороны, дав доказательства своей храбрости и верности, попадал в плен, если же, не надеясь на своих, покидал их, чтобы просить моего покровительства, я возвышал его и обращался с ним, как с верным моим подданным.

Менгли-Буга и Хайдар-Андухуд с эмиром Абу Сейидом ожидали меня во главе 6000 всадников и вступили в сражение.

Впоследствии эти офицеры, не надеясь на своего князя, перешли на мою сторону; я принял их с отличием и осыпал почестями. Я дал им области Хисар, Андижан и Туркестан.

Если слуга, опасный для противной стороны во время действия, разрывает цепи дружбы по наущению врагов своего господина, если, забыв законы соли, власть и подчинение, он старается низвергнуть своего князя, — я строго запрещаю

его принимать; судьба, куда бы он ни скрылся, воздаст ему наказание (смерть) за его неверность.

Подданный, который оставляет своего господина в опасности и ищет дружбы других, не заслуживает никакого доверия; однако если многочисленные заслуги позволяют рассчитывать на его верность, то его услугами можно пользоваться во всякое время, кроме военного. Ему следует оказывать величайшее внимание.

Визирь или подданный, который в видах политики или с предвзятою целью поддерживает близкие отношения с врагами, который под прикрытием этой дружбы вернее действует на пользу своего господина, достоин стать в ряду самых умных друзей или рабов. Но раб, который изменяет своему господину и продает его, должен считаться врагом.

Нужно остерегаться давать веру клевете, распространяемой против слуги, который поднимал оружие и выиграл сражение, или забывать добро, которое он сделал. Каждую услугу нужно ценить в десять раз больше, чем она стоит, и в интересах власти возвышать подобного раба, чтобы внушить другим такое же рвение и такое же усердие. Если целый полк или только начальник оставляет все, чтоб передаться врагу, то ему не должно давать никакого места в армии. Так, когда начальники армии Кеша оставили меня, чтоб соединиться с Хаджи Барласом, я не оказывал им больше никакого доверия.

Всякий начальник, который изменой предает вверенную ему область врагу, подлежит смерти, но тот, кто сохранил свою часть, должен быть осыпан наградами.

Офицер, верность которого непоколебима в минуту неудачи, среди всех случайностей, поистине достоин имени брата. Так, в то время, когда эмиры и войско Кеша покинули меня, около меня не осталось никого, кто бы сопровождал меня, кроме эмира Джаку-Барласа. Я смотрел на верного барласа, как на брата и товарища по счастью; я дал ему звание главнокомандующего с управлением областями Хисара и Балха.

Правила обращения с врагами и друзьями

После завоевания Турана, когда утвердился в Самарканде на вершине могущества, я не хотел делать более различия между

своими врагами и своими друзьями. Эмиры Бадахшана, некоторые начальники племен тюркских и иноземных, которые тайно или с оружием в руках вредили мне, пришли в уныние, помня свое прежнее поведение, но, отдавшись на мое произволение, они были смущены моим великодушием и благодеяниями. Я расточал милости и награды всем тем, которых я огорчил; путем почестей и чинов я старался их утешить.

Я предал проклятию эмиров из племен сульдуз и джете. Они возвели на трон Кабул-шаха, потомка Чингисхана, и присягнули ему на верность и преданность. При вести о моем возвращении эти изменники, поправ самые священные обязанности, зарезали несчастного хана в надежде на мое благоволение.

Завистник, являвшийся с намерением погубить меня, встречал с моей стороны столько знаков расположения, что, расстроенный моими щедротами, покрывался потом смущения.

Если друг испытанной верности искал у меня помощи, я не затруднялся помогать ему вещами и деньгами, потому что смотрел на него, как на товарища по счастью.

Опыт научил меня, что только тот испытанный друг, кто никогда не оскорбляется, кто считает своими врагами врагов своего друга и кто в случае надобности охотно жертвует своею жизнью. Такова преданность многих моих офицеров, зато и они не могли жаловаться на мою скупость.

Опыт убедил меня также, что благоразумные враги лучше безрассудных друзей. Эмир Хусейн, внук Казагана, принадлежал к числу этих последних. Того, что он сделал мне по дружбе, враг не сделал бы в припадке ненависти.

Эмир Худайдад говорил мне: «Береги твоего врага, как жемчужину или алмаз, но, если ты найдешь камень, сотри его так, чтобы не осталось и признаков». Он же прибавил: «Когда враг сдается и просит твоего покровительства, пощади его и оказывай ему благоволение». Поэтому-то я милостиво принял Тохтамыша, который искал у меня убежища. Если враг, употребив во зло оказанную ему услугу, возобновляет неприязнь, пусть его судит Всевышний!

Истинный друг не злобствует на своего друга или по крайней мере охотно принимает его извинения.

Правила о порядке заседания в Совете

Я повелел, чтобы мои сыновья, мои внуки и мои родственники, смотря по чину, занимали места вокруг трона, как кольцо вокруг луны.

Потомки пророка, судьи, ученые, теологи, старцы, вельможи и знать помещались направо.

Главнокомандующий, генералы (ханы), князья, начальники, эмиры десятитысячных и меньших общин, минбаши, узбаши и унбаши, соблюдая старшинство, садились налево.

Председателю Совета и визирям места — против трона; вельможи и начальники областей образовывали второй ряд, позади их.

Избранные воины, получившие титул храбрых, и другие храбрые бойцы должны были садиться позади трона направо; начальники легкой кавалерии занимали второе место налево.

Я приказал, чтобы полковник авангарда помещался против трона; начальники над приставами занимали пост у входа в палату трона; наконец, лица, ищущие правосудия, могли размещаться и налево.

Простые солдаты и придворные слуги, раз поставленные на место, не смели выходить из рядов.

Четыре церемониймейстера, стоявшие направо и налево, позади и впереди трона, наблюдали за порядком собрания. Когда все присутствующие были на своих местах, я приказывал подавать народу тысячу блюд различных кушаний и тысячу хлебов. В моем частном Совете подавалась также тысяча блюд, из которых пятьсот я отсылал эмирам орд и полковникам, назначая их каждому поименно.

Постановления,
которыми нужно руководствоваться
при завоевании государств

Когда государство становится добычей тирании, насилий и жестокостей, тогда долг каждого государя, верного законам правосудия, употребить все усилия для искоренения этих би-

чей, вторгаясь в страну. Всевышний сам вырвет такое государство из рук притеснителя и подчинит его этому государю. Такая-то любовь к правосудию внушила мне мысль освободить Трансоксанию¹⁰⁴ от грабежей узбеков.

Если в каком-нибудь государстве замечается упадок веры, пренебрежение к чудным делам Всевышнего или оскорбление Его избранных слуг, тогда государь-завоеватель обязан вторгнуться в это государство для восстановления там веры и закона Магомета. Он твердо может рассчитывать на помощь Пророка.

Таким образом я отнял столицу Индостана, Дели, у султана Махмуда (внука Фируз-шаха¹⁰⁵), Малу-хана¹⁰⁶ и Саранга¹⁰⁷. Я восстановил во всей силе веру и закон. Наконец, я уничтожил все языческие капища, воздвигнутые в стране.

Если правитель или интендант злоупотребляет своей властью во вверенной ему стране и доводит жителей ее до крайнего исступления, то всякий воинственный государь может завоевать эту страну. При приближении такого освободителя все пути ему будут открыты. Таким способом я отнял Хорасан у государей из династии Курт. Лишь только причины моего похода и виды на столицу этой провинции сделались известны, как Гияс ад-дин сдал мне ее со всеми богатствами, которые были в его распоряжении.

Каждое государство, в котором безверие и ереси пустили глубокие корни и разделили народ и войско на многочисленные секты, легко может быть завоевано. Победоносный монарх не должен пренебрегать случаем в него вторгнуться. Это-то меня и побудило освободить персидский Ирак и Фарс от презренных еретиков, которые разъедали народ этой страны. Предводители остальных партий, осмелившиеся подняться со всех сторон власти, были уничтожены, и я сохранил истинных служителей Бога.

Если в стране народ исповедует веру, различную с верой потомков пророка, Божья благодать да почитет на нем, правоверный монарх должен завоевать эту страну, чтобы вывести народ из его заблуждения. Итак, когда я вступил в Сирию, то строго наказал тех, которые следовали ложному учению.

В начале своих завоеваний я усвоил себе четыре правила, которых я строго придерживался.

1) В своих экспедициях я действовал осторожно, предварительно все зрело обдумав.

2) Чтобы не запутаться в своих предприятиях, я был чрезвычайно внимателен, осмотрителен и осторожен, и помощь Всевышнего содействовала успеху всех моих дел. Я тонко изучал характер и настроение различных народностей; затем я сообразовал свою деятельность с этим знанием и давал каждой из них правителя, который бы вполне ей соответствовал.

3) Я приблизил к себе триста тринадцать храбрецов знатного рода, испытанной смелости и благоразумия. Они были так тесно связаны между собою, что составляли как бы одно лицо и никогда не расходились в своих планах, своих мнениях и своих действиях. Когда они говорили: «Мы приведем в исполнение этот план», то они его исполняли и никогда не оставляли они предприятия, прежде чем не довести его до конца.

4) Я не откладывал сегодняшнего дела до завтра, умел употребить кстати кротость, строгость, медленность и поспешность и не прибегал к оружию в деле, которое требовало только политики. Искусство завоевывать государства было для меня шахматной игрой, в которой я упражнялся в течение дня с людьми просвещенными; ночью же, в тени моего кабинета, даже в постели, я обдумывал дела и средства для приведения их в исполнение. Я тщательно обсуждал про себя путь, ведущий к победам, пути нападения и отступления. Я обдумывал свое поведение относительно солдат: как я обойдусь с одним, какие приказания дам другому.

Постоянно опасаясь заблуждений, я не упускал из виду ни одного дела, обращался ласково и великодушно с теми офицерами, усердие которых было мне известно, и ловко обходил тех, которые мне выказывали неприязнь. Я считал неблагодарным того, кто платил мне злом за добро, следуя изречению пророка: «Человек, рожденный от незаконной любви, умрет, не причинив вреда своему благодетелю».

Мой духовник писал мне: «Ты должен согласоваться с повелениями Бога и Его Пророка и помогать возвеличению Магомета в грядущем. Изгони из монархии Всевышнего тех государей, которые, пользуясь благодеяниями Творца, встают против Него и Его Пророка.

Пусть правосудие царит в твоём правлении, так как по преданию неверные могут сохранять власть, но она никогда не остается долго в руках тиранов.

Долг обязывает тебя искоренить гнусные обычаи, вкравшиеся в царство Всевышнего. Дурные поступки оказывают такое же влияние на народ, как дурная пища на тело. Поэтому старайся дотла искоренить неправосудие. Не ставь в заслугу тиранам продолжительного благосостояния, которым они нередко пользуются на земле. Пойми причину продолжительного счастья злых и притеснителей. Необходимо, чтобы все злодеяния и преступления, которые в своём сердце задумали эти люди, совершились, дабы негодование и гнев Божий разразились над виновными; настанет день, когда Всевышний обратит своё могущество на этих варваров, этих злодеев, этих безбожников, поражая их оковами, заключением, отчаянием, голодом, всеобщим поветрием и внезапную смертью. Настанет время, когда невинные, добрые и справедливые, преданные казням злодеями, будут причислены к лику жертв, ибо огонь, который загорается на болоте, пожирает одинаково и сухие, и свежие травы. Не удивляйся при виде счастья и возвышения неверных, безбожных и злых, остерегайся впасть в ошибку, полагая, что благосостояние злодеев, презренных и развратников возрастает по мере усиления творимого ими зла и порока. Необходимо осознать причину подобного благоденствия, которая кроется в том, что, может быть, милость дарующего благополучие заставит их отворотиться от зла, порока, безбожия и возблагодарить Его за щедрость. Но если они и тогда не воздадут благодарности Богу, не возвратятся под покровительство Всевышнего и не признают милости к ним Бога и его Пророка, то в конце концов их постигнет Божий гнев и заслуженная кара».

Письмо моего духовника побудило меня вырвать царство Бога из рук разбойников, неверных, мятежников, еретиков и злодеев. Я тотчас же начал серьезно заботиться об их изгнании и уничтожении.

Постановления для управления государством

В государстве, вновь подчиненном моей власти, я оказывал почет тем, которые были того достойны; я обращался с величайшим уважением и почтением с потомками про-

рока, учителями закона, учеными и старцами, я назначал им жалованье, пенсии; вельможи этой страны становились как бы моими братьями, а сироты и бедные — моими детьми. Армия покоренной страны входила в состав моей армии, и я старался привлечь любовь народа. Тем не менее я держал всегда своих подданных между страхом и надеждой. С добрыми, к какой бы национальности они ни принадлежали, я обходился с добротой, но злые и изменники изгонялись из моего государства. Я удерживал людей трусливых и низких в положении, которое им соответствовало, не допуская их возвышения за известные границы. Я расточал почести и отличия вельможам и знати. Врата справедливости были открыты во всех подвластных мне странах, в то же время я заботился, чтобы все пути к грабежу и разбою были закрыты.

Правитель покоренной провинции оставался при своей должности; осыпая его благодеяниями, я мог вполне рассчитывать на его верность и преданность. Но непокорный не замедлял попадаться в свои собственные сети. Тогда я его замещал правителем умным, справедливым и деятельным. Я приказал наказывать по закону «Ясы» разбойников и грабителей больших дорог и изгонять из моих владений бунтовщиков и изменников.

Я не желал, чтобы шуты были терпимы в провинциях. Я назначил в городах и городских кварталах управляющих, которые должны были заботиться о безопасности народа и солдат. Все кражи, совершенные на их участках, лежали на их ответственности.

На больших дорогах была расставлена стража, чтобы делать разъезды и обезопасить сообщения. Путешественники и купцы имели право требовать, чтобы их вещи и богатства были конвоированы этою стражею, которая отвечала за каждую пропавшую вещь

Строго воспрещалось судьям наказывать граждан по обвинениям и наветам людей подозрительных и неблагонamerенных. Но по убеждению, основанному на четырех показаниях, на виновного налагался штраф, соразмерный с его преступлением.

Не позволялось взимать ни подушного сбора, ни пошлины в городах и предместьях. Ни один солдат не имел права

занять постоем дома частного лица или присвоить себе стадо и имущество гражданина.

Во всех делах, касавшихся народа какой-либо провинции, правителям было приказано строго держаться в пределах справедливости. Для уничтожения нищенства я основал приюты, где бедные получали содержание.

Постановления для поддержания сношений и получения сведений о состоянии государств, областей, народа и армии

Я желал, чтобы на всякой границе, во всякой провинции, в каждом городе и при армии был корреспондент. Его обязанностью было уведомлять двор о действиях и поведении правителей, народа и солдат, о положении моих войск, моих соседей, он представлял точный очерк о вывозе и ввозе товаров и произведений, о прибытии и отъезде иностранцев и караванов всех стран. Этот корреспондент при помощи своих сношений знал все действия ханов, имел сведения обо всех мудрецах и ученых, которые, хотя бы из самых отдаленных стран, были расположены перейти ко мне на службу. От таких докладов я требовал самой строгой правдивости. Если он уклонялся от истины и не давал точного отчета о событиях, ему отсекали пальцы. Если в своих отчетах он пропускал какой-нибудь похвальный поступок солдата или представлял его в ложном свете, ему отрубали руку; наконец, если он по вражде или злобе делал ложный донос, его подвергали смерти. Я настоятельно требовал, чтобы эти известия были мне представляемы ежедневно, еженедельно и ежемесячно.

Я содержал отряд до 1000 всадников на верблюдах, другой отряд в 1000 человек легкой кавалерии и 1000 легко вооруженных пехотинцев для исследования состояния пограничных областей и для разоблачения замыслов соседних князей. По возвращении своем они мне сообщали подробности открытий, и я мог принять меры против всяких случайностей.

С помощью этих всадников и пехотинцев я узнал о поражении Тохтамыша Урус-ханом. Побежденный обратился ко

мне, и я приготовился помочь Тохтамышу и объявил войну победителю.

Когда я задумал завоевать Индостан, они меня известили, что в каждой области этого государства правители и коменданты отложились от верховной власти и объявили себя независимыми. Саранг, брат Малу-хана, поднял знамя независимости в Мултане; султан Махмуд последовал его примеру в Дели; Малу-хан организовал армию в Лахоре; Мубарек-хан изъявил притязания на верховную власть в государстве Кунудж, так что во всем Индостане не было ни одной провинции, в которой верховная власть не была бы захвачена каким-нибудь частным лицом.

Из всех этих данных я заключил, что можно было легко завладеть этой страной, но армия не разделяла моего мнения, и я был еще занят походом в Индию, как меня известили, что Баязид вторгся в мои владения и что грузины, перешедши за свои границы, подали помощь некоторым крепостям, которые были осаждаемы моими войсками.

Я понял, что беспорядки в Иране увеличатся, если мое пребывание в Индии продолжится. Поэтому я привел в порядок дела этой страны и поспешно прибыл в Трансоксанию, где и оставался несколько дней. Затем направил свой путь на Анатолию и Грузию и овладел этими государствами.

Правила обращения с туземцами
и колонистами каждой области.

Постановления для содержания гробниц
святых и поборников веры.

Пожертвования на богоугодные заведения

Я повелел, чтобы воины вновь покоренной страны были приняты на мою службу, как только признают мою власть; чтобы народ и туземцы этой страны были пощажены от всех тех бедствий, добычей которых делаются обыкновенно побежденные; чтобы их имущество и богатство не предавались грабежу и расхищению и чтобы взятая с них добыча была им возвращена. Я требовал, чтобы оказывали величайшее по-

чтение потомкам пророка, богословам, старцам, ученым, великим и знатым; чтобы начальники орд, отцы семейств и земледельцы были ограждены от насилий.

Подданные находились между страхом и надеждой, а виновные наказывались сообразно их проступкам.

Я отдал приказ, чтобы сеиды, доктора, старцы, ученые, дервиши и все монахи, которые избирали для своего жительства мои владения, получали пенсии и жалованье; чтобы бедные или люди, не имеющие средств к существованию, получали пропитание и, наконец, чтобы преподаватели медицины и шейхи получали определенное содержание. Я жертвовал суммы на содержание гробниц и усыпальниц святых и духовных глав. Их снабжали коврами, освещением и съестными припасами для хранителей и пилигримов. Я предназначил вакфы из Неджефа¹⁰⁸ и Хуллы на содержание первой из гробниц, гробницы главы правоверных, избранного из людей, Али, сына Абу Талиба (да почит Господь лик его!). Я назначил в качестве вакфа деревни и окрестности Кербелы, Багдада и других округов для гробницы имама Хусейна (да почит он в мире!), гробницы досточтимого Абдулкадыра¹⁰⁹, образца святости, наконец, для могилы имама Абу Ханифы (да благословит его Бог!) и для могил других святых и знаменитых светил веры, покоящихся в Багдаде; пожертвованные суммы распределялись пропорционально заслугам святого.

Земли Джазир и доходы с других городов были посвящены на содержание гробниц: имама Мусы Казима¹¹⁰, имама Магомета Наки¹¹¹ и Салмана Фарси¹¹².

Земли Кутахбаст и окрестности Туса служили для содержания гробницы имама Али¹¹³, сына Мусы. Я предложил, чтобы они были снабжаемы коврами, освещением и ежедневным количеством съестных припасов. Я сделал подобные жертвования и на гробницы каждого святого в Иране и Туране. Я повелел собирать нищих во всякой вновь покоренной стране и выдавать им каждодневно порцию пищи; их отмечали особыми знаками, чтобы отнять у них возможность продолжать нищенствовать. Если кто-либо из этих отмеченных принимался за прежнее ремесло, его продавали в дальние страны или изгоняли, чтобы искоренить нищенство в моих владениях.

Постановление для сбора налогов; порядок и благоустройство государства; культура и народонаселение; безопасность в провинциях

При сборе податей нужно остерегаться обременять народ податями или опустошать провинции, потому что разорение народа ведет за собой обеднение государственной казны, а несостоятельность казны имеет следствием рассеяние военных сил, что в свою очередь ведет к ослаблению власти.

Когда я завоевывал какую-нибудь область или она сдавалась мне на капитуляцию, что избавляло ее от гибельных последствий войны, то приказывал собрать сведения о доходах и производительности этой области.

Если народ желал оставить прежний порядок управления, то согласовывались с его желанием; в противном же случае подати собирались по установленным мною правилам. Подати определялись производительностью земель и соответственно установленными оценками. Например, если земледелец имел земли, орошаемые постоянными арыками, водопроводами или потоками, лишь бы только эти воды текли непрерывно, то доход с этих земель делился на три части, причем $2/3$ оставались владельцу, а $1/3$ взималась сборщиком.

Если подданный желал платить деньгами, то часть сбора оценивалась по текущим ценам, а солдаты получали жалованье сообразно со стоимостью съестных припасов. Если же и подобное определение не нравилось подданным, то взимались произведения с трех десятин отдельно. С первой собиралось три меры, со второй — две меры, а с третьей — одна мера. Половина засевалась хлебом, а другая — ячменем, и взималась половина всего урожая. Если подданный отказывался платить натурой, то оценивали меру хлеба в пять серебряных мискалей, а меру ячменя — в два с половиной мискаля. Но сверх этого с народа не дозволялось ничего требовать под каким бы то ни было предлогом.

Налоги на траву, фрукты и другие сельские продукты, так же как на хозяйственные принадлежности, резервуары, пастбища и другие ценные земельные угодья, оставались без из-

менения; если же подданный был не доволен, то избирался другой порядок.

Строго воспрещалось брать подати раньше уборки хлеба, и уплата производилась в три определенных срока. Если подданные платили охотно, то дело обходилось без сборщика; если же в таковом являлась надобность, то он должен был действовать словом и влиянием для сбора государственной подати, но никогда не должен был прибегать к палке, веревкам, кнуту или цепям; вообще он не имел права прибегать к жестоким мерам против личности должника.

Земледелец, который разработал и оросил невозделанную землю, сделал на ней насаждения или сделал годными для посева заброшенные земли, освобождался от податей первый год; второй год он мог внести столько, сколько ему благо рассудится; в третий же год он подчинялся общему постановлению о налогах. Если богатый землевладелец или человек могущественный притеснял бедного или причинял ему какой-нибудь убыток, то притеснитель отвечал за это своим имуществом, вознаграждая угнетенного.

Что касалось земель заброшенных и никому не принадлежащих, то я предложил серьезно заботиться о том, чтобы их возделывали. Если же земля оставалась без обработки по причине бедности ее владельца, то ему давались необходимые земледельческие орудия.

Я приказывал расчищать засоренные арыки, исправлять и строить мосты на реках и воздвигать караван-сарай на расстоянии одного дня пути. При караван-сараях находились смотрители и дорожная стража. Они заботились о безопасности путешественников и отвечали за произведенные у них кражи.

В каждом городе я приказал построить мечеть, общественную школу, богадельню для бедных и убогих и больницу, при которой находился врач. Я требовал, чтобы в городах строились также здания городской думы и судебной палаты; я учредил особую стражу для народа за засеянными полями и за безопасностью граждан.

В каждую область я назначил трех министров. Первый был для народа. Он вел точный и верный счет податям, уплачиваемым подданными, донося мне о сумме их с объяснением,

по какому праву и под каким наименованием они были взимаемы. Второй был для солдат. Он вел счет сумм, им уплаченных, и тех, которые им еще следовало получить. Третий наблюдал за собственностью отсутствующих и странствующих, над полями, покинутыми на волю ветра. С согласия судьбы и представителя духовной власти в руки этого визиря переходили имущества сумасшедших, неизвестных наследников и преступников, лишенных прав законом. И имущества умерших переходили к законным наследникам; если же законных не оказывалось, эти имущества обращались на богоугодные заведения или же отсылались в Мекку.

Постановления относительно ведения войны,
производства атак и отступлений, порядка в битвах
и при поражении войск

Если численность неприятельской армии не превышает 12000 всадников, то войну может вести главнокомандующий с 12000 воинов, набранных из орд и племен, с соответственным числом минбаши, узбаши и унбаши.

Приблизившись к неприятелю на расстояние одного дня, он должен мне дать о себе известие.

Я приказал разделить эти 12000 всадников на девять дивизий следующим образом: главный отряд — одна дивизия. Правое крыло — три дивизии. Левое крыло — три дивизии. Авангард — одна дивизия и его прикрытие — другая дивизия. Правое крыло должно состоять из авангарда и правой и левой дивизий. Левое крыло точно так же имеет свой авангард и свои две дивизии.

При выборе места для битвы предводитель должен иметь в виду четыре условия:

- 1) Близость воды.
- 2) Удобство размещения всего войска.
- 3) Выгоду положения, при котором можно было бы иметь в виду все неприятельское войско. Особенно надобно избегать, чтобы солнце не светило прямо в лицо и чтобы оно не ослепляло солдат.
- 4) Поле битвы должно быть обширно и ровно. Накануне битвы предводитель должен построить свои ряды по на-

меченному плану; раз построенное в боевой порядок войско должно продвигаться вперед, не поворачивая лошадей ни в какую сторону и не уклоняясь ни вправо, ни влево. Как только воины увидят неприятеля, они должны издать боевой клик: «Велик Бог!»

Если главный инспектор армии заметит, что предводитель войск не исполняет своих обязанностей, он может заменить его другим, сообщив офицерам и солдатам данное ему мною полномочие.

Предводитель совместно с главным инспектором армии должен осведомиться о численности неприятеля, сравнить его оружие с вооружением своих солдат и его офицеров со своими, чтобы сообразить, в чем его силы слабее неприятельских, и пополнить недостатки. Внимательно следя за всеми движениями своих отрядов, он наблюдает, подвигаются ли они медленно и стройно или бегут в беспорядке. Он должен хорошо различать действия противников, нападают ли они всеми своими силами или же производят атаки отдельными отрядами. Главное искусство состоит в том, чтобы уловить момент, когда неприятель готовится к нападению или к отступлению, затевает ли он новый план атаки или же придерживается прежнего. В этом последнем случае солдаты должны выдержать стойко натиск, потому что храбрость есть не что иное, как терпение в момент опасности.

Пока неприятель не начнет дела, не следует выступать ему навстречу, но лишь только он сделает шаг вперед, нужно направить соответственно движение всех своих девяти дивизий. В чем же заключается обязанность главнокомандующего? Руководить движениями своих отрядов и не теряться во время опасности. Он должен быть решителен в своих действиях, на каждую дивизию он должен смотреть, как на особый род оружия, как-то: стрелу, топор, палицу, кинжал, шпагу или саблю, которые он употребляет в действие, смотря по надобности. Начальник должен смотреть на себя так же, как и на свои девять эскадронов, как на атлета, который сражается всеми частями своего тела: ногой, рукой, головой, грудью и другими членами. Можно надеяться, что неприятель, подавленный этими последовательными натисками, будет наконец побежден.

Предводитель начнет тем, что двинет вперед главный авангард, поддерживаемый авангардом правого крыла, а затем и авангардом левого крыла, для произведения трех натисков. Если выдвинутые войска будут поколеблены, то следует послать для подкрепления первую дивизию правого крыла, после нее вторую дивизию левого крыла. Если победа еще не верна, то следует отправить вторую дивизию правого крыла вместе с первой дивизией левого крыла и донести мне о ходе дела. Дождавшись прибытия моего знамени и возлагая все надежды на помощь Всевышнего, главнокомандующий сам вступит в схватку, считая себя самого как бы участвующим в деле; не подлежит сомнению, что с Божьей помощью девятая атака обратит в бегство неприятелей и доставит ему победу. Чрезвычайно важно, чтобы начальник не поддавался увлечению, чтобы он управлял всеми движениями своих войск; когда он вынужден лично принять участие в деле, то пусть делает это, не слишком рискуя собою, так как смерть начальника производит самое губительное впечатление: она воодушевляет храбрость врагов.

Итак, он должен вести свои действия с ловкостью и благоразумием, не позволяя себя увлекать опрометчивости, потому что безрассудная смелость — дочь бесов; он не должен ставить себя в такое положение, из которого нет выхода.

Порядок битвы для моих победоносных армий

Если неприятельская армия превышает двенадцать тысяч человек, не достигая, однако, сорока тысяч, то командование может быть поручено одному из моих благополучных сыновей с назначением под его начальство двух главных и нескольких простых офицеров с отрядами, так чтобы численность всей армии простиралась до 40 тысяч. Мои непобедимые войска должны постоянно думать о том, что я лично присутствую, чтобы не уклоняться от правил благоразумия и храбрости.

Я приказал, чтобы когда мою кибитку, как счастливое предзнаменование, отправят вперед, то ее эскортировали бы двенадцать отрядов, предводительствуемых начальниками племен; они должны правильно маневрировать, не упу-

ская из виду двенадцать правил, которые я предписал для установления порядка битвы, для разрыва передовых линий и, наконец, для атак и отступлений. Хороший предводитель, узнав о числе неприятельских начальников, должен им противопоставить своих; он тщательно наблюдает за тем, какого рода оружия воинов нужно поставить во главе; будут ли то лучники, копьевщики или люди, вооруженные саблями. Внимательный к движениям своих противников, он должен сообразить заблаговременно, начинают ли они битву медленно, посылая в дело отряд за отрядом, или же с яростью бросаются в бой всей массой; он должен наблюдать за всеми путями, ведущими к полю битвы, как для атаки, так и для отступления, а также проникнуть и уяснить себе план действий неприятеля.

Может случиться, что, выказывая притворную слабость, враги обратятся в бегство, но не следует поддаваться этой хитрости. Генерал, глубоко изучивший военное дело, понимает все военные уловки: он знает, какой корпус нужно послать в дело. Его благоразумие помогает всему. Он не затрудняется дать сражение, он предугадывает планы своих противников, открывает цель всех их движений и пускает в ход все средства, чтобы расстроить их замыслы.

Из 40 тысяч всадников предводитель должен сформировать четырнадцать дивизий следующим образом: он выстроит свою линию и назовет ее центром. Три дивизии составят арьергард (или корпус) правого крыла. Одна из этих трех дивизий получит название передовой этого арьергарда. Из трех дивизий, составляющих левое крыло, одна будет служить ему передовою.

Точно так же три других дивизии будут помещены впереди арьергарда правого крыла; они составят его фронт. Один из этих трех отрядов послужит авангардом фронта правого крыла. Левое крыло будет состоять из такого же числа дивизий, и они будут составлять его фронт. Одна дивизия будет служить авангардом фронта левого крыла, подобно предыдущему. Затем он выстроит главный авангард перед центром армии. В составе авангарда будут: стрелки из луков, солдаты, вооруженные саблями, копьевщики, храбрые и опытные воины, которые будут сражаться издавая гром-

кие крики, чтобы произвести беспорядок в неприятельском авангарде. От главнокомандующего не должно ускользнуть ни одно движение противной стороны, и тот самоуверенный офицер, который двинется вперед, не имея на то приказания, должен подвергнуться наказанию.

Всегда внимательно следя за маршами и контрмаршами своих противников, начальник армии пусть остерегается рискованно вступлением в битву, прежде чем не получит к тому прямого вызова со стороны неприятеля. Но раз противники открыли наступление, то он, как генерал осторожный, должен исследовать их маневры, как они начинают битву и как отступают, а затем уже сообразить средства напасть и отразить их, будут ли они продолжать атаку или же, согласуясь с требованиями обстоятельств, начнут отступать, чтобы снова напасть, когда наступит удобное к тому время.

Должно также остерегаться преследовать армию, которая без видимой необходимости обращается в бегство, потому что она может иметь сзади сильные подкрепления.

На обязанности главнокомандующего лежит — следить за неприятелем, направляет ли он все свои силы или действует только правым и левым крылом. В таком случае он должен сначала противопоставить ему свой авангард, затем двинуть авангарды правого и левого крыла для подкрепления главного авангарда. После этого выступят первый эскадрон правого крыла и второй эскадрон левого крыла, за которыми последуют второй отряд правого крыла и первый — левого.

Если после семи атак не выяснится, на чьей стороне победа, то следует отправить передовые отряды арьергардов правого и левого крыла, чтобы произвести девять нападений. Если и после этого не последует победы, тогда можно пустить в ход первый эскадрон арьергарда правого крыла и второй эскадрон арьергарда левого крыла. Если все эти усилия окажутся бесполезными, то следует отправить последние оставшиеся эскадроны обоих крыл. Может быть, успех тогда определится.

Если эти тринадцать приступов не решат победы, то главнокомандующий не должен колебаться двинуть свой центр; пусть горой вырастет в глазах неприятеля и обрушится на него тяжело и мерно. Пусть главнокомандующий прикажет

своим храбрецам обнажить сабли, а стрелкам — обрушить град стрел; наконец, если и после этого победа не выяснится, то командующий должен сам броситься в бой, не колеблясь и не теряя никогда из виду моего знамени.

Если неприятельская армия превышает 40 тысяч человек, то я приказывал генералам, офицерам, минбаши, узбаши, унбаши, избранным воинам и простым солдатам стать под мое победоносное знамя.

Начальникам эскадронов я предлагал исполнять мои приказания с самой строгой точностью. Начальник или простой офицер, дерзнувший уклониться или нарушить мои приказания, предавался смерти, а его наместник или лейтенант замещал виновного. Из сорока рот сформированных орд, отрядов в 100 и 10 000 человек я выбирал двенадцать рот, которым я давал отличительный знак; они делились на сорок взводов.

Офицеры 28 рот, не имеющих отличительного знака, шли позади центра; мои сыновья и внуки располагались со своими войсками направо; родственники и союзники помещались налево. Это были резервные отряды, которые подавали помощь повсюду, где оказывалась необходимость. Шесть эскадронов составляли арьергард правого крыла, а еще один служил им передовым отрядом.

Арьергард левого крыла был сформирован по тому же образцу; он имел также свой передовой отряд. Я поставил шесть эскадронов впереди арьергарда правого крыла, и они составляли фронт правого крыла. Еще один эскадрон, поставленный впереди, служил авангардом этому фронту.

Тот же порядок существовал и для левого крыла, которое также имело свой авангард. Впереди обоих крыл помещались шесть эскадронов, сформированные из опытных офицеров и воинов испытанной храбрости, и это был мой главный авангард, который имел передовым отрядом выдвинутый вперед эскадрон.

Направо и налево от передового полка авангарда размещались полки, составленные только из родичей и близких, во главе с двумя офицерами; они должны были производить разведку общей обстановки и наблюдать за действиями противника.

Командующим сорока эскадронами отдавалось строжайшее запрещение вступать в бой раньше очереди или не получив приказания; они должны были только быть всегда наготове к выступлению. Как только они получали такое приказание, то выступали, постоянно наблюдая за движениями неприятеля. Если неприятель находил доступ к сражению, то их (командующих 40 эскадронами) делом было путь неприятелю закрыть и открыть своею ловкостью тот путь, который неприятель хотел им загородить.

Как только авангард вступал в схватку, начальник авангарда двигал последовательно свои шесть эскадронов, чтобы смешать неприятельские ряды; командующий первым крылом отряжал в атаку свои шесть эскадронов на помощь первым и сам лично вступал в дело.

Начальник авангарда левого крыла должен сделать то же самое, чтобы поддержать сражающихся; он должен выступить во главе своего отряда, и, может быть, с помощью Всевышнего, выдержав эти восемнадцать атак, ослабевший неприятель обратится в бегство.

Если же он продолжает выказывать стойкость, то начальникам запасных отрядов правого и левого крыла следует выдвинуть свои авангарды. Эти отряды, ринувшись на противников, могут их смять и уничтожить. Если наши надежды все еще окажутся тщетными, то начальникам арьергарда обоих крыл останется только выдвинуть последовательно свои эскадроны и самим лично во главе их врезаться в неприятельские ряды. Если же и все эти офицеры ослабнут и дрогнут, то настала минута, когда князья-мирзы, командующие резервным корпусом правого крыла, и родственники султана, стоящие во главе такого же корпуса левого крыла, должны ринуться на врагов.

Все их внимание должно быть обращено на командующего неприятельской армией и на его знамя; пусть они неустрашимо атакуют вражеские ряды. Главная задача их заключается в том, чтобы захватить этого командира и низвергнуть его знамя. Если после всех этих усилий враг будет еще держаться, тогда наступает очередь отборного войска центра и храбрцов, выстроенных позади него; они должны устремиться все вместе, чтобы произвести общую атаку (дать генеральное

сражение). После всех этих попыток султан не должен колебаться броситься с храбростью и твердостью в самый пыл сражения.

Так я поступил в сражении с Баязидом. Я приказал мирзе Мираншаху, который командовал правым крылом, стремительно напасть на левое крыло войск турецкого султана, мирзе Султан-Махмуд-хану и эмиру Сулейману, которые вели левое крыло моих войск, атаковать неприятельское правое крыло. Мирза Абу Бекр, под начальством которого находился резерв правого крыла, получил приказание атаковать главный корпус Баязида Молниеносного, расположенный на возвышенности. Сам же я стал во главе своего боевого корпуса и своих избранных воинов и с воинами племен пошел прямо на султана. Его войска были опрокинуты с первого натиска. Султан-Махмуд-хан бросился преследовать побежденного и, взяв его в плен, привел в мою палатку. Придерживаясь тех же принципов, я одержал победу над Тохтамыш-ханом и приказал низвергнуть знамя этого князя.

Если неприятель, отличаясь доблестью, обратит в бегство авангарды правого и левого крыла, а также арьергарды обоих этих крыл, если он пробьется к главному корпусу, то султану ничего больше не остается при всей своей отваге, как вложить ногу храбрости в стремя терпения, чтобы отразить и уничтожить неприятеля. В сражении против Шах-Мансура, когда он пробился до меня, то я лично сражался с ним, пока не поверг его в прах¹¹⁴.

Планы и предприятия

Таковы были планы и порядок образа действий, которым я следовал с целью завоевать царства и покорить вселенную, побеждать армии, захватывать врасплох своих противников, склонять на свою сторону тех, которые противились моим намерениям, словом — для того, чтобы руководствоваться в своем поведении по отношению к друзьям и врагам. Мой доверенный советник¹¹⁵ написал мне следующие слова:

«В управлении своим государством Абулмансуру¹¹⁶ Тимуру следует привести в действие четыре существенные средства: обдуманый расчет, разумную решительность, выдержанную

стойкость и осторожную осмотрительность. Государь, не имеющий ни плана, ни рассудительности, похож на безумца, все слова и действия которого суть только заблуждение и беспорядочность и порождают лишь стыд и угрызения совести. Для тебя же будет гораздо лучше вести все дела твоего управления с осторожностью и мудрой обдуманностью, чтобы избежать в будущем раскаяния и бесплодных сожалений.

Знай, что искусство управлять состоит частью в терпеливости и твердости, частью в притворной небрежности и в искусстве казаться не знающим того, что знаешь.

Никакое предприятие не трудно для того, кто обладает даром соединять с мудростью планов терпение, твердость, стойкую энергию, осмотрительность и мужество. Прощай».

Это письмо было, так сказать, руководителем моих поступков: оно убедило меня в том, что совет, благоразумие, обдуманность вдесятеро полезнее в политике, чем сила оружия. Ибо, как говорят, благоразумие может завоевывать царства и побеждать армии, не поддающиеся мечу воинов. Что касается меня, я убежден, что испытанный воин, соединяющий все эти качества, гораздо предпочтительнее тысячи солдат, обладающих только силою, ибо он может руководить тысячей тысяч таких воинов. Опыт показал мне еще, что победа и поражение нисколько не зависят от численности сражающихся, но от помощи Всемогущего и от благоразумия наших мер. Я сам — пример этому. Я шел во главе двухсот сорока трех человек к укреплению Карши, предварительно хорошо обдумав план своих действий. Двенадцать тысяч всадников, предводительствуемых эмиром Мусой и Малик-бахадуром, частью составляли гарнизон этой крепости, частью же защищали ее окрестности; но с Божьей помощью и при посредстве разумных мер я овладел укреплением.

Тогда эмир Муса и Малик-бахадур выступили со своими 12 000 всадников и стали осаждать меня; но, полный веры во имя Всевышнего, я вышел против них с проворством и осторожностью. Несколькими нападениями, сделанными успешно и вовремя, мои 243 воина разбили 12 000 всадников и преследовали их на протяжении нескольких миль.

Опытность научила меня и тому, что хотя течение событий и скрыто покровом рока, однако мудрый и разумный человек

не должен пренебрегать планами, предусмотрительностью и дальновидностью. Вот почему, сообразуясь с досточтимыми словами пророка, я никогда не приступал к исполнению ни одного предприятия, зрело его наперед не обдумав.

Когда мои советники собирались, я обсуждал с ними хорошие и дурные стороны удачного и неудачного исхода предприятия, которое я был волен исполнить или оставить. Выслушав их мнение, я обсуждал его со всех сторон: я сопоставлял пользу с вредом; внимательным оком я окидывал все его опасности; план, представлявший при исполнении двоякую опасность, был отвергаем для того, чтобы избрать тот, в котором я предусматривал только одну.

Руководимый таким именно взглядом, я подал совет Туглук-Тимуру, хану Чагатая.

Его эмиры подняли знамя возмущения в Джете; он просил у меня совета, и я отвечал ему: «Если ты пошлешь армию, чтобы прогнать и истребить возмутившихся, то две опасности тебе угрожают, но только одна будет предстоять тебе, если ты будешь предводительствовать ею лично». Он мне поверил, и случившееся подтвердило мое предсказание.

Я не затевал ни одного предприятия, предварительно не посоветовавшись, а приводя его в исполнение, я ничего не предоставлял случаю; прежде чем начать действие, я обдумывал, какой оно могло иметь исход, и, употребляя попеременно ловкость, благоразумие, твердость, бдительность и предусмотрительность, я приводил к верному успеху.

Опытность доказала мне, что хорошие планы способны создавать только те люди, которых действия не противоречат их словам, которые, раз приняв решение, не оставляют его по какой бы то ни было причине и не стараются никогда возвращаться к плану, раньше ими отвергнутому.

Я различал два вида совета: один — исходящий из уст, другой — из глубины сердца. Я благосклонно внимал говору уст, но только тот, что я слышал исходящим из сердца, оставлял в ушах моего сердца для того, чтобы воспользоваться этим.

Когда дело шло об отправлении армии в поход, я обдумывал, выбрать ли войну или мир. Я выспрашивал моих эмиров; если они предлагали мир, я сравнивал его приятности с трудами войны; если, напротив, они склонялись

к войне, я проводил параллель между ее пользой и невыгодами мира. В конце концов я избирал всегда исход наиболее выгодный.

Я отвергал всякое решение, способное разделить армию. Я позволял говорить советнику, робко произносившему свою речь, но я внимательно прислушивался к словам человека, который выражался рассудительно и твердо.

Я принимал все советы, но во всяком мнении заботливо различал хорошие и дурные стороны и останавливался только на разумном и полезном.

Когда Туглук-Тимур, потомок Чингисхана, перешел реку из Ходжента, намереваясь завоевать Трансоксанию, и потребовал, чтобы мы, я и эмир Хаджи Барлас и Баязид Джалаир, пришли и соединились с ним, то эти последние спросили у меня совета, говоря: «Нужно ли нам укрыться в Хорасане с нашими семействами и ордой или же идти и присоединиться к Туглук-Тимур-хану?» Я отвечал им: «Вам предстоят две выгоды и одна опасность, если вы отправитесь к Туглук-Тимуру; но если вы убежите в Хорасан, то встретите две опасности против одной выгоды».

Они отвергли мой совет и направили свой путь к Хорасану. Я же, имея на выбор — идти в эту страну или же повиноваться приказанию Туглук-Тимура, колебался между этими двумя исходами.

В этой нерешимости я прибегнул к мудрости моего доверенного советника¹¹⁷, и вот его ответ: «Следующий вопрос был предложен однажды четвертому халифу Али (преисполни его Бог славой и милостью!): если бы твердь небесная была луком, тетивой которого была бы земля, если бы козны были стрелами, имеющими целью детей Адама, а сам Бог, Величайший и Высочайший, был стрелком, то где несчастные смертные могли бы найти убежище? Именно возле самого Бога люди должны были бы укрыться, отвечал халиф. Так и тебе нужно сейчас же идти и отыскать Туглук-Тимура и заставить его выронить из рук лук и стрелы».

Получение этого письма укрепило мое сердце; я отправился в путь и явился к хану. Но во всех делах, требовавших обсуждения, я извлекал из Корана предзнаменование, руководившее моим поведением. Прежде чем подчиниться при-

казаниям Туглук-Тимура, я открыл священную книгу, и мне выпала сура о Юсуфе¹¹⁸ (да будет Бог милостив к нему!). Я поступил тогда согласно с указанием Корана.

Первый план, осенивший меня после встречи
с Туглук-Тимур-ханом

Вот первый план, внушенный мне свиданием, которое я имел с Туглук-Тимуром. Я хорошо знал, что этот хан послал три армии из людей Бекчика, Хаджи-бека эркинита¹¹⁹, Улуг Туг-Тимура керейта¹²⁰ и других эмиров Джете разорить царство Трансоксании. Эти предводители расположились лагерем близ Хизара; я решил пойти к ним и предложить им суммы, достаточные для того, чтобы прельстить их и отсрочить разорение и опустошение этого царства до моего прихода к Туглук-Тимур.

Мое могущество ослепило эмиров; они приняли меня с уважением и почтением; их сердца смирились, их глаза были ослеплены, и, когда великолепие моих подарков довершило их подкуп, они перестали опустошать царство.

Тогда я не замедлил явиться перед ханом, который принял приход мой за счастливое предзнаменование: он часто советовался со мной и всегда следовал моим советам.

Между тем ему донесли, что эмиры трех армий вынуждают с жителей Трансоксании вещественные подарки и денежные суммы; он принуждает их возвратить эти суммы и назначает особых сборщиков для наблюдения за таковым возвратом. В то же время он воспрещает этим начальникам вход в Трансоксанию и лишает их предводительства, возлагая таковое на ходжу Махмуд-шаха ясаури¹²¹.

Уведомленные об этом распоряжении, эмиры удаляются и поднимают знамя восстания; в то же время они встречают Оглан-Ходжу, начальника дивана и первого советника хана; привлечши его на свою сторону, они вместе направляются к Джете.

В то же время Туглук-Тимур узнал, что его эмиры, находящиеся в Дешт-и-Кипчаке, вышли из повиновения.

По моему совету возмущенный государь направил свой путь к государству Джете. Он вручил мне управление Транс-

оксанией с полномочиями и необходимыми доверительными письмами; он присоединил к этому еще десяти тысячный корпус, которым начальствовал в этом царстве эмир Карочар-нойон¹²²; таким образом вся эта страна до вод Джейхуна¹²³ стала мне подвластною.

Таково было намерение, которое я принял и исполнил еще в самом начале моего возвышения; и опыт убедил меня, что хорошо обдуманый план несравненно действеннее стотысячного отряда воинов.

Второй план, озаривший истоки моего царства

Вот второй план, составившийся у меня в начале моих успехов.

Когда Туглук-Тимур, вопреки своим обязательствам, снова привел армию в Трансоксанию, он отнял у меня управление этим царством, чтобы отдать его в руки своего сына Ильяса Ходжу, а меня поставил главнокомандующим и советником молодого князя, указывая мне на договор, состоявшийся между Качули-бахадуром и Кабул-ханом¹²⁴, его и моими предками. Из уважения к этому договору я принял начальствование армией.

Когда узбеки начали совершать в Трансоксании величайшие жестокости и невыносимые притеснения, семьдесят сейидов или сыновей сейидов были брошены в оковы. Ильяс Ходжа, потерявший всякую власть, не был в состоянии прогнать этих разбойников и остановить их неистовства. Что касается до меня, то я, стремясь приобрести доверие, стремительно ринулся на узбеков и освободил притесняемых из рук притеснителей. Эта экспедиция была причиной возмущения военачальников Ильяса Ходжи и самих узбеков. Туглук-Тимуру написали, что я поднял знамя восстания; хан, будучи слишком доверчив, послал приказание умертвить меня, но это последнее попало в мои руки. Видя всю громадность опасности, я собрал вокруг себя храбрую молодежь из племени барлас, которую я привлек на свою сторону. Первым, принесшим мне клятву повиноваться, был Ику-Тимур, вторым эмир Джаку-Барлас. Затем и другие храбрецы, побуждаемые движением своего сердца, добровольно стали под

моим знаменем. Когда жители Трансоксании узнали, что я решил напасть на узбеков, вельможи и народ не замедлили покинуть их ряды и присоединиться ко мне. Ученые и высшее духовенство издали постановление, утверждавшее изгнание и ниспровержение узбеков.

Многие начальники орд и племен присоединились еще ко мне в этом предприятии. Это постановление и это воззвание, данные письменно, были выражены в следующих словах: «Следуя поведению и примеру праведных халифов (будь Бог милостив к ним!), воины, и народ, и духовенство из уважения к великим достоинствам Тимура, полярной звезды могущества, возвели этого эмира на царство. Они обещают не шадить своего состояния и своей жизни на то, чтобы истребить, изгнать, победить и уничтожить партию узбеков, этих ненавистных притеснителей, которые простерли свои жадные руки не только на движимость, на имущества и владения, но даже на честь и законы мусульман. Мы клянемся соблюдать условия этого договора. Если когда-нибудь мы нарушим эту клятву, то пусть мы потеряем покровительство Бога и подпадем из-под его власти во власть Сатаны!»

При виде этого постановления я возгорел желанием начать войну и сечу и двинуть войска на узбеков, чтобы несчастные отомстили своим тиранам; но изменники, узнав о моей тайне, разоблачили ее.

Я заметил, что если бы сам я остался в Самарканде, начав войну с узбеками, то жители Трансоксании могли бы нарушить свое слово. Итак, я решил оставить город и ждать в горах, пока союзники присоединятся ко мне, чтобы со значительными силами выступить на врага.

Уезжая из Самарканда, я имел не более шестидесяти всадников в своей свите, и я убедился тогда, как благоразумно я поступил. Целая неделя уже протекла, а никто еще не являлся. Я решил идти к Бадахшану, чтобы заключить союз с князьями этого города. По пути я приветствовал благочестивого пустынного эмира Кулала, который благоволил лично предписать мне образ действий, коему я должен был следовать; он рекомендовал мне обратить особое внимание на Хорезм, а я обещал годичный ему доход с Самарканда, если

мне посчастливится победить узбеков. Этот почтенный человек произнес молитву о победе и отпустил меня.

Когда я оставлял эмира Кулаля, все мое прикрытие состояло еще только из шестидесяти всадников. Извещенный о моем прибытии в Хорезм Ильяс Ходжа, государь Трансоксании, предписал Текель-бахадур, правителю Хивы, напасть на меня и уничтожить.

Текель выступил в поход с тысячей всадников. Я имел тогда на своей стороне эмира Хусейна, который, встретив меня на пути, присоединился ко мне. Я осмелился со своим маленьким отрядом стать против врага. Дело началось, и я сражался так храбро и с такою яростью, что из тысячи всадников Текеля уцелело только пятьдесят, а из своих шестидесяти я сохранил только десять, но счастье было на моей стороне. Узнав о моих успехах, Ильяс Ходжа и эмиры Джете говорили про себя: «Тимур удивительный человек; Всемогущий Бог и счастье на его стороне». Эта победа была для меня счастливым предзнаменованием, и узбеки затрепетали при виде моих успехов.

Третий план — устройства моего государства

В плачевных обстоятельствах, когда, по-видимому, мое счастье было расшатано до основания, когда около меня оставалось только десять воинов (семь всадников и три пехотинца), не отказавшихся разделить мои несчастья, я не падал духом. Я посадил с собой на лошадь свою жену, сестру эмира Хусейна, и мы, поблуждав по пустыне Хорезма, однажды ночью остановились наконец возле колодца. Три вероломных хорасанца, воспользовавшись темнотою ночи, убежали с тремя из наших лошадей, и на семь человек, не покинувших меня, осталось только четыре лошади. Мое мужество возрастало с несчастьями; не давая заметить своей ошибки, я только старался поправить ее. Лишь только я снова отправился в путь, как Али-Бек, напав и захватив нас, бросил меня в темницу, полную гадов. Стража бдительно охраняла двери этой отвратительной тюрьмы, в которой я пробыл 62 дня. Обдумав средства к побегу, я с помощью Всемогущего, оду-

шевленный храбростью отчаяния, вырываю меч у одного из стражей, бросаюсь на них, и эти телохранители бегут, покинув свой пост. Тотчас же я отправляюсь к Али-Беку; он, пристыженный своим бесчестным поступком по отношению ко мне, смущается и просит у меня извинения. Он мне возвращает моих лошадей и оружие и присоединяет к ним чахлую клячу и никуда не годного верблюда, прося меня принять их. Его брат Мухаммед-Бек прислал мне несколько подарков. Али-Бек, в котором эти подарки возбудили алчность, взял часть их себе и отпустил меня. Я углубился в пустыню, сопровождаемый двенадцатью всадниками. На второй день пути мы встретили жилище и остановились там на отдых. Лишь только я укрылся в одном из домов, как толпа туркмен с криком осадила его. Моей первой заботой было спасти жену. Я запер ее в доме и сам отталкивал эту толпу. Вдруг один туркмен узнал меня и закричал: «Это Тимур». Тотчас же он остановил сражавшихся и бросился к моим ногам: я принял его с радостью и возложил ему на голову свою чалму; и с этого момента он и его братья навсегда остались беззаветно мне преданными.

Четвертый план,
возникший на заре моего могущества

Составлен в первое время моих успехов. Когда я увидел себя во главе шестидесяти всадников, я стал опасаться, чтобы мое пребывание в этом округе не подвергло меня вероломству народа и чтобы кто-нибудь не уведомил узбеков о положении моих дел. Я думал, что будет более безопасно уйти оттуда и стать лагерем в пустыне, вдали от всякого жилья, в ожидании, пока успеет собраться войско, которое служит основанием могущества.

Оставив эту страну, я отправился к Хорасану и на пути встретил Мубарек-шаха, правителя Махана. Он присоединился ко мне с сотней всадников и дал мне много отличных лошадей. Кроме того, ко мне прибывали потомки пророка и другие туземцы. Наконец я собрал в этой пустыне отряд из 200 человек, как всадников, так и пехотинцев. В это время сейид Хасан, Мубарек-шах и сейид Зияуддин сделали мне

следующее предложение: «Оставаться в этой стране значило бы дожидаться того, как наш маленький отряд станет разбегаться. Завладеем какой-нибудь областью и утвердим там свое местопребывание».

Подумав обстоятельно над этим, я отвечал: «Вот мой план: Двинуться к Самарканду; вас я размещу по соседним с Бухарой городам, а сам, объезжая окрестности Самарканда, войду в сношение с народом разных племен и постараюсь расположить их к себе. Когда же соберу войско, то позову вас, и мы вместе произведем нападение на окрестности Джете, на их правителя Ильяса Ходжу и покорим Трансоксанию». Мой ответ был единодушно одобрен, и по прочтении первой главы Корана для божественного покровительства я занялся исполнением моего плана.

Я начал с того, что разместил моих 200 человек в окрестностях Бухары, где я укрыл свою жену, сестру эмира Хусейна, а сам затем отправился в Самарканд. Тамука каучин¹²⁵, попавшийся мне на пути с пятнадцатью всадниками, пожелал присоединиться ко мне. Я сообщил ему свои планы и послал его к Мубарек-шаху. Вошедши в сношения с племенами, я привлек на свою сторону 2000 человек, готовых следовать за мной, как только я подниму в Самарканде знамя могущества.

Проникнув в этот город, благодаря темноте ночи, я укрылся у Кутлуг-Туркан-ага, моей старшей сестры. Дни и ночи проводил я, обдумывая и размышляя. В течение 48 дней я оставался неузнанным, но один из жителей города, узнав о моем возвращении, задумал открыть меня.

Опасность была крайняя, и я ночью бежал с пятьюдесятью всадниками. При выходе из Самарканда я в сопровождении толпы пехотинцев направился в Хорезм. Мы встретили по дороге табун лошадей, принадлежавший туркменам; я захватил их, чтобы посадить на них своих воинов.

Прибыв в Ачиги, я расположился лагерем по склону холма, возле реки Амударьи. Здесь произошло свидание с моей семьей, Мубарек-шахом, сейидом Хасаном и со всеми теми, кого я разместил в окрестностях Бухары. Тимур-Хаджи-оглан и Бахрам джалаир, прибывшие со своими отрядами, также вступили к нам в союз. Увидев, что мой отряд возрос до тысячи всадников, я подумал о средствах употребить

его в дело, и повел к Бахтарзамину¹²⁶ и Кандагару, которые и подчинил своей власти.

Пятый план, осуществленный во время похода

На пути к Кандагару и Бахтарзамину мы стали лагерем на берегу Хирменда. Там я построил себе жилище и поселился в нем, чтобы дать время воинам отдохнуть. В то время как я находился на берегах этой реки, явились жители и воины области Гармсир¹²⁷. Около тысячи тюрков и туземцев также пришли с предложением своих услуг, и область Гармсир приняла мои законы. Между тем я решил вторгнуться в Сеистан. Узнав о моем замысле, правитель этой области прислал мне значительные подарки, прося моей помощи. «Я, — говорил он, — подавлен своими врагами. Они захватили мою страну и взяли уже семь крепостей. Если вы укоротите руки моих врагов, я выплачу вашим воинам шестимесячное жалованье».

Я понимал, насколько было бы выгодно для меня обратить свое внимание на Сеистан. Когда из семи крепостей, бывших в области врагов, я возвратил пять, в сердце правителя Сеистана проник страх, и он заключил дружественный союз с собственными врагами; они пришли к следующему заключению: «Если эмир Тимур будет находиться в этой стране, то Сеистан перейдет из наших рук к нему». Собрав воинов и народ всей этой области, они напали на меня.

Нарушением своего слова этот правитель поставил меня в ужасное положение. Однако я вышел навстречу и дал сражение. В деле одна стрела пронзила мне руку, другая ногу; в конце, однако, победа осталась за мной.

Заметив, что климат этой страны вредно действует на мое здоровье, я отправился в Гармсир, где и пробыл два месяца, пока не излечился от ран.

Пожив в Гармсире и излечившись от ран, я составил проект, как поселиться в горах области Балха и снарядить армию для завоевания Трансоксании. Увлеченный этою мыслью, я оседлал коня и отправился в сопровождении только сорока всадников, но все они были потомками знатных старейшин и эмиров. Я возблагодарил Всемогущего за то, что, несмотря на мои несчастья, лишенный денег и припасов, я, однако,

имел в своем распоряжении таких храбрых воинов. Я говорил себе тогда: «Всевышний покровительствует моему делу, если подчиняет мне людей, равных со мной по рождению».

Я достиг подошвы горы и встретил Садык-Барласа, искавшего меня. Он привел мне пятнадцать всадников, и я принял его за счастливое предзнаменование.

Первые дни после нашего соединения были посвящены охоте, а затем мы продолжали путь. Я заметил на вершине одной горы отряд, который увеличивался с каждым мгновением. Я тотчас остановился и послал гонцов собрать верные известия. Они вмешались в толпу и, возвратившись, сказали мне: «Это Казанчи-бахадур, старый слуга эмира Тимура. Он оставил с двумястами всадников армию Джете и теперь ищет своего господина». Восхищенный этим событием, я простерся на земле, чтобы возблагодарить Всевышнего, и велел позвать этого верного слугу. Он тотчас же явился, бросился к моим ногам и целовал их; я благосклонно поднял его, возложил на его голову свою чалму, и мы пошли вместе с ним к долине Арзоф.

Прибыв туда, мы поставили пикеты; на следующий день я объехал долину верхом. На середине ее находилась возвышенность, на которой воздух был превосходный; я расположился на ней, а воины раскинули свои палатки вокруг.

Следующая ночь была ночью молитвы, и я провел ее, не смежая век. На рассвете я начал читать молитву. Окончив ее, я с мольбой воздел руки к небу и умилился до слез, прося Всемогущего о помощи и избавлении меня от несчастий. Не успел я кончить еще своего воззвания, как заметил вдали отряд, проходивший мимо холма. Я сел на лошадь и приблизился достаточно близко, чтобы хорошо рассмотреть его. Это был отряд конницы из семидесяти человек. «Воины, — спросил я, — куда держите путь?» Они отвечали мне: «Мы слуги эмира Тимура. Мы ищем эмира, но, увы, не можем найти его». — «Я также слуга этого эмира, — сказал я им. — Я буду вашим проводником и сведу вас к нему». Один из них, прищпорив коня, поспешил уведомить об этом своих начальников. «Мы нашли, — вскричал он, — проводника, который предлагает привести нас к эмиру Тимуру». Эти последние поворотили своих коней и приказали привести меня к себе.

Отряд состоял из трех частей, первой начальствовал Туглук-Ходжа барлас, второй Сайффуддин, третьей Тубак-бахадур. Увидев меня, эти начальники, пораженные, слезли с коней, упали на колени и целовали мое стремя. Я также сошел и простер над ними свои руки. Я возложил свою чалму на голову Туглук-Ходжи, опоясал своим поясом, драгоценным по отделке и золоту, эмира Сайффуддина и накрыл халатом своим Тубак-бахадура. Они были весьма взволнованы. Я тоже был взволнован. Настало время молиться, и мы все совершили молитву. Затем отправились в мой лагерь, собрали людей и устроили пир. Назавтра пришел и Шир Бахрам, который ранее по молодости отделился от меня и ушел, мечтая о землях Индостана. Раскаявшись в содеянном, он просил у меня прощения. Я обнял его и был столь милостив, что он совершенно избавился от смущения.

Шестой план

Моя армия, которой я сделал смотр, простиралась до 313 человек конницы, и я решил овладеть какой-нибудь крепостью, которая служила бы мне опорой и убежищем. Я решился овладеть крепостью Аладжу, где был начальником в то время Менгли-Буга сульдуз из партии Ильяса Ходжи; мне нужно было сделать там склад багажа, съестных припасов и провианта.

Когда я приближался к этой крепости, Шир Бахрам, который был связан старинной дружбой с комендантом, обещал мне привлечь его на свою сторону, если я позволю ему вступить с ним в переговоры. Однако вскоре по прибытии к стенам Аладжу Бахрам известил меня через гонца, что Менгли-Буга сделал ему следующие возражения: «Эта крепость, — сказал он, — доверена мне Ильясом Ходжой. Открыть ворота эмиру Тимуру значило бы разом изменить храбрости и верности». Он отказался сдать крепость.

Но судьбе было угодно, чтобы при тревожных слухах о моих силах и походе страх охватил его душу, так что он оставил свой пост и обратился в бегство. 300 воинов из племени джаун, которые защищали крепость и раньше были мне совершенно преданы, опять поступили в мою службу. Когда

я прибыл в долину Суф, то Имлис, грабивший окрестности Балха, узнав о моем приходе, присоединился ко мне с двумястами всадников; любезный прием оказанный ему мною, ободрил его.

Отсюда я послал Тамуке-бахадур и трех всадников на другую сторону реки Термез, чтобы навести справки об армии Джете и разведать о его намерениях. Тамуке, возвратившись через четыре дня, уведомил меня, что эта армия, заняв область Термеза, совершила там всевозможные грабежи и жестокости. Получив эти известия, я укрылся в ущелье Дерегез, выжидая удобного случая для нападения на врага. Приготовившись вступить в это ущелье, я расположился лагерем на равнине Илчи-Буга на берегу Джейхуна. Лишь только Ильяс Ходжа узнал об этом, как тотчас же направил против меня свои войска. Между тем я узнал, что пятеро эмиров, составивших часть военных сил Джете, отложились от начальников этой армии и удалились в старый Термез со своими отрядами.

Тулан-Буга, уполномоченный ими, явился ко мне с предложением союза, говоря, что эти эмиры приведут ко мне 100 всадников, готовых служить под моими знаменами.

Я смотрел на их приход, как на счастливое предзнаменование. Эмиры советовали мне ночью напасть на армию Джете. Я сел уже на лошадь, когда мне возвестили, что она приближается. Я тотчас же построил свои войска в боевой порядок, приготовившись хорошо встретить нападающих, от которых меня отделяла река.

Лучшее, что я мог тогда сделать, было начать с ними переговоры, чтобы утишить их ярость и привлечь их на свою сторону. Я обратился с речью к предводителю; он одобрил мои доводы, но прочие офицеры, не разделявшие его мнения, подали голос за сражение; это привело меня в негодование, и я построил свои войска.

Седьмой план — поражения армии Джете

Я сказал себе: нужно опасаться, чтобы многочисленные враги не сглазили моих воинов. Но в то же время во мне заговорило самолюбие. «Так как ты, — кричало оно мне, — вступил на путь к завоеванию могущества, то ты не имеешь теперь

другого средства, кроме оружия. Тебе остается только выбор между победой и смертью».

Когда я принимал это решение, то заметил, что враги, разделившись на три отряда, стремились начать сражение. Я тотчас же разделил свое войско на семь частей, чтобы постепенно вводить их в атаку. Когда пламя разрушения свирепствовало во всей своей силе, я приказал передовому отряду пустить град стрел.

Я приказал воинам, составлявшим фронт моего правого и левого крыла, выдвинуться вперед и сам поддерживал их, находясь во главе задних шеренг их обоих. При первой и второй атаке я смял отряд эмира Абу-Сеида, главнокомандующего Джете. В то же время Хайдар-Андухуд и Менгли-Буга бросились в свалку; я поспешил против них и первым же натиском рассеял их отряды. Наконец все враги были опрокинуты и обращены в бегство.

Восьмой план — приобретение авторитета

После этой победы в Туране разнесся слух, что самолюбивое стремление к царской власти составляет единственную причину моих подвигов. Чтобы укрепить за собой власть, я повсюду расточал благодеяния и выказал свою щедрость тем, что разделил воинам сокровища, скопленные мною и заключавшиеся столько же в деньгах, сколько и в ценных вещах.

Так как мое войско было в изобилии снабжено провиантом, то я построил его в боевой порядок, и мы пошли к берегам Джейхуна, через который переправились у Термеза. Я пробыл здесь несколько дней в ожидании гонцов, посланных мною в окрестности форта Кахалке, который намерен был захватить.

Ильяс Ходжа, услышав о моем походе, послал против меня Алчун-бахадур с громадным войском; мои разведчики по небрежности заснули, враги, пройдя мимо них, сделали несколько ночных переходов и, благоприятствуемые темнотою ночи, захватили нас врасплох.

Место, где я стал лагерем, представляло полуостров, с трех сторон омываемый водами реки. Однако много палаток бы-

ло раскинуто там и сям на полуострове; они-то и подверглись первой ярости нападающих. Но солдаты поспешили их оставить, чтобы спастись в лагере.

Я быстро оправился настолько, что мог вступить в сражение, и расположился при входе на полуостров. Противники, пораженные ужасом, не стремились вступить в сражение. Я охранял этот пост целых десять дней и отступил только для того, чтобы разбить палатки на берегу реки, где я оставался целый месяц в виду врагов. Когда, наконец, страх принудил их отступить, я перешел реку и расположился в лагере, только что покинутом ими, в то же время я позаботился послать отряды для преследования беглецов.

Девятый план — утвердить свою власть

Победитель армии Джете, я признал своевременным направиться в область Бадахшана, чтобы завладеть ею и расширить таким образом свои владения. Приняв такое решение, я покинул берега Джейхуна и расположился лагерем под стенами Хулма в Тохаристане¹²⁸.

Мой шурин эмир Хусейн приехал ко мне, и мы устроили ряд празднеств, чтобы ознаменовать его счастливое и желанное прибытие. После того я окончательно решил повернуть в сторону Бадахшана.

Прибыв в Кундуз, мы пробыли там до тех пор, пока племя юрулдай¹²⁹, собравшись, не присоединились к нам. Затем я роздал почетные одежды, чтобы воодушевить всех этих воинов.

Извещенные о расположении моих отрядов, князь Бадахшана начали готовиться к войне, но я решил подавить их, прежде чем они успеют соединить свои отряды; форсированным маршем я достиг города Талькана.

Мое приближение принудило князей обратиться к мирной политике; они явились просить союза со мною, и я был очень доволен своею проницательностью, видя успех мер, которые я принял. Наконец мое владычество распространилось на область Бадахшан, и большая часть войска этой страны добровольно стала под мои знамена.

Десятый план — распространять мою власть

Подчинив своей власти князей Бадахшана, я направил свой путь в сторону Хутталяна. Я уже вступил в него, как вдруг узнал, что Булад-Буга и Шир Бахрам отложились от меня; оскорбленные поведением эмира Хусейна, который нехорошо обошелся с ними, они возвратились в свои владения.

Я остановился на некоторое время на пастбищах равнины Кулак: отсюда я послал лазутчиков разузнать что-нибудь достоверное об армии Джете и об Ильясе Ходже.

По истечении десяти дней мои лазутчики донесли мне, что эмиры этой армии во главе 20 000 всадников расположены лагерем, который простирается от Халати до моста Пул-и сангин¹³⁰.

Они отправили ко мне посла с поручением хорошенько исследовать мою позицию и состояние моей армии; я приказал своему войску два раза пройти перед ними церемониальным маршем и отпустил его.

Я очень желал последовать за этим послом, но мои войска отказались исполнить мое желание. Поразмыслив, решил сразу выступить вслед за послом. Но воины не проявили единодушия в этом предприятии. Для сплочения ратников я решил к одним проявить милость и заботу, с другими просто сговориться, а третьих склонить к себе богатством, остальных же — клятвами, ласковым словом и обещаниями.

Между тем разнесся слух, что двое из моих прежних слуг идут против меня во главе 6000 всадников Джете. Эта новость, дойдя до слуха моих воинов, вселила страх в их души, и они впали в уныние. Однако четыре эмира, недоступные страху, остались возле меня.

Одиннадцатый план,
как вселить единодушие в сердца моей армии

Внимательно разведав образ мыслей четырех эмиров, о которых я только что говорил, я убедился в их верности; затем я увлек их обещанием, что они разделят со мною все выго-

ды успеха, так что они стали точно исполнять все мои приказания.

Потом я обратился к тем, которые упорно отказывались выступить в поход; я говорил с ними с каждым отдельно: людей, в которых я замечал склонность к скупости, я осыпал щедрыми подарками и жаловал управление завоеванными областями тем, которые домогались почестей.

Но чтобы постоянно держать их между страхом и надеждой, я назначил каждому преемника или наместника.

Провианта и одежды было достаточно для того, чтобы поднять дух войска; ласковые речи и открытый вид окончательно склонили его на мою сторону; высокое значение, которое я придавал его услугам, доставило ему столько удовольствия, что все возмущившиеся, так же как и покорные, присоединились ко мне, клянясь в безусловном повиновении и преданности во всех испытаниях.

Уладив затруднения, причиненные мне разногласием в армии, я решил сразиться с Ильясом Ходжой. Я не предпринял никаких других мер, кроме форсированного марша, чтобы подавить его, прежде чем он успеет узнать что-нибудь о моих движениях.

Ободренный этим счастливым знамением, я выстроил свою армию; я разделил ее на семь отрядов, и мы немедленно выступили в поход. Утром мы встретили двух моих прежних служителей, которые шли против меня и которые составляли авангард вражеского войска. После второй нашей атаки они обратились в бегство, и я преследовал их до моста Пул-и сангин, где расположился Ильяс Ходжа.

Ночь, захватившая нас, заставила меня раскинуть палатки. Однако пока поле битвы еще не остыло, я решился тотчас же напасть на князя Ильяса Ходжу, находившегося в окрестностях с 30-тысячной армией.

Выжидая более долгое время, я подвергал себя опасности быть вынужденным искать посторонней помощи; хотя лагерь эмира Хусейна и находился невдалеке позади меня, я, однако, не хотел прибегать к нему. Моих мер было достаточно для того, чтобы обратить в бегство армию Ильяса Ходжи.

Двенадцатый план — рассеять войско Джете
и Ильяса Ходжи

Первым делом я замыслил все войско Ильяса Ходжи сосредоточить в одном месте при помощи моих победоносных полков. С этой целью я поместил 2000 всадников, предводительствуемых тремя офицерами, около моста напротив Ильяса Ходжи. Сам же я, переправившись через реку с пяти тысячным отрядом конницы, занял высоты, которые господствовали над позицией врагов, и ночью приказал зажечь громадный костер.

Вид пламени, присутствие грозной армии, расположенной при входе на мост Пул-и сангин, — все это так устрасило воинов Джете, что они всю эту ночь бодрствовали, не смея прилечь для отдыха. Что до меня, то я провел ее на холме, простершись ниц перед тронем Создателя миров и призывая с тысячей благословений память пророка, его потомков и его сподвижников. В забытьи я услышал чей-то голос, произнесший: «Тимур, победа и торжество останутся за тобой».

На заре я со всем отрядом совершил молебствие. В то же время я увидел, что Ильяс Ходжа и его эмиры на конях отступают повзводно. Мои полководцы и воины стали просить позволения немедленно их преследовать, но я предпочел выждать и узнать, не было ли какого-либо замысла в этом обращении в бегство.

Они отошли на расстояние четырех фарсангов и затем остановились. Я ясно понял, что они хотели завлечь меня в равнину и там завязать сражение.

Эмиры авангарда, которых я обратил в бегство, получили строгий выговор от своего господина Ильяса Ходжи.

Неприятели, видя, что я не двигаюсь с занимаемых мною высот, не сомневались более, что я проник в их намерение, и возвратились, чтобы атаковать меня. Я тотчас выстроил свое войско у подошвы горы, чтобы иметь возможность дать битву, но, подступив к скалам возвышенности, войско Джете остановилось. Я тотчас приказал своим стрелкам пустить град стрел, и это произвело сильное действие. Так как наступила ночь, то враги, не имея времени предпринять что-либо,

стали лагерем у подошвы холма, надеясь блокировать меня. В течение ночи я предложил своим полководцам разделить войско на три отряда с тем, что я сам поведу их в битву. Мое предложение было одобрено всеми. Перед рассветом я сел на коня, и мы сделали нападение с четырех сторон.

Воины Джете были рассеяны, прежде чем успели соединиться; с той и другой стороны было убито несколько человек. Войско Джете отступило, восклицая «Бежим!», и оно тотчас же показало тыл. Так как я очутился близ Ильяса Ходжи, то крикнул ему несколько слов. Звук моего голоса возбудил в князе ярость; он собрал свои рассеянные полки и снова повел их в атаку.

Сражение длилось до восхода солнца. Колчаны опустели. Наши противники отступили и в величайшем беспорядке возвратились в свой лагерь. Не желая больше преследовать их, мы остались на том же месте, где и были. Устрашенная таким образом, армия не осмелилась уже завязать второе сражение; мои воины рассыпались вокруг лагеря Ильяса Ходжи, а я сам так сильно беспокоил и утомлял его, что он был принужден перейти воды Ходжента. Тогда я перестал преследовать его и возвратился в Трансоксанию, чтобы воспользоваться своею победою. Я думал, что первое, чем я должен был заняться, было увериться в покорности и верности эмиров, хорошо создававших свои силы и могущество и весьма склонных считать себя выше равных себе.

Я объявил участником своего успеха эмира Хусейна, моего шурина, который только что поднял знамя владычества в Трансоксании.

Я относился к нему с большим вниманием, но, несмотря на изъявления дружбы, которые выказал мне этот князь, он всегда сохранял ко мне чувство зависти и злобы.

Он пламенно желал, чтобы я возвел его на трон Трансоксании. Так как я не имел к нему никакого доверия, то привел его на могилу досточтимого Шемс ад-дина. Там мы обещали друг другу взаимную дружбу; он уверял меня, что никогда не нарушит своих обязанностей. Три раза клялся он Кораном. Впоследствии он нарушил свою клятву, и его клятвопреступление предало его мне. Шейх-Мухаммед считал себя могущественным властителем; я достиг того, что привлек его

на свою сторону, так же, как и семь родов, признавших его власть; я дал области в управление эмирам этих родов.

Шир Бахрам, покинувший меня, продолжал жить независимо среди своего племени. Тем не менее, уступая выгодным предложениям, которые я ему сделал, он возвратился в мое подданство со всем своим племенем. Вступив в число моих слуг, этот эмир также получил область.

Эмир Хусейн, приходившийся мне родственником, никак не мог быть моим искренним другом, несмотря на все расположение, которое я ему выказывал. Он осмелился захватить у меня силою области Балх и Хисар. Из уважения к его сестре, моей жене, я все не хотел платить ему злом, и мое поведение произвело такое впечатление на неприятельских военачальников, что они добровольно перешли на мою сторону. Но эмир Хусейн, неуклонно стремясь к своей гибели, истоштал все свои хитрости на то, чтобы строить мне козни; наконец я решил оружием усмирить его.

Я покорил Туран и освободил Трансоксанию от грабительства узбеков; однако многие военачальники племен не признавали еще моей власти; каждый из них хвастался независимостью перед своими вассалами; некоторые из подчинившихся мне говорили: «Раз уж мы все сотоварищи в управлении государством, то их тоже следует признать компаньонами государства». Но эти речи не охладили во мне стремления к верховной власти.

«Так как Бог только один, — говорил я сам себе, — а не имеет себе товарищей, то и правитель государства должен быть также один».

В эту самую минуту Баба-Али-Шах, подошедши ко мне, сказал: «Тимур! Всевышний объявил, что если бы на небесах или на земле было два Бога, то порядок Вселенной нарушился бы». Слова этого святого укрепили меня в моем решении. Я решил почерпнуть предсказание в Священной Книге, и мне выпал следующий стих: «Мы назначили тебя наместником на земле»¹³¹. По прочтении этого места, которое я считал для себя весьма благоприятным, я обратил все свои усилия на то, чтобы смирить эмиров, выразивших притязания на разделение со мною славы и могущества.

Я начал с того, что отправился к эмиру Хаджи Барласу, которого я скоро склонил на свою сторону. Что до эмира

Шейх-Мухаммеда, он всегда предавался пьянству и от этого умер.

После его смерти его область перешла в мою власть. Я послал предостережение эмиру Баязиду джелаиру, правившему областью Ходжента, но он не обратил на него внимания. Немного спустя его племя взбунтовалось против него, и он был приведен ко мне в оковах. Ласки, которыми я его осыпал, заставили его краснеть за свое прежнее поведение.

Илчи-Буга сульдуз поднял знамя независимости в Балхе; я удовольствовался тем, что противопоставил ему эмира Хусейна, провозглашавшего, что этот город — столица его предка Казагана. Мухаммед Ходжа Аперди из племени найман, захватив область Шипурган, объявил себя моим врагом, а я, дав ему другую область, сделал его своим верным слугой.

Князя Бадахшана, правившие этой страной, объявили мне войну. Я употребил по отношению каждого из них такую тонкую политику, что они рассорились, напали друг на друга и кончили тем, что возвратились в мое подчинение. Кейхосрау и Ульджайту Аперди владели областью Хутталян и городом Арханг (Сарай)¹³². Я послал подкрепление Кейхосрау, чтобы он мог захватить владения своего противника, который тотчас же прибегнул к моему покровительству.

Эмир Хизр ясаури, подкрепляемый своим племенем, завоевал область Ташкента. Я постарался тогда восстановить согласие между Ульджайту Аперди и Кейхосрау; я дал им военные отряды для того, чтобы разбить племя ясаури. Их начальник, растерянный, пришел просить у меня защиты.

Спокойствие, водворенное мною в Трансоксании, бывшей до того добычей опустошения, увеличило значение моей армии. Племя барлас приобрело славу, а мои подвиги доставили известность войску царства Чагатая. Я предписывал законы всем коленам, воинам и народам Трансоксании; только несколько крепостей, подчиненных эмиру Хусейну, не признавали еще моей власти. Когда эмир Хусейн увидел восхождение величия и славы моего государства, в нем разыгралась зависть, и, нарушив свои клятвенные обеты, он поднял против меня знамя вражды. Он начал неприятельские действия; тем не менее я сделал попытки к примирению; он не удостоил их никакого ответа и под видом притворного добродетельства захватил у меня крепость Карши.

Для защиты крепости Карши он назначил эмира Мусу с семью тысячами всадников. Вдобавок послал к нему еще пять тысяч конников. Не довольствуясь этим, он пожелал убить меня. Поэтому во мне разыгралось чувство гордости за государство и подтолкнуло меня к решению отобрать у него крепость Карши. Некоторые мои эмиры советовали осуществить поход и захватить крепость с ходу. Я начал строить планы битвы и посчитал, что при захвате крепости меня ожидает несколько опасностей. Я призадумался: если я решусь взять крепость с ходу, а моему войску будет нанесен внезапный удар, тогда что? Я предвидел и другие опасности этого предприятия. Поэтому наметил план сражения следующим образом: чтобы усыпить бдительность защитников крепости Карши, подамся в сторону Хорасана, а затем ночью, тайком, вернусь назад, совершу внезапное нападение на крепость и завладею ею. Поэтому я снялся с места и направился в сторону Хорасана.

Когда я переправился через Амударью, я встретил караван, шедший из Хорасана в Карши. Начальник его предложил мне подарки; я расспрашивал его о положении князей Хорасана и сказал, что иду в эту область. После этого я его отпустил, но предварительно принял предосторожность, приказав шпиону вмешаться в толпу, составлявшую караван; я ожидал его на берегу реки. Возвратясь, он донес мне, что обо мне сказали эмиру Мусе: «Мы встретили на берегу Амударьи эмира Тимура; он идет в Хорасан». Это известие наполнило радостью сердце Мусы и воинов эмира Хусейна. Они обрадовались и предались увеселениям и пиршествам.

При этом известии я снарядил 243 отборных воина, столь же опытных, сколь и храбрых, и во главе их переправился обратно через реку; форсированным маршем я достиг Ширкента, где провел один день и одну ночь; двинувшись оттуда, я расположился лагерем в расстоянии одного фарсанга от крепости Карши. Я отдал приказ приготовить лестницы, связанные веревками. Между тем эмир Джаку преклонил колени и молвил: «Часть воинов отстала, надо подождать их прихода».

Я последовал этому совету и решил употребить время, оставшееся до прибытия остальных отрядов, на исследование крепости.

В сопровождении сорока всадников я направился к крепости, и, как только она показалась, мы остановились; взявши с собой только Мубашира и Абдаллу, служителей, родившихся и выросших в моем доме, я отправился к самой крепости. Подойдя к крепостному рву, я увидел, что он наполнен водою. Поверх рва был проведен деревянный желоб, пересекавший его поперек и доставлявший в крепость воду. Я передал коня одному из моих спутников и, перешедши ров по желобу, подошел к подножию крепости. Я отыскивал ворота и постучал; так как никто не откликнулся, я убедился, что стража заснула. Враги имели предосторожность засыпать ворота землю. Не будучи в состоянии войти, я обошел крепость кругом, чтобы найти удобное место для подставки лестницы, затем я сел на лошадь и возвратился к своим воинам. Отряд, оставленный позади, был снабжен всякими орудиями, и я лично привел его ко рву, который мы перешли по желобу; когда лестницы были укреплены у основания стены, воины быстро стали влезать на нее: сорок храбрецов вошли в крепость, а я следовал за ними; затрубили в трубы, и я, благодаря Всемогущему, овладел крепостью.

Эмир Хусейн, чтобы вознаградить только что понесенную потерю, прибегнул к хитрости и притворству; он хотел под личиной искренности и дружбы завлечь меня в свои сети. Чтобы избежать козней этого изменника, который не пренебрегал ничем, лишь бы овладеть моей особой, я прибегнул к таким же средствам.

Замысел плана для избавления
от хитрости и плутовства эмира Хусейна,
вздумавшего полонить меня

Эмир Хусейн поклялся на Коране: «Нет у меня иных помыслов, кроме как соблюдать узы дружбы и родства» — и послал мне тот Коран. Он прибавил еще: «Если мои чувства не соответствуют моим словам, если, презрев свои клятвы, я осмеюсь нарушить свои обещания, то пусть Божественная Книга накажет меня!» Я знал, что он мусульманин, и поверил его словам. Затем прибыл гонец и от его имени просил у меня свидания в долине Чакчак, чтобы возобновить наш прежний

союз. Его намерением было захватить меня изменой. Я хорошо знал, как мало следовало ему доверять, но из уважения к Священной Книге я решил ехать на свидание.

Однако я принял предосторожности и скрыл отряд смелых воинов поблизости ущелья, куда я отправился с другим отрядом.

Я спросил тех из моих друзей, которые служили под знаменем эмира Хусейна, уведомить меня о намерениях господина; Шир Бахрам, бывший в числе их, оказал мне эту услугу. Хусейн, узнав об этом, приказал его умертвить и затем направился навстречу мне с тысячько всадников.

Я спускался в долину, когда узнал о его намерениях. Не медля долее, я построил свой отряд в боевой порядок. В то же время заметили неприятельских гонцов, и мои караульные посты донесли мне, что это отряд эмира Хусейна, но его самого нет. И еще сказали: «Когда он узнал, что ты один, то ограничился посылкой отряда, чтобы захватить тебя». Я был готов так же, как и мои двести воинов, но, выжидая, пока отряд Хусейна вступит в ущелье, я приказал воинам, посланным вперед, отрезать им выходы к отступлению. Затем я напал на врагов, и так как они не находили никакого выхода, то я взял множество пленных; собрав всех воинов, я возвратился в Карши. Тогда я убедился, что друг полезен во всех случаях жизни.

Я написал Хусейну следующие стихи на тюркском языке: «Зефир, скажи этой красавице, раскинувшей сети коварства, скажи ей, не замечала ли она когда-нибудь, что коварство обрушивается на голову человека, задумавшего это коварство?»

Получив это письмо, эмир Хусейн покраснел и понял всю глубину своего позора. Он извинялся передо мною, но он уже потерял мое доверие, и я не обольстился его словами.

План, предпринятый мною
для очищения Трансоксании от остатков
общины узбеков

Вот каковы были мои распоряжения, чтобы очистить Туран от последних узбеков, пощаженных оружием.

Когда армия Джете и Ильяса Ходжа очистила Трансоксанию, как только я прогнал ее за реку Ходжент, многочислен-

ные отряды узбеков утвердились в фортах этого государства. Я бы, конечно, послал против них войско, но побоялся, что эта война слишком затянется.

Узнав, что узбеки заперлись в своих укреплениях, я понял, что было бы неразумно открыто напасть на них, и я употребил хитрость.

От имени их начальника Ильяса Ходжи я написал им приказание выступить и письмо поручил одному узбеку, дав ему в сопровождение отряд. Эти воины должны были поднять большое облако пыли, чтобы быть лучше замеченными.

Враги, прочитав приказ Ильяса Ходжи, который отзывал их, и видя облако пыли, поднятое отрядом, покинули укрепления, но из предосторожности выступили под покровом ночи. Таким образом освободилась Трансоксания от притеснителей, которые клялись погубить меня; и это царство совершенно покорилось мне. Из уважения к узам кровного родства я отдал эмиру Хусейну город Балх и Хисар-Шадаман. Но этот князь, нечувствительный к моему великодушию, думал только о том, чтобы погубить меня, и этим принудил меня стараться погубить его самого.

Блеск моих побед и торжеств разжег его зависть. Не было неприятности, которую он не постарался бы причинить своей сестре, жене моей. Этот ожесточенный враг ничего не забывал, лишь бы только погубить меня. Много раз дело доходило до столкновений, и столько же раз он терпел неудачу. Я уже не мог больше выносить его крайней жестокости и его неприязненности, когда, возмущенные его поведением военачальники его, также недовольные им, как и я, покинули его. Он умертвил брата правителя Хутталаяна, и этот последний возмутился.

Его эмиры давно уже были его самыми заклятыми врагами, так что он не мог уже рассчитывать на их дружбу. Все еще полный замыслов, направленных к моей гибели, он перенес свое местопребывание в местность, лежащую вне пределов Балха. После этого я хорошо понял, что для меня настало время напасть на него, прежде чем он успеет сделать какое-либо новое передвижение. Собрав всех воинов, какие только были около меня, я выступил с ними в поход. На пути к Балху я видел, как со всех сторон ко мне спешили мои

непобедимые полки; мы стали лагерем близ этого города. Хусейн выступил навстречу, но все усилия были тщетны; вынужденный удалиться в цитадель, он подвергся участи, которая была ему предназначена.

Все те, которые старались вредить мне, теперь не без основания опасались меня, ибо, бросив взгляд на свое прежнее поведение, они не могли надеяться на мое снисхождение. Тем не менее вот как я обошелся с ними.

План для обращения на свою сторону эмиров, опасавшихся, что я подвергну их казни за содеянное ими, и ответственных за причиненное мне зло

Когда эмир Хусейн попал в мои руки, его слуги и военачальники боялись, чтобы я их не осудил на смерть. Это и было сначала моим намерением, но так как они все умели владеть оружием, то я предпочел пощадить их и зачислил в свои полки.

Главнокомандующий Хусейна, правивший Бадахшаном, много раз поднимал против меня оружие. Узнав о смерти своего господина, он побоялся моего гнева и и держался смиренно. Поэтому если бы я послал войско для его поимки, то совершил бы опрометчивый шаг.

Я сделал вид, что забыл о нем, и предпринял следующее: постоянно вспоминал его добрыми словами на советах, собраниях и пиршествах, хвалил его мужество и доблесть, покуда его друзья не написали ему о том, что «Тимур расположен простить тебя и примет тебя благосклонно». Изъявив мне покорность, этот правитель, вполне доверяя моему благородству, просил меня принять его в число своих приближенных.

План, которому я следовал, чтобы занять Герат, столицу Хорасана

Я завоевал области Балха, Хисар-Шадамана и Бадахшана. Эмир Хусейн был только что умерщвлен. При слухе об этих событиях Гияс ад-дин, владетель Хорасана, стал опасаться за свою столицу. Он собрал армию и принял оборонительное положение.

Благоразумие присоветовало мне усыпить бдительность хорасанцев кажущейся безопасностью. Я сделал вид, что все внимание свое устремил на Самарканд, и вскоре был уведомлен письмом моего доверенного советника, что Гияс ад-дин предался тиранству и совершает невероятные жестокости.

Известие о моем возвращении в Самарканд совершенно успокоило Гияс ад-дина; тогда я сказал себе: «Воспользуюсь моментом, когда хорасанцы не думают обо мне, и нападку на них».

Покинув окрестности Балха с значительным гарнизоном, который я оставил в городе, я с величайшей осторожностью достиг Герата, где захватил врасплох Гияс ад-дина. Этот князь, лишенный всякой помощи, вышел из города и предложил мне свои сокровища, свои владения и царство. Хорасан был покорен, и эмиры области перешли в мое подданство.

План для завоевания Сеистана, Кандагара и Афганистана

По завоевании Хорасана мои военачальники советовали мне послать военные отряды в эти три царства. Я отвечал им: «А что, если при помощи одного войска цель не будет достигнута? Тогда мне самому придется выступить, а у меня наметчено множество других дел».

Поэтому я счел за лучшее написать правителям этих областей письма следующего содержания: «Если присоединитесь ко мне, то найдете избавление, если же вступите в борьбу, то будете низвергнуты. Тогда вам придется испытывать то, что вам уготовано Провидением».

Исход соответствовал моим ожиданиям. По прочтении этого письма они положили покорное чело на порог повиновения.

План для устранения Урус-хана и завоевания Дешт-и-Кипчака

Когда Тохтамыш, разбитый Урус-ханом, прибегнул к моему покровительству, я долго обдумывал, верить ли ему войско.

Между тем прибыл посол от Урус-хана; я решил обойтись с ним благосклонно и затем отпустить его, а вслед за ним послать войска, ибо я решил сделать неожиданное нападение на Урус-хана на следующий же день после того, как посол, уверенный в полной безопасности, должен был возвратиться к своему господину, тоже не предвидевшему никакой опасности.

План удался, как я и надеялся; посол делал сообщение своему господину, и в это время мои отряды напали на Урус-хана с стремительностью неожиданного удара бичом; они не встретили никакого сопротивления, враги обратились в бегство, и Великая Татария мне покорилась.

Планы для завоевания царств Гиляна,
Джурджана и Мазандерана, Азербайджана,
Ширвана, Фарса и Ирака

На жалобы, с которыми обратился ко мне народ Ирака против тирании Музаффаридов (их правителей) и других князей страны, я ответил походом в эту страну.

Следовало опасаться, чтобы государи этой страны не заключили против меня союза; значит, надо было быть готовым к схватке. Мои военачальники посоветовали мне, прежде чем выступить в поход, запастись всеми военными припасами.

Я принял твердое намерение покорить эти области одну за другой и сурово покарать тех, которые осмелились бы мне сопротивляться. Первый, кто попросил моего покровительства, был эмир Вали, правитель Мазандерана. Он прислал мне подарки и присоединил к ним следующее письмо: «Мы, потомки Али, всегда довольствовались этой областью. Завладев ею, вы выкажете свое могущество, но если вы пощадите ее, то ваше поведение будет богоугодным делом».

Покорность князя Мазандерана была для меня счастливым предзнаменованием. Я обратился затем на царство Гилян и Джурджан. Правители отказали мне в покорности, и я послал против них свои победоносные полки и лично повел армию на Ирак. Я овладел Исфаханом и из доверия к жителям возвратил им цитадель, но они, возмущившись, зарезали

правителя, поставленного там мною, и 3000 моих солдат. Я тотчас же приказал истребить все население.

План для завоевания (уже во второй раз) Шираза, столицы Фарса, и остальной части Ирака

Я отдал этот город потомкам Музафара и оставил в Исфahanе гарнизон в 3000 человек. Когда я хотел уже вести армию в Великую Татарию, чтобы усмирить Тохтамыш, я узнал, что жители Исфahана казнили моего правителя, а жители Шираза сошли с пути повиновения.

Эти происшествия побудили меня во второй раз объявить войну Ираку. Я собрал 80 000 человек. Но опасение не найти место, которое бы могло содержать столь многочисленную армию, принудило меня ввести ее в страну несколькими отрядами.

Поэтому я разделил свою армию на три армии, которые я послал вперед. Разные отряды, собравшиеся в Ирак, были рассеяны, и я повел армию в Шираз. Правитель этой столицы Шах-Мансур осмелился бороться со мной и получил кару, которую заслуживал.

Меры к поражению Тохтамыш-хана

Занятые преследованием этого князя по пустыням Великой Татарии в течение целых шести месяцев, мои утомленные войска начали сильно страдать от сильного голода; уже много дней они не получали другой пищи, кроме той, какую могла им доставить охота и яйца птиц пустыни. Тохтамыш, узнав о состоянии моих воинов, решил, что более удобного случая ему уже не представится, а потому напал на меня с армией столь же многочисленной, как саранча или муравьи.

Мои воины были ослаблены усталостью и голодом, его — напротив — свежи. Мои полководцы и военачальники всем, казалось, не были расположены сражаться, пока мои сыновья и внуки, преклонив колени, не поклялись мне в совершенной преданности. Я подкупил неприятельского знаменосца; он обещал мне повергнуть свое знамя, когда обе армии вступят в бой.

Когда мои военачальники узнали, что мои сыновья и внуки преклонили предо мной колени, их мужество пробудилось, и они дышали только битвой.

В авангард я поместил внука своего мирзу Абу Бекра с 8000 всадниками и в самом разгаре схватки приказал им раскинуть палатки и приняться за приготовление еды. В ту же минуту знамя Тохтамыша было повергнуто, этот князь, растерянный, обратился в бегство, предоставив свою армию всем ужасам уничтожения.

Завоевание Даруссалама¹³³ Багдада и арабского Ирака

Когда я покорил персидский Ирак и Фарс, мой доверенный советник¹³⁴ написал мне следующее письмо: «Великому воителю Ирака арабского и Ирака персидского Всевышний даровал Ирак арабский и Ирак персидский». Я послал посла к султану Ахмеду Джалаиру¹³⁵, князю Багдада. Мне необходимы были точные сведения о его действиях, храбрости и силе его армии. По прибытии из Багдада мой посол написал мне: «Султан Ахмед Джалаир — живой кусок мяса, имеющий два глаза».

Я положился на Всемогущего и форсированным маршем внезапно подступил к Багдаду. Султан бежал в Кербелу, а Даруссалам покорился мне.

План поражения Тохтамыш-хана

Побежденный Тохтамыш, счастливый тем, что не попал в мои руки, послал грозную армию в царство Азербайджана и возбудил там смуты и беспорядки. Я же, только что окончивший завоевание обоих Ираков, принял для примирения его не иную какую-либо меру, а лично повел армию в Великую Татарию по Дербентской дороге.

Я сделал смотр своей армии, которая, построившись в боевой порядок, занимала пространство в четыре фарсанга.

Перешедши реку Семур¹³⁶, я написал следующее воззвание к народу и племенам Великой Татарии: «Кто присоединится ко мне, тот будет возвеличен, а кто вознамерится выступить против меня, тот будет повержен».

В 797 году я вступил в Великую Татарию и проник до крайних пределов северных стран. Народы этих стран, осмелившиеся мне сопротивляться, были рассеяны и уничтожены. Области, орды и крепости пятого и шестого климатов¹³⁷ были покорены, и я возвратился победителем.

Поход в Индостан

Сначала я посоветовался с моими сыновьями и эмирами, чтобы узнать их намерения и помыслы.

Мирза Пир-Мухаммед-Джехангир сказал мне: «Когда мы завладеем Индией, то золото этой страны сделает нас властителями мира». Мирза Мухаммед-Султан сказал мне: «Следовало бы завоевать Индостан, но страна эта имеет много оград: во-первых, моря, во-вторых — леса и пустыни, наконец, воины, вооруженные всякими снарядами, и слоны, давящие людей». Мирза Султан-Хусейн сказал мне: «Завоевание Индии подчинит нашему владычеству четыре климата». Мирза Шахрух сказал мне: «Я читал в тюркских летописях, что существует пять великих царей, которых настоящих имен они, однако, не приводят из уважения в их могуществу. Царь Индии называется дари, царь Анатолии — кейсер (кесарь), Китая — фагфур, Туркестана — каган, государь Персии и Трансоксании (Ирана и Турана) имеет титул шахиншаха (царя царей). С незапамятных времен власть этого последнего признается в Индии, и так как мы завладеем Персией и Трансоксанией, то мы не можем отказаться от присоединения Индостана».

Мои эмиры в свою очередь говорили мне в следующих словах: «Если мы сделаемся владетелями Индостана и останемся там жить, то мы погубим своих потомков; наши дети и внуки вырождаются, смешаются с туземцами, от которых они переймут даже язык».

Я так сильно желал завоевания Индии, что ничто уже не могло меня отратить от этого замысла. Я удовольствовался тем, что дал эмирам такой ответ: «Я обращусь к Всемогущему, — сказал я им, — Коран даст мне ответ; я хочу знать волю Бога, чтобы сообразоваться с нею». Эмиры одобрили мою мысль. Открыв Священную Книгу, я напал на следую-

ший стих: «О Пророк! Сражайся с неверующими и лицемерами и будь суров с ними. Их пристанищем будет Геенна»¹³⁸.

Ученые объяснили смысл этого стиха эмирам. Но эмиры, опустив голову, не произнесли ничего; их молчание сжало мое сердце.

Сначала я хотел лишить должностей всех тех, кто не одобрил завоевания Индии, и отдать их полки и их отряды их местникам. Но так как они способствовали моему возвышению, то я не мог решиться погубить их; я сделал им только выговор, и хотя они растерзали мое сердце, но как только они приняли мой план, все было забыто.

Затем я заново созвал Совет и, воздев руки в сторону Индостана, вместилища наших успехов и удач, испросил благословения Всевышнего на победу и завоевания.

Моим намерением было вести войска к столице этой страны. Мирза Пир-Мухаммед-Джехангир находился в Кабуле с 30 000 всадников, составлявших левое крыло армии. Я приказал ему направиться к горам Сулеймана, перейти реку Синд и приступом овладеть Мултаном. Султан-Махмуд-хан и мирза Рустем с другими эмирами, командовавшие 30 000 всадников моего правого крыла, также получили приказание перейти Синд и вторгнуться в провинцию Лахор, следуя вдоль гор Кашмира. Я сам двинулся с 32 000 всадников, составляя центр армии.

Моя соединенная армия достигла численности 92 000 всадников. Это число равно и совершенно соответственно числу имен Мухаммеда, посланника Всевышнего, пошли Бог ему и его потомству мир и благословение. Это совпадение было для меня счастливым предзнаменованием.

Я вышел в путь и остановился в местности Андараб, что на границе Бадахшана, и, предав наказанию проживающих на горе Катур неверных, отправился на священную войну против Индостана.

Тем временем мне доложили, что афганцы завладели дорогой, ведущей на Хиндустан, и промышляют грабежом. В частности, чрезмерно буйствует среди них Муса афган, предводитель племени керкес. Он напал на Лашкер-Шах-Угхана, одного из вернейших моих военачальников, которому

Мирза Пир-Мухаммед-Джехангир доверил охрану крепости Ираб; убив его, он захватил все, что нашел у него.

Малик-Мухаммед, брат этого несчастного, поднял крик и известил меня о том, что жестокость Мусы лишила меня слуги, наиболее мне преданного.

Я приказал арестовать Малика, объявив, что верность Мусы мне хорошо известна. Мои эмиры много говорили об этом несправедливом поступке. Взятие Малика под стражу и слова, сказанные мною при этом, внушили столько доверия Мусе, что он, как только прочитал мое предписание, без всяких подозрений тотчас же сдал мне крепость.

Когда я прогуливался вокруг крепости, один вражеский воин пустил в меня стрелу. Тогда Муса афган понес заслуженную кару. Путь в Индостан был мне открыт.

Мои распоряжения для победы над Махмудом,
правителем Дели, и Малу-ханом

Махмуд, правитель Дели, и Малу-хан, его главнокомандующий, позаботились о безопасности столицы Индии и приготовились вести со мною войну. Они имели армию в 50 000 человек пехоты и всадников и 120 слонов.

Вместо того чтобы заняться осадой Дели, что очень затянуло бы войну, я предпочел уверить Махмуда, что мои войска слабы и робки, дабы он самоуверенно сам завязал сражение. Я приказал вырыть вокруг лагеря моей армии ров и так укрепился, а часть войска послал атаковать врагов. Мои солдаты получили приказание выказывать как можно больше слабости и трусости, чтобы внушить смелость моим противникам.

Гордые своими победами, враги с презрением отнеслись к моим непобедимым полкам. Султан Махмуд завязал сражение, но вскоре, отброшенный с уроном, принужден был отступить к горам. Огромные богатства этого правителя, состоявшие столько же из денег, сколько из имущества, сделались добычею воинов.

Менее чем за год я завоевал столицу Индии, а к концу того же года я возвратился в свой царственный Самарканд.

Завоевание царства Грузии

Я не отдохнул еще от трудов моего последнего похода, как уже получил донесение правителей обоих Ираков, жаловавшихся на то, что «неверные жители Грузии преступили границы дозволенного». Я всегда был убежден, что занятие, наиболее достойное князя, это — поддерживать священные войны, бить неверных и стараться завоевать мир. Известие о вторжении вероломных грузинцев заставило меня опасаться, чтобы слишком большая медлительность в наказании их не дала времени мятежникам разжечь возмущение, а потому я поспешил усмирить их.

Воинам, участвовавшим в Индостанской экспедиции, было предоставлено оставаться дома или сопровождать меня. Я отдал приказ войскам Хорасана, Кандагара, Сеистана, Кермана, Табаристана¹³⁹, Гиляна, Мазандерана и Фарса приготовиться к походу и двинуться к стенам Исфахана, чтобы соединиться с моими победоносными полками. Затем устроил совет, чтобы рассеять в разные места уклонившихся от повиновения. Так, неповинующихся из Хорасана и Фарса переселил в Туран и тем самым очистил эти страны от их сопротивления.

Затем все свое внимание я направил на завоевание Грузии и точно следовал плану, одобренному моими воинами. Со стальным шлемом на голове, с грудью, покрытой панцирем Дауда¹⁴⁰, с египетским мечом на бедре я взошел на трон войны.

Я двинул воинов Турана, храбрецов Хорасана и героев Мазандерана и Гиляна. Мы взяли крепость Сивас и укрепления Грузии; все найденные там жители были преданы мечу; мои победные полки разделили добычу; я жестоко наказал мятежников Азербайджана.

Тотчас после этого похода я пошел к крепости Малатия¹⁴¹, которая вскоре была покорена, так же, как и ее окрестности. Освободившись от этой заботы, я перенес свое внимание на Алеп¹⁴² и Эмес¹⁴³. Завоевания эти стоили мне очень мало, и, не теряя времени, я решил присоединить к ним Египет и Сирию.

Завоевание Египта и Сирии

Баязид хорошо знал о моей силе и могуществе, но когда он узнал, что я овладел крепостями Сивасом и Малатией и землями, им принадлежащими, а также что я разбил и рассеял войска, которые он содержал в этих крепостях, то не мог сдерживать своего негодования и наконец, уступая подстрекательству Кара-Юсуфа, туркменского князя, который, избегая меня, укрылся у него, решил объявить мне войну.

Этот государь был близок к своей гибели; Юсуф убедил вести против меня войско. Он выступил в поход с огромной армией, а кроме того, получил еще подкрепление из Египта и Сирии. Я полагал, что мне будет более выгодно разделить свои войска на три отряда, но, так как победа и поражение равно скрыты под покровом рока, я провел совет с моими эмирами. Они повели себя сообразно натуре воина и посоветовали начать войну.

Но я хотел сначала умерить пыл Баязида. Поэтому я написал ему письмо следующего содержания: «Хвала Богу, Властителю неба и земли, покоровшему моей власти большую часть семи климатов и допустившему, чтобы владетели и повелители мира склонили выю под мое ярмо. Да будет милостив Господь к смиренному рабу, который знает пределы, предписанные ему, а не преступает их дерзкою стопою. Все знают о твоём знатном происхождении, и неприлично человеку твоей крови выдвигать впредь надменную ногу, ибо ты мог бы низвергнуться в бездну скорби и несчастья; не поддавайся наущению тех несчастных, которые ищут тебя, чтобы преследовать свои личные цели, и которые пробуждают дремавшую смуту. Берегись отворять разорению и несчастью врата твоего царства. Пришли ко мне тотчас Кара-Юсуфа, в противном случае при столкновении наших армий все, что скрыто под покровом рока, откроется тебе».

Проворные послы отдали это письмо Баязиду. Я составил сейчас же план похода в столицу Сирии. Я пошел по дороге в Эмес и Алеп. Когда я прибыл в Алеп, то мне сказали, что султан Фарадж при слухе о моем походе отправился из Египта в Дамаск.

Я не мог, при всем старании, воспрепятствовать соединению войск Сирии и Египта, ибо султан обогнал меня, вошел в Дамаск, но и пришедши после него, я не оставил намерения овладеть этим городом.

Завоевание городов Рума и поражение Баязида

После того как я завоевал города Сирии, падишах Египта и Сирии Фарадж бежал с поля боя, а отправленный мною в Рум посол привез непристойный ответ Баязида Молниеносного и сообщил, что тот, узнав о поражении войск Египта и Сирии, призадумался и приуныл; но затем начал готовиться к походу.

Когда Дамаск и другие города Сирии покорились мне, я сначала двинулся было по дороге в Мосул¹⁴⁴, чтобы идти к Багдаду, но затем я счел за более благоразумное повернуть в Азербайджан, чтобы точно узнать, остается ли Баязид все при тех же планах.

На пути к Тебризу, столице Азербайджана, я послал вперед к Багдаду несколько мирз с грозным войском. В то время правитель Багдада султан Ахмед Джалаир поручил охранять город и крепость своему внуку Фаруху, оставив ему войско и необходимые припасы.

Мирзы, обложив город, повели правильную осаду и послали мне уведомление о ней.

Решив покорить этот город и его цитадель, я быстро оставил дорогу в Тебриз, чтобы идти по дороге в Багдад, немедленно отысканной мною. Благоразумие, подкрепляемое упорною храбростью, отстранило предо мною все препятствия; наконец после осады, продолжавшейся месяц с несколькими днями, я совершил свое победоносное вступление в город и цитадель. Фарух, его бывший правитель, утонул в Тигре. Всех мятежников я предал казни и приказал разрушить дома и крепости этого города.

Из Багдада я пришел в Азербайджан, где и пробыл несколько времени. Тогда Баязид приказал войскам пробраться к Алепу, Эмесу и Диарбекиру¹⁴⁵. Между тем подлый туркмен Кара-Юсуф занимался грабежом караванов двух священных городов, и ко мне собралась толпа просителей, умолявших

меня о защите против этого разбойника. Я счел себя обязанным усмирить Кара и разбудить Баязида от сна беспечности.

С этой целью я потребовал отрядов от городов и племен. Получив их, я вышел из Азербайджана в месяце реджеб, в 804 году¹⁴⁶ от хиджры, чтобы вести войну с кесарем.

Я отрядил различные части моей армии, одну в поход на царство Рума, другие — охранять посты, воду и провиант. Сам я двинулся по дороге в Анкорию¹⁴⁷; Баязид во главе 100 тысяч воинов, наполовину всадников, наполовину пехоты, вышел мне навстречу. Завязалось сражение, и я его выиграл. Баязид был побежден, взят в плен и приведен ко мне. Наконец после семилетней войны я возвратился победителем в Самарканд.

Повесть о Темир Аксаке¹⁴⁸

Месяца августа двадцать шестого, на память святых мучеников Андреана и Натальи повесть полезная, из древних сказаний сложенная, представляющая преславное чудо, бывшее с иконой пречистой Богородицы, которая называется Владимирской, как пришла она из Владимира в боголюбивый град Москву, избавила нас и город наш от безбожного и зловерного царя Темир Аксака

Господи, благослови, отче!

В 6903 (1395) году, во время княжения благоверного и христолюбивого великого князя Василия Дмитриевича, самодержца Русской земли, внука великого князя Ивана Ивановича¹⁴⁹, правнука великого князя, самодержца Ивана Даниловича¹⁵⁰, при благолюбивом архиепископе Киприане¹⁵¹, митрополите киевском и всея Руси, на пятнадцатом году царения Тохтамыша и на седьмом году княжения великого князя Василия Дмитриевича, и в индикте¹⁵² третьем, и на тринадцатый

год после татарщины¹⁵³, по взятии Москвы, поднялась великая смута в Орде.

Пришел некий царь Темир Аксак из восточной страны, из Синей Орды¹⁵⁴, из Самаркандской земли, большую войну затеял, много мятежей он поднял в Орде и на Руси своим приходом.

Об этом же Темир Аксаке рассказывали, что по происхождению не царского был он рода: ни сын царский, ни племенни царского, ни княжеского, ни боярского, всего лишь низший из самых захудалых людей из числа заяицких татар, из Самаркандской земли, из Синей Орды, что за Железными Воротами. По ремеслу он кузнец был черный, по нраву же и повадке — безжалостен, и разбойник, и насильник, и грабитель. Когда раньше работал у одного хозяина, тот, видя его злонравие, от него отказался и, избив, изгнал от себя; он же, не имея пропитания, разбоем кормился.

Однажды, когда он был еще молод и с голоду крадя кормился, украл он у кого-то овцу, но люди тотчас выследили его. Он же пытался убежать, но быстро многими был окружен, схвачен и связан крепко, и всего его избили нещадно, и решили убить его до смерти; и перебили ногу ему в бедре пополам, и тут же бросили его как мертвого, недвижимым и бездыханным; ибо решили, что умер, и оставили псам на съедение. Лишь только зажила у него эта смертельная рана, поднялся, оковал себе железом ногу свою перебитую, — по этой причине и хромял; потому и прозван был Темир Аксаком, ибо Темир означает железо, а Аксак — хромец; так в переводе с половецкого языка объясняется имя Темир Аксак, которое значит Железный Хромец, ибо, от вещи и дел имя получив, делами своими прозвище себе добыл.

Так и потом, исцелившись от ран, после страшного того избиения, не изменил прежнего злобного нрава, не смирился, не укротился, но только больше испортился: сильнее прошлого и пуще прежнего стал он лютым разбойником. А потом к нему пристали молодцы лихие, мужи свирепые, всякие злые люди, похожие на него, такие же разбойники и грабители — и стало их очень много. И когда стало их числом до ста, назвали его своим атаманом; а когда стало их числом до тысячи, тогда уже князем его звали; а когда они сильно

умножились, больше числом стали, многие земли попленили, многие города и царства захватили, тогда и царем своим его нарекли.

И этот Темир Аксак начал многие войны затевать и частые битвы, многих побед добился, многих неприятелей одолел, много городов разрушил, многих людей загубил, многие страны и земли покорил, многие государства и народы пленил, многие княжества и царства покорил себе; царя турецкого Крешия¹⁵⁵ пленил, а его царства захватил. А вот и названия тем землям и царствам, которые покорил Темир Аксак: Чагатай, Хоросан, Голустан¹⁵⁶, Китай, Синяя Орда, Шираз, Исфаган, Орначь¹⁵⁷, Гилян-Сиз¹⁵⁸, Шербан¹⁵⁹, Шемаху, Сивас, Арзрум, Тифлис, Тавриз¹⁶⁰, Гурзустан¹⁶¹, Обезы¹⁶², Багдад, Темир-Кабы, иначе сказать Железные Ворота, и Ассирию, и Вавилонское царство, где был Навуходоносор, который пленил Иерусалим и трех отроков — Ананию, Азария, Мисаила и Даниила-пророка, и город Севастию¹⁶³, где было замучено сорок святых мучеников¹⁶⁴, и Армению, где был святой Григорий, епископ великой Армении¹⁶⁵, и Дамаск великий, и Сарай¹⁶⁶ великий — вот названия тех земель, и тех городов, и тех государств, над которыми царствовал Темир Аксак; со всех тех земель дани и оброки дают ему, во всем ему повинуюсь. Он ведь на частые битвы ходил, и они с ним повсюду, волю его творя, многие страны завоевали; царя Крешия турецкого в клетке железной возил с собою, того ради, чтобы видели все страны таковую его славу и силу, — безбожного врага и гонителя.

Пришел Темир Аксак войной на царя Тохтамышша, и был между ними бой на месте, называемом Ораинским¹⁶⁷, на кочевье царя Тохтамышша; и изгнал он царя Тохтамышша. Оттого распалился окаянный, замыслил в сердце своем и на Русскую землю — полонить ее; как и прежде того, когда за грехи попустил это Бог, полонил царь Батый Русскую землю, — так и гордый и свирепый Темир Аксак то же замышлял, желая захватить Русскую землю.

И собрал он всех воинов своих, прошел всю Орду и всю землю Татарскую, подошел к пределам Рязанской земли, взял город Елец, и князя елецкого захватил, и многих людей замучил. Об этом прослышав, князь великий Василий Дмитриевич собрал воинов своих многочисленных и пошел

из Москвы в Коломну, желая встретиться с ним; приступив с войском, встал на берегу у Оки-реки, Темир Аксак же стоял на одном месте пятнадцать дней, помышляя, окаянный, идти на всю Русскую землю, чтобы, подобно новому Батыю, разорить христиан.

Благоверный же и христоробивый великий князь Василий Дмитриевич, самодержец Русской земли, прослышал о замыслении на православную веру того безверного, свирепого и страшного мучителя и губителя Аксака Темира-царя; боголюбивый великий князь Василий Дмитриевич, руки к небу вздымая, со слезами молился, говоря: «Создатель и заступник наш, Господи, Господи, посмотри из святого жилища твоего, взгляни — и смири того варвара и сущих с ним, дерзнувших хулить святое великое имя твое и пречистой всепорочной твоей Матери! Заступник наш, Господи, пусть не скажет варвар: “Где же Бог их?” — ибо ты наш Бог, который гордым противится! Поднимись, Господи, на помощь рабам твоим, на смиренных рабов своих посмотри! Не допусти, Господи, этого проклятого врага поносить нас, ибо сила твоя ни с чем не сравнима и царство твое нерушимо! Вслушайся в речи варвара этого, избавь нас и град наш от проклятого и безбожного царя Темир Аксака».

И послал князь великий Василий Дмитриевич весть к отцу своему духовному, боголюбивому архиепископу Киприану, митрополиту киевскому и всея Руси, чтобы народу велел поститься и молиться, с усердием и со слезами к Богу взывать. Преосвященный же Киприан, митрополит киевский и всея Руси, услышав этот наказ от господина своего, великого князя Василия Дмитриевича, призвал к себе всех архимандритов и игуменов и повелел им петь по городу всюду молебны, а детям их духовным велел наказать, чтобы соблюдали пост, и молитву, и покаянье ото всей души. Сам же преосвященный Киприан-митрополит, также каждый день призывая к себе благоверных князей, благочестивых княгинь и всех властителей и воевод, постоянно наказывал им, поучая; сам же Киприан-митрополит во все дни и часы из церкви не выходил, вознося молитвы Богу за князя и за народ.

Также повелел князь наместникам своим, и властителям, и городским воеводам усилить укрепления и собрать всех

воинов. Они же, услышав повеление господина своего, собрали знатных людей и весь город и укрепили оборону.

Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич, вспомнив об избавлении царствующего града, когда сохранила пречистая владычица наша Богородица стольный город от нашествия язычника царя Хозроя¹⁶⁸, надумал послать за иконой пречистой владычицы нашей Богородицы. Боголюбивый же Киприан, митрополит киевский и всея Руси, услышав этот наказ господина своего, великого князя Василия Дмитриевича, послал в старый и славный город Владимир за иконой пречистой владычицы нашей Богородицы служителей большой соборной церкви святой Богородицы, что во Владимире. Протопоп посоветовался со служителями, Пречистую чудную икону взяли и понесли из города Владимира в Москву, из опасения перед Темир Аксаком татарским, который, как слышали мы, бывало, в сказаньях, был где-то там, далеко, где солнце восходит, а ныне уж тут, при дверях, приблизился — и готовится, изостряется на нас сильно. И был тогда месяца августа пятнадцатый день, самый праздник славного Успения владычицы нашей Богородицы, присной девы Марии, вышли на проводы чудесной иконы, которую проводили с честью, с верою и любовью, с ужасом и томлением, с плачем, далеко за город, и в великой вере многие слезы проливали.

Когда же донесли икону эту почти до Москвы, тогда весь город вышел навстречу, и встретил ее с почетом Киприан-митрополит с епископами и архимандритами, с игуменом и дьяконами, со всеми служителями и причтом церковным, с монахами и монахинями, с благоверными князьями, с благоверными княгинями, и с боярами, и с боярынями, мужчины и женщины, юноши, девы и старцы с подростками, дети, младенцы, сироты и вдовы, нищие и убогие, всякого возраста мужи и жены, от мала и до велика, все многое множество народа бесчисленного, и люди с крестами и с иконами, с евангелиями и со свечами, и с лампадами, с псалмами и с песнями и пеньем духовным, а лучше сказать — все в слезах, от мала и до велика, и не сыскать человека не плачущего, но все с молитвой и плачем, все со вздохами неумолчными и рыданьем, в благодарности руки воздевая к небу, все мо-

лились святой Богородице, восклицая и говоря: «О всевятая владычица Богородица! Избавь нас и город наш Москву от нашествия поганого Темир Аксака-царя, и все города христианские и страну нашу защити, и князя и людей от всякого зла оборони, и город наш Москву от нашествия варварских воинов, избавь нас от пленения врагами, от огня и меча, и внезапной смерти, и от теперь охватившей нас скорби, и от печали, нашедшей на нас ныне, от сегодняшнего гнева, и бед, и забот, от предстоящих нам всем искушений избавь, Богородица, своими спасительными молитвами к Сыну своему и Богу нашему, который своим пришествием уже нас спасал, нищих и убогих, скорбящих и печальных; умили-сердись, госпожа, о скорбящих рабах твоих, на тебя надеясь, мы не погибнем, но избудем тобою наших врагов; не отдавай нас, заступница наша и наша надежда, в руки врагам-татарам, но избавь нас от врагов наших, враждебных советы расстрой и козни их разрушь; в годину скорби нашей ныне, нашедшей на нас, будь верной заступницей и помощницей, чтобы от нынешней беды избавленные тобою благодарно мы воскричали: “Радуйся, заступница наша теплая!”»

Так по Божьей благодати неизреченной милости, молитвами святой Богородицы, город наш Москва цел и невредим остался, а Темир Аксак-царь возвратился назад, ушел в свою землю. Что за преславное чудо! Что за великое диво! Какое милосердие к народу христианскому! В тот самый день, как принесли икону пречистой Богородицы из Владимира в Москву, — в тот же день Темир Аксак-царь испугался, и утрашился, и ужаснулся, и в смятение впал, и нашел на него страх и трепет, вторгся страх в его сердце и ужас в душу его, вошел трепет в кости его, и тотчас он отказался и убоился воевать Русскую землю, и охватило его желание побыстрее отправиться в обратный путь, и скорей устремился в Орду, Руси тылы показав, и повернул с соплеменниками своими восвоисси; возвратились без успеха, впади в смятение и заколебались, как будто кто-то их гнал. Не мы ведь их гнали, но Бог изгнал их незримою силой своей и пречистой своей Матери, скорой заступницы нашей в бедах, и молитвой угодника его, боголюбивого преосвященного Петра¹⁶⁹, митрополита киевского и всея Руси, твердого заступника нашего города Моск-

вы и молебника города нашего Москвы от находящихся на нас бед; наслал на них страх и трепет, чтобы застыли на месте.

Так же в древности при Иезекии-царе и при Исае-про-роке Сеннахирим, царь ассирийский, пришел на Иерусалим войною, весьма похваляясь в гордыне своей и на Бога Вседержителя богохульные слова вознося; царь же Иезекия тогда болел, но хоть и болен был, помолился Богу слезно вместе с пророком Исаией и со всеми людьми; услышал Бог молитву их и, ради угодного ему Давида, послал Бог ангела своего, думаа я — великого архангела Михаила, — и тотчас в ту ночь ангел Господен убил из войска ассирийского сто и восемьдесят и пять тысяч; когда поднялись наутро, увидели мертвые трупы лежащие. А царь ассирийский Сеннахирим испугался ужасно и устранился, с остатками войска быстро бежал в Ниневию-город, где вскоре своими детьми был убит и так умер¹⁷⁰. Ведь как тогда при Сеннахириме было, так и теперь при Темир Аксаке, один ведь Бог и тогда и теперь, одна благодать Божия истекает тогда и ныне. Ибо милостив Бог и силен, может все, что хочет, и милостив к нам, ибо избавил нас от рук враждебных татар, избавил нас от битвы, и от меча, и от кровопролития: мощной десницей своей разогнал врагов наших, сынов Агари, рукою твердою, рукою крепкою устранил ты сынов Измайловых; не наши воеводы прогнали Темир Аксака, не наши войска устрашили его, но силой незримой напал на него страх и трепет, страхом Божьим он устрашился, гневом Божьим изгнан был, и без добычи ушел прочь из Русской земли, отступив туда, откуда пришел, земли Русской едва коснувшись, — не надругался, не обездолил, не повредил ей ничем, но ушел без оглядки. Мы поднялись и стали открыто, он же, принизясь, исчез; мы ожили и исцелили, ибо помощь нам дал Господь, сотворивший небо и землю.

Благодарный же великий князь Василий Дмитриевич, услышав об уходе проклятого и зловерного царя Темир Аксака, возвратился снова во владения свои, в город Москву, и встретил его боголюбивый Киприан, митрополит киевский и всея Руси, с крестами и с иконами, с архидьяконами и с архимандритами, с игуменами, с попами и с дьяконами, и весь народ христианский с радостью великою. Благодарный же великий князь Василий Дмитриевич, и святитель, и все люди

со слезами руки к небу вздымали и благодарность возносили, говоря: «Десница твоя, о Господи, прославилась твердостью, десная твоя, Господи, рука сокрушила врагов, и величием славы твоей стер ты противников наших», — ибо безумный Темир Аксак, со множеством бесчисленных войск придя, с позором ушел.

Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич, войдя в храм пречистой владычицы нашей Богородицы, увидел чудотворную икону пречистой владычицы нашей Богородицы Владимирской; упав с умилением пред ликом святой иконы, пролил слезы сердечные из очей своих и говорил: «Благодарю тебя, госпожа пречистая, пренепорочная владычица наша Богородица, христианам державная помощница, что нам защиту и твердость показала; избавила ты, госпожа, нас и город наш от зловерного царя Темир Аксака». Благоверный же великий князь Василий Дмитриевич и боголюбивый архиепископ Киприан, митрополит киевский и вся Руси, повелели вскоре на том месте, где встречали чудотворную икону пречистой Богородицы, поставить церковь во имя пречистой Богородицы, славной встречи ее на память о той незабвенной милости Божьей, чтобы не забыли люди дел Божьих. Эту же церковь освятил сам митрополит, поставили монастырь, и повелено тут было жить игумену и братии. И с тех пор постановили праздник праздновать месяца августа в двадцать шестой день, в день поминовения святых мучеников Андреана и Наталии. Эта же чудесная икона святой Богородицы написана была рукою святого апостола и евангелиста Луки. Мы же, грешные слуги Христовы, слышав об этом чуде Господа нашего Иисуса Христа и пречистой его матери Богородицы, решили все это записать во славу имени Господа нашего Иисуса Христа и пречистой его матери, владычицы нашей Богородицы, заступницы народа христианского. Ее молитвами, Христе Боже наш, помилуй нас ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Примечания

- ¹ Здесь и далее первая дата означает год хиджры. Хиджра (*араб.* — переселение) — переселение Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Медину в сентябре 622 года. При халифе Омаре I (634—644) год хиджры объявлен началом мусульманского летосчисления. Исходным для него принято считать первое число первого месяца (мухаррама) 622 года — 16 июля 622 года.
- ² Максур (*араб.*) — квадратное в плане, отгороженное резным деревянным или металлическим простенком от основного пространства мечети помещение в непосредственной близости от минбара — кафедры, с которой имам произносит пятничную молитву.
- ³ Туглук-Тимур-хан (Туглук-Тимур) (ок. 1329—1362/1363) — первый хан Моголистана (с 1347 года) и Мавераннахра (с 1360 года) — ханств, образовавшихся после распада Чагатайского улуса, в который входили Средняя Азия и близлежащие территории.
- ⁴ Ханака (*перс.*) — первоначально приют для странствующих дервишей. Позже культовые сооружения (иногда монастырского типа).
- ⁵ Нисб (*араб.*) — часть арабского (мусульманского) имени, обозначающая этническую, религиозную, политическую, социальную принадлежность человека, место его рождения или проживания и так далее.
- ⁶ Чагатай (Джагатай) (1185—1242) — второй сын Чингисхана и его старшей жены Бортэ. Получил от Чингисхана в правление Чагатайский улус.
- ⁷ Тулуй, Толуй (ок. 1190—1232) — монгольский военачальник, четвертый сын Чингисхана от старшей жены Бортэ, был

регентом после смерти Чингисхана в период междуцарствия в 1227–1229 годах.

- ⁸ Угедей, Угэдэй (ок. 1186–1241) — третий сын Чингисхана и Бортэ и с 1229 года преемник Чингисхана в качестве кагана Монгольской империи.
- ⁹ Хулагу (1217–1265) — монгольский военачальник, внук Чингисхана. Основатель династии Хулагуидов, правившей в созданном им государстве в Передней Азии.
- ¹⁰ Джучиды — потомки Джучи, старшего сына Чингисхана.
- ¹¹ Махмуд Ялавач (ум. 1254) — назначенный Угедеем наместник Мавераннахра (с 1225 года).
- ¹² Слово «Джете» закрепилось в Мавераннахре также в качестве названия части улуса Чагатая, известной в исторической литературе как Моголистан.
- ¹³ Газан-хан (мусульманское имя — Махмуд; 1271–1304) — ильхан (правитель) государства Хулагуидов в 1295–1304 годах.
- ¹⁴ Мискаль — единица измерения массы и денежная единица. Вес мискаля варьировался в пределах от 4 до 4,7 грамма.
- ¹⁵ Джалаириды — династия султанов (1340–1410) в Передней Азии, происходившая из монгольского племени джалаир; вели род от Джочи-Тармалэ, одного из приближенных Чингисхана.
- ¹⁶ Рустак (*перс.*) — округ.
- ¹⁷ Садр (*араб.*) — в ранних мусульманских государствах одно из почетных наименований сановников и духовных лиц, близких к монарху.
- ¹⁸ Сеид, сейид (*араб.*) — почетный титул у мусульман-суннитов для потомков пророка Мухаммеда (у шиитов — Али) через его дочь Фатиму и внука Хусейна.
- ¹⁹ Даруга (*монг.*) — правитель, ханский наместник, пристав или надсмотрщик в улусе или городе.
- ²⁰ Сербедары — народно-освободительное движение в XIV веке в Иране и Средней Азии, направленное против монголо-тюркской кочевой знати. Имело форму дервишеского ордена; каждый, вступавший в орден, обязывался скрывать свою принадлежность к нему и держать наготове оружие. В 1337 году сербедары овладели городом Себзеваром, который стал столицей основанного ими государства, просуществовавшего более сорока лет.
- ²¹ Кунграты — древнее монгольское племя, пришедшее в Среднюю Азию с войсками Чингисхана.
- ²² Музаффариды — суннитский род, завоевавший власть в Иране после развала монгольского государства Ильханов в XIV веке.
- ²³ Газневидское государство — тюркское государство с центром в афганском городе Газни, существовавшее в 977–1186 годах.

- ²⁴ Джованни Плато Карпини (ок. 1182—1252) — итальянский монах-францисканец, первый из европейцев посетивший Монгольскую империю и оставивший описание своего путешествия.
- ²⁵ Махмуд Газневи (971—1030) — эмир и падишах среднеазиатского государства Газневидов с 998 года. При нем государство достигло наибольшего могущества. Совершил 17 походов в Северную Индию.
- ²⁶ Султания, Солтания — город в Иране. Был заложен при ильхане Аргуне (правил в 1284—1291 годах), строительство было закончено в 1313 году при ильхане Олджейту (правил в 1304—1316 годах); тогда же Султания сменила Тебриз в качестве столицы государства Хулагуидов; наивысшего расцвета достигла в первой половине XIV века.
- ²⁷ Был в 1370 году зарезан мятежниками, выступившими против Тимура. См. «Правила обращения с врагами и друзьями» в «Уложении Тимура».
- ²⁸ Зикр (*араб.*) — духовная практика у мусульман, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога.
- ²⁹ Хондемир, Гияс ад-дин ибн Хумам ад-дин аль-Хусейни (1475—ок. 1535) — персидский историк, внук и ученик историка Мирхонда, служил при дворах Тимуридов, затем Сефевидов.
- ³⁰ Накшбандия, накшбандиты — суфийское братство, получившее это название в конце XIV века по имени суфия Мухаммада Бахауддина Накшбанди аль-Бухари (умер в 1389 году). Распространилось в XV веке в Туркестане, Индии, Анатолии, Балканах, Аравии, Поволжье, Северном Кавказе.
- ³¹ Вақф, вакуф (*араб.*) — в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.
- ³² Хутба (*араб.*) — мусульманская проповедь, совершаемая имамом во время пятничного полуденного богослужения в мечети, а также по праздникам.
- ³³ Мирза (перс.) — царевич.
- ³⁴ Даулетшах, Девлет-шах (ум. 1495) — персидский историк.
- ³⁵ Генрих Фердинанд Вюстенфельд (1808—1899) — немецкий востоковед, арабист, профессор Гёттингенского университета.
- ³⁶ Дешт-и-Кипчак — исторический регион Евразии, простиравшийся от устья Дуная до низовий Сырдарьи и озера Балхаш. Обычно делился на Восточный (от Алтая до Каспия) и Западный (от Каспия до Дуная) Кипчак. Территория Западного Кипчака известна в древнерусских летописях под названием «Половецкая степь».

- ³⁷ Аль-фатиха — первая сура Корана.
- ³⁸ Сахибкиран — титул Тимура; можно перевести как «правитель света», «путеводный свет» и т. д.
- ³⁹ Ханака была возведена по приказу Тимура как мавзолеей над могилой внука Тимура — Мухаммед-Султана, умершего за два года до смерти самого Тимура, в 1403 году.
- ⁴⁰ Нур ад-Дин Басир (ум. 1343) — шейх суфийского братства сухрандия, достигший, как считалось, высшей степени святости.
- ⁴¹ Иоганн (Ганс, Иоганнес) Шильдбергер (Шильтбергер) (1381—ок. 1440 года) — оруженосец немецкого рыцаря. В 1396 году попал в плен к туркам. В 1402 году был захвачен воинами Тамерлана. Всего провел в плену тридцать лет; вернулся в Германию в 1427 году.
- ⁴² Суфа (*араб.*) — возвышенное каменное место, каменный выступ.
- ⁴³ Абу Тахир-ходжи (XVI век) — таджикский историк. Сохранилось его сочинение «Самария».
- ⁴⁴ Мухтасиб — должностное лицо, следящее за исполнением норм шариата.
- ⁴⁵ Василий Лаврентьевич Вяткин (1869—1932) — археолог, востоковед; основатель Археологического музея в Самарканде (1896 год).
- ⁴⁶ Захир ад-дин Мухаммад Бабур (1483—1530) — правитель Индии и Афганистана, полководец, основатель империи Великих Моголов (1526). Был по отцовской линии Тимуридом; его мать была из рода Чингисидов.
- ⁴⁷ Кара-Юсуф (1389—1420) — правитель государства Кара-Коюнлу, существовавшего в XIV—XV веках в Передней Азии, на территории современных Армении, Азербайджана, Восточной Турции, Северо-Западного Ирана и Ирака.
- ⁴⁸ Николай Иванович Веселовский (1848—1918) — археолог, востоковед, профессор Петербургского университета, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук.
- ⁴⁹ Ганч — глиногипс, вязущий материал, искусственная или реже природная смесь гипса и мелких частиц глины или лёсса.
- ⁵⁰ Клиновидная форма.
- ⁵¹ Яйцевидная форма.
- ⁵² Прогнатность — смыкание зубов под углом, увеличение угла определяет степень прогнатности.
- ⁵³ Сагиттальная (сегиттальная) плоскость — воображаемая вертикальная плоскость, которая проходит спереди назад и делит объект на левую и правую части.
- ⁵⁴ Туран — в древности общее название стран, расположенных к северу от Амударьи и далее до Сибири, Алтая и Китая; были населены преимущественно тюркоязычными народами.

- ⁵⁵ После завоевания в конце XI века Малой Азии турками-сельджуками восточные авторы называли Румом Малую Азию и европейскую часть нынешней Турции.
- ⁵⁶ Магриб — общее название стран на западе Африки, включающее Тунис, Алжир, Марокко, Ливию, Мавританию и Западную Сахару.
- ⁵⁷ Гилян — прикаспийская область Ирана.
- ⁵⁸ Ширван — историческая область и феодальное государство в Северном Азербайджане.
- ⁵⁹ Фарс — историческая область на юге Ирана, со столицей в Ширазе.
- ⁶⁰ Переводчик использует термин «Великая Татария» как синоним топонима «Дешт-и-Кипчак», под которым в «Уложении» понимается Восточный Кипчак, то есть пространство от Алтая до Каспия.
- ⁶¹ Хотан — город в Восточном Туркестане.
- ⁶² Кабулистан — историческая область на северо-востоке Афганистана.
- ⁶³ Бахтарзамин (страна Бахтар) — древнее название Балхской области.
- ⁶⁴ VIII век хиджры.
- ⁶⁵ Мирсаид Шериф (Шариф) Джурджани (1340–1413) — персидский философ, математик, астроном, богослов и грамматик.
- ⁶⁶ Омар ибн Абдулазиз (682–720) — восьмой халиф (правил в 717–720 годах) из династии Омейядов.
- ⁶⁷ Али ибн Абу Талиб (ок. 600–661) — двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда, четвертый праведный халиф (656–661) и первый имам в учении шиитов.
- ⁶⁸ Праведные халифы — избравшие правильный путь; первые четыре преемника пророка Мухаммеда: Абу Бакр (632–634), Омар (634–644), Осман (644–656) и Али ибн Абу Талиб (656–661).
- ⁶⁹ Аббас ибн Абд аль-Мутталиб (566–653) — дядя пророка Мухаммеда.
- ⁷⁰ Имам Хусейн ибн Али ибн Абу Талиб (626–680) — младший сын халифа Али от Фатимы, дочери пророка, третий шиитский имам.
- ⁷¹ Мамун ибн Гарун ар-Рашид — седьмой халиф из династии Аббасидов (813–833), астроном, покровитель наук.
- ⁷² Али ибн Муса Джафар (765–818) — восьмой шиитский имам; потомок в седьмом поколении пророка Мухаммеда.
- ⁷³ Моктадир-Биллях (Муктадир билах) (908–932) — восемнадцатый халиф из династии Аббасидов.
- ⁷⁴ Карматы, караматы — ветвь религиозно-политической секты исмаилитов, создавшие утопическую общину в Бахрейне.

- ⁷⁵ Абутаир (Абу Тахир) (914—943) — сын основателя общины карматов.
- ⁷⁶ Иззуддаула Дейлемит (Азадаулет-Дилеми) — правитель Ирака в 967—978 годах.
- ⁷⁷ Абуль-Касим аль-Фадль ибн Джафар аль-Мути (914—974) — багдадский халиф из династии Аббасидов (правил в 946—974 годах).
- ⁷⁸ Абу Бакр Абдул-Карим ат-Таи (932—1003) — багдадский халиф из династии Аббасидов, правивший с 974 по 991 год.
- ⁷⁹ Санджар ибн Малик-шах (ок. 1084—1157) — султан Сельджукской империи в 1118—1153 годах из династии Сельджукидов.
- ⁸⁰ Ахмад-Джами (1049—1142) — хорасанский богослов, поэт-суфий.
- ⁸¹ Санаи (1081—ок. 1141) — один из крупнейших поэтов-суфиев.
- ⁸² Ибрахим (Ибрагим) Хамави — шейх-суфий из хорасанского Бахрабада.
- ⁸³ Олджейту ибн Аргун-хан (1278, или 1281, или 1282—1316) — верховный правитель государства Ильханов из династии Хулагуидов в 1304—1317 годах; покровительствовал мусульманам, за что был прозван Худабандэ (раб Аллаха).
- ⁸⁴ Шафии, Мухаммед ибн Идрис аш-Шафии (767—820) — основатель и верховный имам суннитского мазхаба (школы шариатского права) аш-Шафия.
- ⁸⁵ Азам, Абу Ханифа (699—767) — основатель и верховный имам мазхаба в Куфе (Ирак), законовед. По приказу багдадского халифа Мансура был заточен в темницу, где умер от пыток.
- ⁸⁶ Мухаммед Махди — двенадцатый шиитский имам; исчез в 874—878 годах в возрасте семи-девяти лет. По всей вероятности, был убит. Шииты считают, что он должен возвратиться в конце света, восстановить первоначальную чистоту ислама и возвестить людям о приближении Судного дня.
- ⁸⁷ Калакчи — смотритель работ, чиновник, устанавливающий размер земельного налога.
- ⁸⁸ Ясаул (*монг.*) — младший служитель при хане; исполнитель отдельных его поручений; всадник, охраняющий дорогу.
- ⁸⁹ «Яса» — уложение Чингисхана, которое он, по преданию, обнаружил на Великом курултае и которое постоянно подтверждалось его преемниками.
- ⁹⁰ Малик-Шах I (1055—1092) — сельджукский султан в 1072—1092 годах. В правление Малик-Шаха сельджукское государство пришло к точке своего наивысшего могущества.
- ⁹¹ Низам ал-Мульк («Порядок Царства» — титул; наст. имя Абу Али ал-Хасан ибн Али ибн Исхак ат-Туси; 1018—1092) — великий визирь при султанах Алп-Арслане (1063—1072) и Малик-Ша-

- хе I, выдающийся деятель средневекового мусульманского Востока.
- ⁹² Абу Ахмад Абдуллах аль-Мустасим биллах (1213–1258) — последний багдадский халиф из династии Аббасидов. На его правление пришлись вторжение монголов и разгром халифата.
- ⁹³ Халифа казнили, привязав к хвосту дикой лошади и пустив ее вскачь.
- ⁹⁴ Гарун (Харун) ар-Рашид (Гарун аль-Рашид) (763 или 766–809) — арабский халиф, правитель Аббасидского халифата в 786–809 годах.
- ⁹⁵ Источники не сохранили никаких сведений об этом происшествии.
- ⁹⁶ Имеется в виду «царь тюрок» Шаба, правитель Западнотюркского каганата, занимавшего территорию от Азовского моря и Дона до восточных отрогов Тянь-Шаня и Северо-Восточной Индии.
- ⁹⁷ Хормизд IV (Ормизд, Хормуз) — шахиншах Ирана, правил в 579–590 годах; был убит в результате заговора, после чего власть в Иране захватил Бахрам Джубин, коронованный как шахиншах.
- ⁹⁸ Мадаин (Ктесифон) — один из крупнейших городов поздней Античности, располагался в тридцати километрах от современного Багдада ниже по течению Тигра. Во II–VII веках был столицей Парфянского царства, а затем — Сасанидской империи.
- ⁹⁹ Хосров II Парвиз («Победоносный») — шахиншах из династии Сасанидов, правивший Ираном в 591–628 годах.
- ¹⁰⁰ Сияхпуш («накинувший на лицо черное покрывало») — так называли мусульманские историки жителей Катурса за то, что они не приняли ислам.
- ¹⁰¹ Бекларбеги, беглербек (*тюрк.*) — военный чин, соответствующий главнокомандующему.
- ¹⁰² Тамга (*тюрк.*) — большая печать тюрко-монгольских ханов; здесь: заверенная тамгой грамота.
- ¹⁰³ Худайдат (ум. 1409) — один из видных эмиров Тимура; после смерти Тимура вступил в союз с его внуком, правителем Самарканда Халил-Султаном, но затем в 1409 году сместил его с престола. В том же году сам погиб от руки хана Моголистана Мухаммад-хана I.
- ¹⁰⁴ Трансоксания, Трансоксиана (дословно: «за Оксом», то есть за Амударьей) — европейское название Мавераннахра (дословно: *араб.* «заречье»), что, в свою очередь, является калькой с пехлевийского (среднеперсидского) названия — Фараруд, восходящего к древнеперсидскому «rāga-» ([противоположный] берег) + «gautah-» (река).
- ¹⁰⁵ Фируз-шах Туглак, Фируз-шах III Туглакид (1309–1388) — делийский султан из династии Туглаков; правил в 1351–1388 годах.

- ¹⁰⁶ Малу-хан — визирь делийского султана Махмуда II.
- ¹⁰⁷ Саранг — брат Маллу-хана, правитель области Мултан (ныне территория Пакистана).
- ¹⁰⁸ Неджеф — город в Месопотамии, где был похоронен Али ибн Абу Талиб; место паломничества шиитов.
- ¹⁰⁹ Абдулкадыр, Абдул-Кадир аль-Джилани (1077—1166) — богослов, проповедник, основатель суфийского братства кадирийя; один из наиболее почитаемых суфийских святых.
- ¹¹⁰ Муса ал-Казим, Имам аль-Казим (745—799) — седьмой шиитский имам; по приказу Гаруна ар-Рашида был заточен в тюрьму в Багдаде, где и умер от пыток.
- ¹¹¹ Мухаммед Наки (ан-Наки — чистый; настоящее имя Али ибн Мухаммед; 827—868) — десятый шиитский имам; умер в заключении в 868 году.
- ¹¹² Салман Фарси (или Салман ал-Фариси; ок. 578 — ок. 657) — один из близких сподвижников пророка Мухаммеда.
- ¹¹³ Али ибн Муса, Али ибн Муса ибн Джафар ар-Рида (765—818) — восьмой шиитский имам.
- ¹¹⁴ Имеется в виду сражение на подступах к Ширазу в 1393 году — то самое, после которого распространялся рассказ, будто бы сын Тимура шестнадцатилетний Шахрух лично одолел Шах-Мансура, отсек его голову и принес отцу.
- ¹¹⁵ Зейн ад-дин Абу Бекр Тайбади.
- ¹¹⁶ Абулмансур (*араб.*) — «одерживающий победу», почетное имя, данное Тимуру современниками.
- ¹¹⁷ Шемс ад-дина Кулаль.
- ¹¹⁸ Двенадцатая сура Корана; ее 54-й стих гласит: «Царь сказал: «Приведите его ко мне. Я сделаю его своим приближенным». Побеседовав с ним, он сказал: «Сегодня при нас ты обрел положение и доверие»» (перевод Э. Кулиева).
- ¹¹⁹ Эркиниты — тюрко-монгольское племя, кочевавшее в XV—XVII веках в Моголистане.
- ¹²⁰ Керейты — союз монголоязычных племен, обитавших на современных территориях Забайкалья и Монголии в X—XIII веках. Прекратили самостоятельное существование, попав под власть Чингисхана.
- ¹²¹ Ясаури — общее название монгольских племен, находившихся во время завоевания Чингисханом Мавераннахра и Хорасана под началом Чагатайда царевича Ясаура.
- ¹²² Карачар-нойон (XIII век) — верхний эмир Чагатайского улуса после смерти Чингисхана; по некоторым данным предок Тимура в пятом колене.
- ¹²³ Одно из названий Амударьи.

- ¹²⁴ Кабул-хан, Хабул-хан — монгольский правитель, возглавлявший в первой половине XII века крупное объединение родов, прадед Чингисхана. Согласно соглашению, заключенному между Кабул-ханом и Качули-бахадуром, Кабул-хан и его потомки получили право на ханство, а Качули-бахадур и его потомки — на чин верховного эмира.
- ¹²⁵ Каучины — тюркское племя, в XIV веке кочевавшее на территории Чагатайского улуса.
- ¹²⁶ Бахтарзамин (страна Бахтар) — древнее название Балхской области.
- ¹²⁷ Гармсир — историческая область, расположенная между Сеистаном и Белуджистаном.
- ¹²⁸ Тохаристан — название области на территории современных Таджикистана, Узбекистана и Афганистана.
- ¹²⁹ Юрулдай — племя или род, вошедший в XIV–XV веках в состав улуса джалаирав.
- ¹³⁰ Пул-и сангин — каменный мост на реке Абай, притоке реки Кундуз (Сурхаб).
- ¹³¹ Коран, сура 38, стих 26. Перевод Э. Кулиева.
- ¹³² Арханг (Сарай) — область, расположенная на левом берегу Амударьи, на пути следования торговых караванов на Тибет и Кашгар.
- ¹³³ Даруссалам (*араб.*) — дом мира; эпитет, часто прилагаемый к Багдаду.
- ¹³⁴ Зейн ад-дин Абу Бекр Тайбади.
- ¹³⁵ Ахмед Джалаир (ум. 1410) — султан из династии Джалаиридов, верховный правитель Ирака, Курдистана и Азербайджана в 1382–1410 годах.
- ¹³⁶ Терек в восточных источниках.
- ¹³⁷ По представлению греческих и арабских географов населенная часть мира делилась на семь поясов (климатов). Дешт-и-Кипчак вместе с Мавераннахром и Хорезмом входил в пятый и шестой пояса (климаты).
- ¹³⁸ Коран, сура 66, стих 9. Перевод Э. Кулиева.
- ¹³⁹ Табаристан — историческое (до XIII века) название Мазандерана. Появление обоих названий в одном перечне объясняется, скорее всего, неустойчивостью современной Тимуру топонимики.
- ¹⁴⁰ Дауд — исламский пророк и праведник, соответствует библейскому царю Давиду.
- ¹⁴¹ Малатия, Малатья — город в Малой Азии, ныне Турция.
- ¹⁴² Алеппо — город в Сирии, один из древнейших в мире, насчитывает ок. 8000 лет.
- ¹⁴³ Эмес, Эмеса — ныне Хомс, город в Сирии, впервые упоминается около 2300 года до н. э.

- ¹⁴⁴ Мосул — город в Ираке.
- ¹⁴⁵ Диярбакыр — город в Турции, на реке Тигр.
- ¹⁴⁶ 1401—1402 годы.
- ¹⁴⁷ Анкория, Ангурия, Анкира — средневековое название Анкары; ныне столица Турции.
- ¹⁴⁸ Повесть о походе Тимура на Русскую землю создана в период между 1402 и 1418 годом в окружении московского великого князя Василия I Дмитриевича. В августе 1395 года Тимур неожиданно вышел к Ельцу, разграбил его и, простояв у Дона около двух недель, по неясным причинам повернул обратно и направился в Крым. Решение Тимура на Руси было воспринято как Божье заступничество и как чудо. В Москве на месте встречи иконы, которой приписано было свершение этого чуда, заложили памятную церковь и монастырь, названный в честь события Сретенским.
- ¹⁴⁹ Иван II Иванович Красный, Милостивый, Кроткий (1326—1359) — князь Московский и великий князь Владимирский.
- ¹⁵⁰ Иван I Данилович Калита (ок. 1283—1340 или 1341) — князь Московский, великий князь Владимирский, князь Новгородский.
- ¹⁵¹ Киприан (ок. 1330—1406) — митрополит Киевский и всея Руси с 1389 года, писатель, переводчик и книгописец.
- ¹⁵² Индикт — обозначение порядкового номера года при летосчислении по пятнадцатилетним циклам, принятого в христианских странах в Средние века. На Руси использовался так называемый «греческий индикт», связанный с летосчислением «от сотворения мира».
- ¹⁵³ То есть после нашествия Тохтамыша на Москву и ее взятия в 1382 году.
- ¹⁵⁴ Вероятно, имеется в виду Ногайская Орда.
- ¹⁵⁵ Креший — высекающий искру, огонь; от глагола «кресать»; как перевод-калька турецкого эпитета Баязида — Молниеносный.
- ¹⁵⁶ Гюлистан — часть Мазандерана, ныне провинция в Иране.
- ¹⁵⁷ Ургенч — город в Узбекистане, ныне центр Хорезмской области.
- ¹⁵⁸ Гянджа — город в Азербайджане.
- ¹⁵⁹ Ширван.
- ¹⁶⁰ Тебриз.
- ¹⁶¹ Грузия.
- ¹⁶² Обезами на Руси называли абхазцев.
- ¹⁶³ Сивас. В древности и в Средние века город носил разные названия, в том числе Севастия, Диосполис, Кабира.
- ¹⁶⁴ По преданию, в 320 году при римском императоре Лицинии (правил в 308—324 годах) в Севастии были замучены сорок христиан.
- ¹⁶⁵ Григорий Просветитель (ок. 252—326) — основатель и святой Армянской апостольской церкви, также святой Русской право-

славной церкви, других православных церквей, Римско-католической церкви.

¹⁶⁶ Сарай-Берке.

¹⁶⁷ Ущелье на реке Терек, где в 1395 году Тимур, непосредственно перед походом на Москву, одержал решающую победу над Тохтамышем.

¹⁶⁸ Под «избавлением царствующего града» подразумевается неудачная попытка шахиншаха Хосрова II Парвиза взять Константинополь во время войны с Византией (602—828 годы).

¹⁶⁹ Петр (ум. 1326) — митрополит Киевский и всея Руси, первый из митрополитов Киевских, имевших постоянное местопребывание в Москве. Вскоре после смерти был канонизирован, считался святым покровителем Москвы.

¹⁷⁰ Синаххериб, Сеннахирим — ассирийский царь (правил в 705—680 годах до н. э.), дважды осаждал Иерусалим, но не смог им овладеть; здесь упоминается библейский рассказ (4 Цар. XIX) о том, как пророк Исайя, советник иудейского царя Иезекии, спас Иерусалим своей молитвой; вернувшийся из неудачного похода Сеннахирим был убит собственными сыновьями во время дворцового переворота.

Содержание

Александр Якубовский. Тимур	5
I. Средняя Азия во второй половине XIII века и первой половине XIV века	15
II. Молодые годы Тимура	23
III. Единодержавие Тимура (1370—1405)	31
IV. Внутренняя жизнь в государстве Тимура.	41
Василий Бартольд. Царствование Тимура	52
Лев Зимин. Подробности смерти Тимура	72
Василий Бартольд. О погребении Тимура.	80
Михаил Герасимов. Портрет Тамерлана.	91
Приложения	
Уложение Тимура	103
Повесть о Темир Аксаке	200
<i>Примечания</i>	208

Т17 Тамерлан — покоритель Азии. — М. : Ломоносовъ, — 2014. — 224 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-229-5

Тамерлан, Тимур, Темир Аксак... У этого человека много имен, но еще больше образов. Для одних — он покровитель ученых и мудрый правитель, для других — свирепый захватчик и хладнокровный убийца. Тамерлан завоевал многие страны, основал громадную империю и воздвиг на руинах прошлых веков жемчужину Азии — Самарканд. Но народы, по чьей земле шли его армии, видели в нем олицетворение смерти, империя его создавалась огнем и мечом, а строил Тамерлан не только величественные здания, но и башни из десятков тысяч отрубленных голов. Для узбеков, чье нынешнее государство включает в себя значительную часть Мавераннахра, сердцевины империи Тамерлана, — он безусловный герой; для афганцев, индийцев, кавказских народов — безусловный злодей.

В настоящее издание вошли посвященные Тамерлану исследования выдающихся востоковедов В. В. Бартольда, Л. А. Зимина, А. Ю. Якубовского, антрополога М. М. Герасимова, а также «Уложение Тимура» и русская «Повесть о Темир Аксаке».

УДК 94(575.1)

ББК 63.3(5)

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Тамерлан — покоритель Азии

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 07.04.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 12. Тираж 1000 экз. Зак. 1988

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(495)988-63-76

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ ФРЭНСИС ДРЕЙК
и Уильям ДАМПИР
Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР и ПЛИССИРОВКА ЮБОК
Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА
Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК у СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ и РУСЬ
Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ в ДРЕВНЕЙ РУСИ
и МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ и ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ и ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО в СРЕДНИЕ ВЕКА
Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА

Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана
Вашингтон Ирвинг. Жизнь пророка Мухаммеда
Владимир Новиков. Русская литературная усадьба
Отечественная война 1812 года глазами современников
Наталья Пушкарева. Частная жизнь русской женщины
XVIII века
Сергей Ольденбург. Конфуций. Будда Шакьямуни
Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простых вещей
Генрих Бёмер. История ордена иезуитов
Алексей Смирнов. Скифы
Андрей Снесарев. Невероятная Индия: религии, касты, обычаи
Генри Чарлз Ли. Возникновение и устройство инквизиции
Олег Ивик, Владимир Ключников. Хазары
Вячеслав Шпаковский. История рыцарского вооружения
Лев Ельницкий. Великие путешествия античного мира
Юрий Чернышов. Древний Рим: мечта о золотом веке
Виктор Бердинских. Русская деревня: быт и нравы
Сергей Макеев. Дело о Синей бороде
Борис Романов. Люди и нравы Древней Руси
Печенеги
Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
Алексей Смирнов. Несостоявшийся русский царь Карл Филипп,
или Шведская интрига Смутного времени
Александр Куланов. Обнаженная Япония
Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц
Владислав Петров. Древняя история секса в мифах и легендах
Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
Константин Кудряшов. Александр I и тайна Федора Козьмича
Виктор Калашников. Русская демонология
Рафаил Нудельман. Прогулки с Библией
Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
Георгий Вернадский. Русское масонство в царствование
Екатерины II
Олег Ивик, Владимир Ключников. Сюнну, предки гуннов,
создатели первой степной империи
Константин Иванов. Трубадуры, труверы, миннезингеры
Галина Шебалдина. Заложники Петра I и Карла XII

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Тамерлан — покоритель Азии

Тамерлан, Тимур, Темир Аксак... У этого человека много имен, но еще больше образов. Для одних — он покровитель ученых и мудрый правитель, для других — свирепый захватчик и хладнокровный убийца. Тамерлан завоевал многие страны, основал громадную империю и воздвиг на руинах прошлых веков жемчужину Азии — Самарканд. Но народы, по чьей земле шли его армии, видели в нем олицетворение смерти, империя его создавалась огнем и мечом, а строил Тамерлан не только величественные здания, но и башни из десятков тысяч отрубленных голов. Для узбеков, чье нынешнее государство включает в себя значительную часть Мавераннахра, сердцевины империи Тамерлана, — он безусловный герой; для афганцев, индийцев, кавказских народов — безусловный злодей.

В настоящее издание вошли посвященные Тамерлану исследования выдающихся востоковедов В. В. Бартольда, Л. А. Зимина, А. Ю. Якубовского, антрополога М. М. Герасимова, а также «Уложение Тимура» и русская «Повесть о Темир Аксаке».

ISBN 978-5-91678-229-5

9 785916 782295